

В. А. Троицкий
ЗАПИСКИ
ХАРИТОНА
ЛАПТЕВА

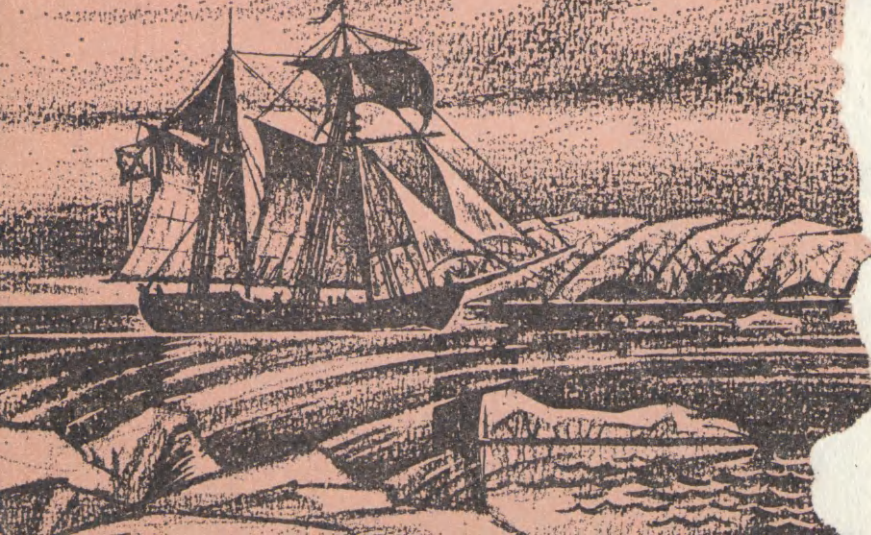
Отъ ханъ и отъ царицѣ рѣшъ и мѣста воеводы и царицы воеводѣ и въ рѣшъ и въ
и въ рѣшъ и въ Мѣстахъ и въ царицѣ и въ царицѣ и въ царицѣ и въ царицѣ и въ царицѣ
и въ царицѣ и въ царицѣ и въ царицѣ и въ царицѣ и въ царицѣ и въ царицѣ

рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ
и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ
и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ

и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ
и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ
и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ

и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ
и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ

и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ
и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ
и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ и въ рѣшъ

**Замечательные
географы
и путешественники**

**ЗАПИСКИ
ХАРИТОНА
ЛАПТЕВА**

В.А.Троцкий

**ЗАПИСКИ
ХАРИТОНА
ЛАПТЕВА**

**Москва
«Мысль»
1982**

26.8 г
Т 70

Scan+DjVu: AlVaKo
28/07/2023

Редакции
географической
литературы

Художник *В. А. Захарченко*

Рецензент канд. географ. наук
Шумилов А. В.

Троицкий В. А.

Т 70 Записки Харитона Лаптева. — М.: Мысль,
1982. — 144 с., ил., карт. — (Замечат. географы
и путешественники).
20 к.

Книга посвящена открывателю Таймыра, участнику Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг. Харитону Лаптеву. Автор описывает жизнь и путешествия Лаптева, рассказывает, как были открыты острова, была создана первая достоверная карта Таймыра и дано географическое описание полуострова.

1905020000-053
Т 133-82
004(01)-82

ББК 26.8г
91(09)

© Издательство «Мысль». 1982

На карте северных берегов нашей Родины есть море Лаптевых, мыс Челюскин, берег Василия Прончищева, пролив Дмитрия Лаптева, Берингов пролив, Берингово море. В них увековечены имена отважных полярных исследователей — моряков Петровской эпохи, чьими трудами впервые были положены на карту очертания берегов наших северных и тихоокеанских морей, открыты острова, заливы и проливы.

Эти исследователи были морскими офицерами, участниками Камчатских экспедиций, организованных по замыслу Петра I вскоре после его смерти. Вторую из них, которая была крупнейшим научно-географическим предприятием XVIII века, позднее стали называть Великой Северной экспедицией.

В течение 1733—1743 годов эта экспедиция провела картографирование северного и восточного побережья России от Белого моря до Охотского

достигла западных берегов Северной Америки и совершила географические открытия в Арктике.

Такая экспедиция была вызвана необходимостью составления достоверной карты далекой малонаселенной Сибири, протянувшейся от Уральского хребта до «теплого моря» — Тихого океана.

В Москве о Сибири знали лишь по «скаскам» — рассказам и отчетам землепроходцев, изредка прилагавших к ним примитивные рукописные чертежи. О протяженности ее судили по дням пути на лошадях, на лодках по рекам или пешком. Землепроходцы совершали и прибрежные плавания между устьями северных рек, а в 1648 году казак Семен Дежнев прошел из устья Колымы к устью Анадыря, обогнув северо-восточный мыс Азии. Однако значение его открытия тогда не было понято. Даже во времена Петра I не было известно, «сошлась ли Америка с Азией».

В первые десятилетия XVIII века Россия начала создавать морской флот. Стали развиваться морская торговля, осваиваться новые морские пути. Передовые русские люди старались привлечь внимание правительства к северному фасаду России — ее арктическому побережью. Ведь еще в начале XVI века русский посол в Риме Дмитрий Герасимов высказывал предположение о возможности пройти морским путем от устья Двины в Китай.

В 1713 году соратник Петра I, корабельный мастер Федор Салтыков, представил царю «Пропозиции» (проект) изучения условий плавания вдоль берегов Сибири. Он предлагал построить морские корабли в устьях сибирских рек Оби, Енисея и Лены и на них проплыть морем между устьями этих рек, отыскивая удобные якорные места, исследуя глубины, скорости течений, прибрежные острова, мысы, грунты морского дна, командирам

кораблей рекомендовалось в журналах записывать сведения о встречающихся народах, зверях, лесах, о наблюдавшейся погоде. По существу это был всеобъемлющий план изучения и освоения Северного морского пути.

Петр I одобрил план Ф. Салтыкова, но отложил его осуществление до окончания войны со Швецией. В 1719 году он все же послал геодезистов Петра Евреинова и Василия Лужина на Камчатку узнать, «сошлась ли Америка с Азией».

Через три года геодезисты привезли первую достоверную карту Камчатки и Курильских островов, но разрешить вопрос о проливе между Америкой и Азией им не удалось.

Мысль об этом не оставляла Петра I. В конце 1724 года современники так записали его слова: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге чрез Ледовитое море в Китай и Индию... Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству чрез искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании того пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались отыскивать берегов американских?»¹

В декабре 1724 года по царскому указу Адмиралтейств-коллегия приступила к организации Камчатской экспедиции. Ее руководителем был назначен капитан Витус Беринг, датчанин на русской службе.

За несколько недель до своей смерти Петр I собственноручно написал Берингу инструкцию:

¹ Русские мореплаватели. М., 1953, с. 36.

«1. Надлежит на Камчатке или в другом месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах [идти] возле земли, которая идет на Норд и по чаянию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкою и чтоб доехать до какого города Европейских владений... И самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды»¹.

Спустя две недели после получения этой инструкции назначенные в экспедицию к В. Берингу офицеры и матросы выехали из Петербурга. Они везли с собой почти все необходимое для постройки и снаряжения судна. Два года занял путь через Сибирь на Камчатку.

В июле 1728 года на построенном в Нижнекамчатске боте «Святой Гавриил» Беринг вышел в плавание. Двигаясь на Север, судно обогнуло восточную оконечность Азии, но из-за тумана не были замечены берега Аляски, и Беринг прошел севернее пролива, который впоследствии был назван в его честь.

В Чукотском море, в районе нынешнего мыса Сердце-Камень, мореплаватели увидели густой лед и повернули обратно. У местных жителей Беринг узнал, что от места поворота в годы, когда море свободно ото льда, можно беспрепятственно пройти на запад до устья реки Колымы. Считая инструкцию выполненной, Беринг выехал в Петербург, куда добрался со всеми людьми к весне 1730 года. Так закончилась Первая Камчатская экспедиция. Однако Адмиралтейств-коллегия посчитала инструкцию Петра I невыполненной, поскольку берега

¹ Там же.

Америки достигнуты не были. Решили поиски Америки продолжать.

В 1732 году под руководством президента Адмиралтейств-коллегии адмирала Н. Ф. Головина была разработана новая инструкция Берингу, предусматривающая для исследования северных морей построить три дубель-шлюпки с палубами, имеющие по 24 весла; одну было решено построить в Тобольске на Иртыше и две в Якутске на Лене. На двух судах должны были следовать до устьев рек Оби и Лены, а затем морем подле берега до устья Енисея навстречу друг другу. А на третьей дубель-шлюпке плыть к востоку до Камчатки. Предполагалось также исследовать берег моря от города Архангельска до реки Оби.

Но главной задачей экспедиции В. Беринга по-прежнему оставалось открытие западных берегов Северной Америки и пролива, отделяющего ее от Азии.

После утверждения в конце 1732 года инструкции сенатом сразу же началась деятельная подготовка Второй Камчатской экспедиции. Возглавил ее теперь уже капитан-командор В. Беринг. В экспедицию посылались почти тысяча человек. Кроме экипажей будущих шести морских судов вместе с штурманами и матросами ехали корабельные мастера, конопатчики, плотники, парусники, лекари, геодезисты, солдаты для охраны. В состав «Камчацкой» экспедиции (так ее официально именовали) были включены и несколько профессоров Академии наук.

Весной 1733 года из Петербурга по последнему санному пути потянулись обозы с якорями, парусами, канатом и пушками. Среди руководителей будущих отрядов ехал и командир отряда, назначенный исследовать берег к западу от реки Лены,

лейтенант Василий Васильевич Прончищев с молодой женой Марией, решившей сопровождать мужа в предстоящих многолетних странствиях по северу Сибири.

Санным путем доезжали до бассейна Оби, сплавлились по рекам, перевозили грузы посуху на Енисей, на речных судах поднимались вверх по Ангаре, затем опять сухим путем на Лену, по которой сплавливали грузы и людей в Якутск.

Вторая Камчатская, или, как ее еще называют, Великая Северная, экспедиция работала в течение 10 лет. На небольших парусных судах, а когда лед не позволял плавать, на собачьих упряжках или оленях исследователи объехали северные и восточные берега России, составили первые достоверные карты, основанные на астрономических пунктах. Неимоверные трудности и лишения выпали на долю участников Великой Северной экспедиции. Многим не суждено было вернуться: умер от голода и холода командор В. Беринг на одном из открытых им Командорских островов; от цинги умерли начальник Ленского отряда В. В. Прончищев и его жена Мария, начальник Ленско-Колымского отряда П. Ласиниус, десятки солдат и матросов. Исполняя свой долг перед Родиной, они отдали свои жизни за то, чтобы соотечественники узнали, каковы же в действительности очертания и протяженность северных и восточных берегов России, каковы условия плавания. Навигационные карты, составленные ими, служили мореплаванию и науке свыше 100 лет.

Литература¹ о Великой Северной экспедиции огромна, но и поныне еще не изучены ее корабель-

¹ Большое количество книг и статей о ВСЭ основано на немногих работах, в которых использованы документальные архивные источники. Основные из них следующие: *Вран-*

ные и путевые журналы, немногие уцелевшие навигационные карты, рапорты командиров отрядов. А в этих документах немало материалов по истории географических открытий, климатологии, о происшедших за 250 лет изменениях береговой линии¹.

Среди блистательной плеяды моряков-исследователей в экспедиции В. Беринга выделяется командир Ленско-Енисейского отряда лейтенант Харитон Прокофьевич Лаптев. Этому отряду (которым вначале, до 1736 года командовал лейтенант В. В. Прончищев) принадлежит честь открытия огромного, на 1000 км протянувшегося к северу между Леной и Енисеем полуострова Таймыр, о существовании которого до работ Прончищева и Лаптева не знали.

гель Ф. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, ч. I, Спб., 1841 г.

Соколов А. Северная экспедиция. — Записки гидрографического департамента, т. IX, 1851; Экспедиция Беринга. Сб. док. Под ред. *Покровского А. М.* 1941; *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. — В кн.: История открытия и освоения Северного морского пути, т. 1. Л., 1956; *Яников Г. В.* Великая Северная экспедиция. М. — Л., 1949; *Романов Д. М.* Полярные Колумбы. Тула, 1976; *Троицкий В. А.* Географические открытия Прончищева В. В., Лаптева Х. П. и Челюскина С. И. на Таймыре. — Летопись Севера, т. 7. М., 1975; *Кушнарев А.* В поисках пролива. Л., 1976; *Глушанков И. В.* Навстрелу неизведанному. М., 1980.

¹ Писавшие о ВСЭ историки и географы оценивали открытия экспедиции по записанным в журналах астрономическим определениям широт, считая, что ошибки в широтах невелики и по этим широтам можно проследить маршруты и открытия экспедиции на современных картах. Но, как выяснилось недавно при моделировании и прокладке маршрутов на современных картах по пройденным исследователями расстояниям и направлениям их пути, ошибки в широтах обычно допускались в 20'—30', в долготах — до 1°—2°. Поэтому маршруты и достижения крайних точек на севере участниками ВСЭ нельзя оценивать по широтам, записанным в их журналах.

Х. П. Лаптев впервые установил размеры и протяженность этого полуострова, описал его рельеф, природные условия, возможности мореплавания, составил первую лоцию его берегов, уникальное географическое описание природы внутренних областей и населявших их народов.

Обладая мужеством и настойчивостью, Х. П. Лаптев после потери своего судна, затертого во льдах моря, носящего сейчас имя Лаптевых, продолжал вести съемку берега по суше на собачьих упряжках.

Инструкция не требовала от Х. П. Лаптева составлять какие-то описания обследованных территорий, достаточно было сдать Адмиралтейств-коллегии корабельные журналы и карты. Однако понимая, что в исследованную им отдаленную область Сибири еще не скоро придут его последователи, Х. Лаптев написал «для известия потомкам» большой географический труд, обобщающий все полученные наблюдения и названный автором: «Описание содержащееся от флота лейтенанта Харитона Лаптева в Камчаткой экспедиции меж реками Лены и Енисея, в каком состоянии лежат реки и на них всех живущих промышленников состояние». Составленные Х. Лаптевым навигационные и общегеографическая карты полуострова Таймыр на протяжении почти полутора столетий оставались единственными.

Моделирование маршрутов отряда на современных картах впервые позволило достоверно выявить совершенные открытия и отождествить упоминаемые в журналах названия островов, мысов, бухт, проливов с их современными географическими названиями, а также составить комментарии к географическому труду Х. Лаптева «Описанию...», о котором крупнейший ученый по источниковедению

Сибири А. И. Андреев писал: «...труд Лаптева, к сожалению, почти неизвестен нашим этнографам»¹.

Между тем в «Описании...» Х. Лаптева содержатся сведения по географии, этнографии, ботанике, то есть материал, который позволяет увидеть Таймыр таким, каким он был 250 лет назад.

«Описание...» Х. Лаптева было опубликовано лишь однажды, 130 лет назад в специальном журнале² без всяких комментариев. При сверке текста этой публикации с сохранившейся архивной рукописью Х. Лаптева выявилось много ошибок и неточностей. Например, в публикации 1851 года есть фраза: «Река Хатанга вышла из озера Большого зовомого; и сей на ней лес стоячей окончился...», тогда как в рукописи читается: «Река Хатанга вышла из озера большого, зовомого Иссей, на ней лес стоячей окончился», что видно и на отчетной карте Лаптева. Таких уточнений и исправлений в публикуемом приложении сделано немало.

Как уже упоминалось, в 1733 году из Петербурга в Сибирь выехали десятки обозов с грузами и участниками Второй Камчатской экспедиции. К зиме 1734 года санные обозы добрались до Усть-Кута на реке Лене, где участники экспедиции зазимовали. Рубили вековой лес, строили небольшие речные барки-дощаники для сплава летом по Лене снаряжения и продовольствия в Якутск. На стапелях близ Якутска осенью заложили два морских судна: дубель-шлюпку «Якуцк» и бот «Иркуцк». Размеры этих судов указаны в рапорте Беринга Адмиралтейств-коллегии:

¹ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 2. XVIII век (первая половина). М. — Л., 1965, с. 49.

² Записки гидрографического департамента, т. IX. СПб., 1851, с. 59.

«Дубель шлюпка заложена длиною в 70 фут (21,3 м), шириною в 18 фут (5,5 м), глубиною в 6¹/₂ фут (2 м). А лес в строение употреблен листовенный, а кокоры еловые, да балки сосновые. А строением окончена и спущена на воду 23 мая 1735 году именована дубельшлюпка Якуцк»¹. Судно имело две мачты, оснащаемые парусами, грот, фок, стаксель, кливер, топсель и 24 гребных весла.

Суда «Якуцк» и «Иркуцк» (бот был примерно тех же размеров) назначались Берингом для исследования берегов от устья Лены на запад к Енисею и на восток к Колыме. На имевшихся тогда глазомерных чертежах XVII века берег между Енисеем и Леной рисовался прямолинейным, без всякого намека на полуостров Таймыр. Открытие этого полуострова и северо-западных берегов Америки было важнейшим достижением экспедиции Беринга.

В июне 1735 года из Якутска вниз по Лене вышли дубель-шлюпка «Якуцк» под командованием лейтенанта В. В. Прончищева и бот «Иркуцк», командиром которого Беринг назначил лейтенанта Питера Ласиниуса. На каждом судне было примерно по 50 человек экипажа. В пути по Лене штурманом С. И. Челюскиным (помощником Прончищева) впервые составлялась карта берегов реки.

В начале августа корабли достигли дельты Лены: На судовых ялботах искали в многочисленных ее протоках выхода в море на запад, но так и не нашли. Оба судна вышли из дельты на восток по Быковской протоке. Отсюда «Якуцк» пошел на север в обход дельты Лены, а «Иркуцк» — на восток. Из-за встречных ветров и отсутствия опыта плавания во льдах на обход дельты Лены было затраче-

¹ Экспедиции В. Беринга. М., 1941, с. 98.

но две недели. Сроки навигации были пропущены, и кампания 1736 года была сорвана.

25 августа «Якуцк» вошел в устье реки Оленек, где В. Прончищев решил зазимовать. Возле селения Усть-Оленекского, населенного потомками казаков-землепроходцев, матросы «Якуцка» соорудили несколько домов из леса-плавника.

Первая арктическая зимовка прошла благополучно для тех, кто по примеру местных жителей не отказывался есть строганину — свежемороженую рыбу. У тех, кто воздерживался от такой пищи — а среди них была и молодая чета Прончищевых, — к весне появились признаки цинги.

В 1736 году море вскрылось ото льда поздно и лишь 2 августа «Якуцк» вышел из Оленекского залива в плавание на запад. За два дня мореплавателям удалось пройти к устью реки Анабар, лежащей в 240 километрах западнее. Там шлюпочная партия, руководимая геодезистом Никифором Чекиным, поднялась вверх по реке в поисках горы, из которой, по слухам, извергалось пламя, но таковой не обнаружили. От Анабара Прончищев повел судно вдоль берега на север. В тумане остался незамеченным пролив между материком и нынешним островом Бегичева, который они посчитали за продолжение материка. От жителей Усть-Оленекского селения В. Прончищев знал о реке Хатанге и первый же замеченный пролив (ныне пролив Северный) принял за устье Хатанги. В действительности это был вход в Хатангский залив.

13 августа В. Прончищевым был открыт остров (нынешний остров Преображения). Плывя на север в 1—2 милях от берега, с судна заметили несколько островов (на современных картах это острова: Петра, Андрея, Фаддея и наиболее крупные из островов Комсомольской Правды), но тогда их

никак не назвали. Севернее нынешнего мыса Прончищева, запеленгованного на юго-запад в 5 милях, встретили густой лед.

К полудню 19 августа «Якуцк» достиг счислимой широты $77^{\circ}29'$, но далее плыть не позволили льды, и на «консилиуме» (военный совет) было решено возвратиться. Бросавшийся за борт лот дна не доставал, хотя выпускали 120 сажен (220 м). Если сделать навигационную прокладку пути судна на современной карте и учесть глубину 220 метров, то окажется, что «Якуцк» достиг середины пролива Вилькицкого на широте $77^{\circ}55'$ ¹.

Обратно к устью Оленека «Якуцк» шел по тому же маршруту вдоль восточного берега Таймыра. Противные ветры долго препятствовали входу в устье реки. 29 августа В. Прончищев скончался на борту судна, а спустя 12 дней на берегу скончалась его жена Мария. Могила Прончищевых в поселке Усть-Оленек сохранилась до нашего времени.

С установлением санного пути оставшийся за командира штурман С. И. Челюскин отправил в Якутск рапорт В. Берингу о плавании 1736 года и о смерти Прончищевых. К рапорту он приложил карту², составленную им совместно с геодезистом

¹ Подробный анализ конечной точки пути «Якуцка» 19 августа 1736 г. сделан в статье Троицкого В. А. «Географические открытия В. В. Прончищева, Х. П. Лаптева, С. И. Челюскина на Таймыре», *Летопись Севера*, т. VII, М., 1975, с. 79.

² В литературе о карте Челюскина — Чекина 1736 г. можно встретить самые противоречивые толкования и даже сомнения в ее существовании. В 1973 г. в городе Игарка нами была обнаружена копия с этой карты, снятая в 1754 г. (см. *Троицкий В. А.* Неизвестная копия с карты штурмана С. И. Челюскина. — *Изв. Всесоюзн. геогр. об-ва*, т. 107, 1975, с. 463).

Чекиным, на которой был показан восточный берег полуострова Таймыр с выявленными прибрежными островами.

Весной 1737 года С. Челюскин и Н. Чекин выехали в Якутск за получением дальнейших инструкций, а летом дубель-шлюпку туда перегнал по Крестяцкой протоке боцманмат Василий Медведев. Стоял вопрос о прекращении работ Камчатской экспедиции, так как установленный решением сената двухлетний срок деятельности северных отрядов уже истек.

Адмиралтейств-коллегия, получив сообщение Беринга о неудачной попытке В. Прончищева пройти в Енисей с востока и о его смерти, а также о гибели от цинги во время зимовки половины экипажа бота «Иркуцк», стала просить сенат об отпуске средств для продолжения работ северных отрядов. Об этом просил и Беринг, пославший из Якутска в Петербург нового командира бота «Иркуцк», Дмитрия Лаптева, лично доложить о возможности завершения задания северными отрядами.

В декабре 1737 года сенат разрешил продолжить исследования в Северном Ледовитом океане с условием непременно завершения описи его берегов.

Новым начальником Ленско-Енисейского отряда и одновременно командиром дубель-шлюпки «Якуцк» Адмиралтейств-коллегия назначила командира царской яхты «Декроне» мичмана Харитона Прокофьевича Лаптева, произведя его в следующий чин лейтенанта флота. Возможно, не последнюю роль сыграло то, что его двоюродный брат лейтенант Д. Я. Лаптев отлично зарекомендовал себя на Севере.

**ГОДЫ УЧЕБЫ
И МОРСКОЙ
СЛУЖБЫ
ХАРИТОНА
ЛАПТЕВА**

Харитон Прокофьевич Лаптев¹ происходил из старинного дворянского рода. Среди его предков, исправно служивших Московскому государству в XVI веке был некий Варфоломей Глебов, сын Сорокоумов, по прозвищу Лапоть. Его потомок Петр Родионов, сын Лаптев, по прозвищу Несвитай, всю жизнь провел в походах и боях с порабощателями Русской земли. За верную службу ему была пожалована вотчина близ города Великие Луки. От него и пошла великолукская ветвь дворянского рода Лаптевых, мелкопоместных помещиков, деливших по наследству несвитаевскую вотчину. Внук Несвитаия — Прокофий Лаптев владел небольшим сельцом Пекарево² в Слауцком стане

¹ При написании данной главы использованы: Общий морской список, ч. 1. СПб., 1885. *Глушанков И.* Первоисследователи Таймыра. — Полярный круг, вып. 1. М., 1974.

² По другим данным — Пукарево. Ныне деревня Покарево

Великолукской провинции. По соседству располагалось небольшое имение его родного брата Якова. Здесь и родились у Прокофия в 1700 году сын Харитон, а в 1701 году у Якова — Дмитрий.

В деревеньке Пекарево было всего шесть дворов, из которых в пяти дворах жило 17 крепостных душ, а в шестом, мало чем отличавшемся от крестьянских домов, жил помещик Прокофий Лаптев. Сын его Харитон играл с крестьянскими детьми. Детство его прошло на реке Ловать, по которой в древности шел знаменитый путь «из варяг в греки». Участие в крестьянских работах дали Харитону трудовое воспитание, закалили здоровье, волю, настойчивость, что очень пригодилось в профессии моряка, а позже полярного исследователя.

Как все дети мелкопоместных помещиков Петровской эпохи, чтению, письму, началам арифметики Харитон обучился у местного священника. В 1715 году по указу Петра I среди дворянских недорослей новгородских, псковских, великолукских и других северных провинций, «яко живущих при водяных сообщениях», производился набор во вновь организовавшуюся в Петербурге Морскую академию. Пятнадцатилетние мальчики Харитон и Дмитрий, чье детство прошло на реке, с радостью восприняли решение родителей отдать их учиться морскому делу. Осенью 1715 года мальчиков приняли в Морскую академию.

Носившее по нынешним понятиям громкое название, это учебное заведение в действительности давало только начальное теоретическое морское образование будущим штурманам и строевым офицерам. Кроме штурманского дела учащиеся изуча-

Купуйского сельсовета Великолукского района Псковской области.

ли устройство и парусное вооружение кораблей, их постройку, искусство морского боя.

В академии главный упор делался на самостоятельное изучение предметов под контролем преподавателей, в основном иноземных морских офицеров. Вначале по учебнику первого русского математика Л. Ф. Магницкого изучалась арифметика, после усвоения которой принимались за геометрию, тригонометрию, астрономию. На старших курсах обучали уже счислению пути судна и наблюдениям по солнцу путем измерения полуденных высот квадрантом — угломерным инструментом средних веков.

В 1718 году братья Лаптевы после сдачи теоретических экзаменов были произведены в гардемарины и зачислены в Балтийский флот.

В первые годы флотской службы они осваивали на практике теоретические знания. Производство из гардемарин в офицеры зависело от овладения на практике знаниями, полученными в Морской академии, и успешной сдачи теоретических и практических экзаменов. Дмитрию морская наука давалась легче: спустя два года он получил первый офицерский чин мичмана, а через пять лет уже командовал кораблем в чине унтер-лейтенанта.

Харитон Лаптев в 1720 году получил унтер-офицерский чин подштурмана и плавал на судах Балтийского флота. В 1725 году Х. Лаптев ездил в Италию в составе флотской миссии, по возвращении из которой в 1726 году был произведен в офицеры, получив чин мичмана. Продолжая служить на кораблях Балтийского флота, он побывал в норвежских шхерах, где ему запомнились «вики» — узкие извилистые заливы с высокими скалистыми берегами. Позже на севере он не раз вспомнит о них.

В 1733 году формировалась Камчатская экспедиция, в которую отбирались лучшие штурманы и морские офицеры. Дмитрий Лаптев был назначен в эту экспедицию в чине лейтенанта флота. Харитон Лаптев на службу в Сибирь вместе с братом не попал.

Не знал тогда Харитон, какое жестокое испытание готовит ему судьба: едва не стал он жертвой дворцовых интриг и «бироновщины» периода правления императрицы Анны Иоанновны.

В 1734 году в Гданьске (в то время Данциг) претенденту на польский престол Станиславу Лещинскому, поддерживаемому Францией, была объявлена война. Русский флот вышел в море для осады Гданьска. Фрегат «Митау», на котором служил мичман Х. Лаптев, был послан на гданьский рейд, чтобы узнать, суда каких стран поддерживают Лещинского.

В «ордере» — приказе на плавание командиру фрегата «Митау» — забыли написать, что французские суда надо считать неприятельскими, о чем из Петербурга был дан указ командующему Кронштадтской эскадрой адмиралу Гордону. Моряки «Митау» не опасались французских судов, считая их нейтральными. Но французы окружили русский фрегат, взяли в плен русских и держали их в тюрьме до конца войны. После обмена пленными всех офицеров «Митау», в том числе и Х. Лаптева, отдали под военный суд, обвинив в сдаче корабля неприятелю без боя. По петровскому морскому уставу за это полагалась смертная казнь. Суд и вынес такой приговор, который едва не привели в исполнение. В последний момент нашлись беспристрастные свидетели, что в «ордере» французские суда неприятельскими не значились. Новое следствие длилось полтора года, и только в феврале

1736 года невинно осужденных офицеров выпустили на свободу из бироновских застенков.

Летнюю кампанию 1736 года Х. Лаптев плавал по Балтике на фрегате «Виктория». Осенью его послали на Дон для изыскания места, «удобнейшего к судовому строению». Там намечалось строительство судов для донской флотилии на случай войны с Турцией. Успешно выполнив это задание, Х. Лаптев в начале 1737 года возвратился в Петербург и был назначен командиром придворной яхты «Декроне».

Это назначение свидетельствовало, что мичмана Х. Лаптева считали знающим и надежным морским офицером.

Когда Х. Лаптев узнал, что в Камчатскую экспедицию требуются офицеры (после смерти В. Прончищева и П. Ласиниуса) он в ноябре 1737 года подал прошение императрице Анне: «Понеже ныне в Камчацкой экспедиции есть вакансии... прошу меня от флота лейтенанта пожаловать и послать в вышереченную экспедицию...»¹

Ответа долго не было, так как в сенате личные недруги Беринга и противники Камчатской экспедиции добивались вообще прекращения ее работ. Только в декабре 1737 года Адмиралтейств-коллегия убедила сенат дать средства на продолжение работ в Северном океане.

13 декабря мичман Х. Лаптев был утвержден командиром дубель-шлюпки «Якуцк» Ленско-Енисейского отряда и произведен в следующий чин — лейтенанта флота.

В инструкции Адмиралтейств-коллегии новому командиру дубель-шлюпки «Якуцк» предписыва-

¹ ЦГВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 24, л. 123.

лось пройти морем из Лены в Енисей с попутной описью неизвестных берегов. Учитывая трагический опыт Прончищева, в инструкции предписывалось не возвращаться осенью к месту прежней зимовки, а устраиваться на зимовку поближе к достигнутому пункту, чтобы не терять времени на переходы следующим летом. Вместо двухлетнего срока работ, установленного ранее, теперь Адмиралтейств-коллегия разрешила выполнить задание в четырехлетний срок, но с условием, что оно будет выполнено.

Х. Лаптев готовился к отъезду, но неожиданно в феврале 1738 года в Петербург прибыл из Якутска лейтенант Дмитрий Лаптев. Он привез журналы и карты своего неудачного плавания к Колыме летом 1737 года и запрос В. Беринга, можно ли вести опись берега по суше, если на третье или четвертое лето судам не удастся пройти в Колыму или Енисей.

Адмиралтейств-коллегия согласилась с предложением Д. Лаптева вести при необходимости опись берегов по суше. Обоим начальникам отрядов, выходящих из устья Лены к западу и востоку, — лейтенантам Харитону и Дмитрию Лаптевым были даны инструкции выполнить задания по суше, если лед во второе лето будет так же непроходим, как и в первое.

Суда разрешалось отправить в Якутск или поставить в подходящем месте, а с частью команды двигаться по суше вдоль берега пешком или на местном транспорте и вести опись берегов по правилам навигации. Принять решение о прекращении плавания из-за непроходимых льдов и необходимости продолжать опись берега по суше должен был консилиум, то есть военный совет командира с офицерами судна.

В отличие от своего предшественника Х. Лаптев получил точную инструкцию, как поступать, если судно не сможет пройти морем из Лены в Енисей.

Получив широкие полномочия от Адмиралтейств-коллегии, в марте 1738 года братья Лаптевы выехали в Сибирь. Но вначале они заехали в родные места близ Великих Лук. У Дмитрия здесь жил отец «в древней старости», а в сельце Пекарево Харитон оставлял молодую жену с малолетним сыном Капитоном. Попрощавшись с родными, братья Лаптевы отправились к дальним берегам величественной Лены, где стояли их корабли, готовые отправиться в северные моря.

**ПУТЕШЕСТВИЯ
И ОТКРЫТИЯ
ХАРИТОНА
ЛАПТЕВА
НА СЕВЕРЕ
СИБИРИ**

Весной 1738 года по последнему санному пути братья Лаптевы на перекладных прибыли в Казань. Здесь, согласно привезенному с собой «ордеру» — приказу Адмиралтейств-коллегии, отобрали уже подготовленное здешним военным интендантством для Камчатской экспедиции новые судовые канаты, паруса, такелаж, форменную одежду унтер-офицеров и матросов, шкиперские и плотницкие инструменты, «подарошные вещи» (бисер, медные котлы, ножи, топоры). Для своего корабля Х. Лаптев выбрал два новых морских пель-компаса, которыми надо было заменить сломавшийся еще в 1736 году главный компас, о чем он знал из рапорта штурмана С. Челюскина Адмиралтейств-коллегии.

Полученное имущество погрузили на несколько волжских барок и, как только на Волге сошел лед, потянули их то «бичевой», то конской тягой, а где и бурлаками вверх по реке до устья Камы, затем по

Каме и Чусовой. Через Урал груз перевозили гужевыми обозами до реки Туры. В Верхотурье на Туре снова грузили свое имущество на небольшие баржи и лодки, в которых сплавлялись по Туре через Тюмень в реку Тобол.

В тогдашней столице Сибири Тобольске Лаптевым вручили подорожные документы для получения от местных властей плавсредств, лошадей или бурлаков для дальнейшего путешествия на восток по сибирским рекам. Из Тобольска баржи с грузом легко сплывали по Иртышу до впадения его в могучую Обь. Затем медленно поднимались вверх по Оби до впадающей в нее у городка Нарым реки Кеть. По Кети шли до Маковского острога, где снова перегрузили имущество на лошадей и привезли в город Енисейск.

Через три с половиной года Х. Лаптев опять приедет в этот город, но уже с севера по Енисею. Здесь замкнется его «кругосветка», охватывающая огромную сердцевину Сибири — территорию между Леной и Енисеем, о которой он так красочно напишет в своем «Описании...». Пока привезенное имущество перегружали на енисейские баржи и дощаники, Х. Лаптев предъявил указ Сената Енисейской воеводской канцелярии, чтобы был послан приказ Мангазейской (Туруханской) канцелярии отправить летом 1739 года запас продовольствия с Енисея к устью реки Пясины и зажечь там маяк. Туда он рассчитывал добраться к осени этого года при благоприятном плавании по морю из реки Лены.

Уже по санному пути к новому 1739 году, почти через год после выезда из Петербурга, Лаптевы добрались до Усть-Кута на реке Лене.

Здесь уже строились дощаники и барки для сплава снаряжения вниз по реке. Весной перегрузили в них привезенное из Казани судовое снаря-

жение и подарочные вещи, а также провиант, полученный здесь из складов Якутской воеводской канцелярии.

Как только на Лене вскрылись льды, Лаптевы начали сплав грузов на дощаниках и барках для своих судов. Так началось путешествие Х. Лаптева по Северу Сибири.

«В ысходе сего 9 часа по полдни прибыл в Якуцк дубель шлюпки командир господин лейтенант Харитон Лаптев на одном дощенике и при нем барка с морским и сухопутным провиантом...

В половине 12 часа прибыл в Якуцк бота Иркутца командир Дмитрий Лаптев на дощенике».

Такой записью начинается 26 мая 1739 года судовою журнал дубель-шлюпки «Якуцк», на титульном листе которого написано: «1739 году маия 26 дня журнал, содержащийся на дубель шлюпке Якуцк под командою от флота лейтенанта Харитона Лаптева, следующий от города Якутца вниз рекою Леною до устья ея, також и морем около морского берега к западу, в котором записывал ветры и погоды, и всякие случаи, и счисление пути на показанные в столпах курши и версты, мили аглинские, и описание берегов и островов, и рек, и моря»¹ (л. 1).

Утром следующего дня командир собрал на судне команду. Об этом в журнале записано: «В ысходе сего 7 часа явился штурман Семен Челюскин со всею командою в команду господина лейте-

¹ В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ, фонд 913, оп. 1, дело 41) в Ленинграде находится единственная сохранившаяся копия судового журнала «Якуцка» за 1739—1742 гг., в котором после гибели судна в 1740 г. вели путевые дневники Х. Лаптев или С. Челюскин во время их санных поездок. Далее в тексте выдержки из журнала не оговариваются, а указываются только листы журнала, с которых они взяты.

нанта Харитона Лаптева со обретающимся на дубель шлюпке служителями. Подняли у нас на дубель шлюпке вымпел и был всем служителям смотр» (л. 1). На палубе стояли в строю перед вновь назначенным командиром опытные моряки-полярники: унтер-офицеры — штурман Семен Челюскин, геодезист Никифор Чекин, боцманмат Василий Медведев, квартирмейстер Афанасий Толмачев, писарь Матвей Прудников, рядовые — матросы Козьма Сутормин, Иван Щелканов, переводчик Иван Пермитин, солдаты Константин Хорошев, Антон Фофанов, Андрей Прахов, Терентий Дорофеев (это имена тех, кто наиболее часто отмечен в журнале при выполнении каких-либо заданий), а также подлекарь Карл Бекман, матросы и солдаты, иеромонах, всего с новым командиром 47 человек. Вероятно, многих из них, вынесших четыре долгие полярные зимовки, три кампании плавания во льдах, видевших смерть прежнего командира и его жены от цинги, с недоверием смотрели на прибывшего из Петербурга новичка, не знавшего ни темной, длинной полярной ночи, ни страшных льдов, которого кто-то из вершителей их судеб определил им в начальники. Каков-то он будет?

Мы не знаем, что говорил новый командир полярным ветеранам, составлявшим теперь его экипаж, просил, видно, послужить матушке России по завету памятного всем императора Петра, затеявшего «Камчацкую» экспедицию, в которую им суждено было попасть. Но кажется, нашел путь к сердцам доверенных ему людей. Через несколько дней в журнале записано: «Сего числа роздавали служителям денежное жалование», не получаемое уже больше года. Началась погрузка привезенного провианта: «По приказу господина лейтенанта

стали сгружать провиант на дубель шлюпку в прием писаря Прудникова и грузили масла, соль, вино и муку» (л. 1 об). Всего этого на месте работ получить было негде, поэтому запасали, сколько можно в судно и дощаник, но и их не хватало. Лаптев вытребовал от Якутской канцелярии третье судно — «новый каюк (каяк), в который загружено было 862 пуда (14 тонн) муки. В дощаник было погружено провианта разного полторы тысячи пудов», и в дубель-шлюпку нагрузили «разной провиант, муку, крупу, соль и сухари, мяса... всего 1234 пуда». На все три судна было погружено около 64 тонн продовольствия.

Загрузили суда так, что «в интрюме очень тесно, служителям нанизу невозможно быть и для того провиант убавили. И отдали муку прапорщику Левашову триста пуд, так же и дощеник и каяк были много загружены и вниз по Лене реке плыть опасно, и для того вышеозначенное число муки с трех судов отдали в отдачу» (л. 2). В трюме стало просторнее, но и теперь продовольствия было немало — 59 тонн.

Наконец все было готово к отплытию, поставлен новый главный компас, привезенный Х. Лаптевым из Петербурга, вычищены по приказу командира четыре небольших пушки-фальконеты. 5 июня команда перебралась жить на судно. Была взята и упряжка собак с нартами. 8 июня¹ при тихой сол-

¹ В литературе об экспедициях В. Беринга имеются разночтения в указании дня отхода Х. Лаптева из Якутска: от 5 до 9 июня. Путаница в датах возникла потому, что некоторые авторы не учитывают того, что в российском флоте в XVIII в. начало суток записывали в судовой шканечный журнал не с полуночи, а с полудня. Это было удобно для направления счисления пройденного за сутки пути, что делалось всегда в полдень после наблюдения высоты полуденного солнца, по которой вычислялась широта места. Поэтому вы-

нечной погоде корабли «в половине шестого часу по полудни подняли якорь и пошли в путь свой, распустя парусы фок и топсель» (л. 2).

На буксире вели большой ялбот с дровами, несколько позади шел дощаник с назначенной на него командой во главе с квартирмейстером Афанасием Толмачевым. За дощаником на буксире вели каяк с мукой. Плавание по неизвестному фарватеру Лены без лоцмана было нелегким. Частые посадки на мель замедляли плавание, хотя такие задержки позволяли лучше выяснить расположение встречающихся островов, протоков, мелей. В журнале много записей о селениях, смене лесов лугами, затем тундрой, горных кряжах, какая где ловится рыба, какой народ где живет и т. п. Впоследствии Х. Лаптев использует эти записи для рассказа о Лене в своем «Описании...».

Больше месяца длилось плавание по Лене и Крестяцкой протоке, в которую смело вошли под лоцманской проводкой боцманматася Василия Медведева. Он еще в 1737 году перегонял дубель-шлюпку из Оленека в Лену и разведал тогда фарватер,

писанные из журнала случаи с полудня до полуночи надо относить к предыдущей дате, а не к той, под которой они значатся в журнале. И только случаи после полуночи можно относить к той дате, которая записана в журнале, — она будет соответствовать дате гражданского календаря. Под датой 8 июня, в 10 час. пополудни, в журнале «Якуцка» записано: «Пошли от Якуцка, и отплыв две версты, стали на якорь для исправления письменных дел» (л. 2). По гражданскому календарю это произошло 7 июня в 10 час. вечера. Но дату 7 июня нельзя считать днем выхода в плавание, так как это был отход на рейд Якутска, как это практикуется и теперь, для выполнения на берегу различных формальностей. И только запись в 5 час. пополудни 9 июня: «Пошли в путь свой, распустя парусы» — означает окончательный выход в плавание судов кампании 1739 г., что произошло, как видим, 8 июня.

проведя судно с моря в Лену по Крестяцкой протоке.

Впереди шли мелкосидящие дощаник и каяк с мукой.

Выйдя 19 июля на взморье, оказавшееся свободным ото льдов, пришлось искать фарватер. Мелкосидящие дощаник и каяк отправили сразу на юго-запад вдоль берега к устью Оленека, перегрузив часть провианта с каяка на дубель-шлюпку. Пока искали фарватер для опознания с моря входа в Крестяцкую протоку, по приказу Х. Лаптева на возвышенном берегу северного мыса у устья протоки соорудили из бревен плавника маяк¹ высотой 7 сажен.

21 июля 1737 года по найденному фарватеру «Якуцк» вышел в море курсом на запад. Вначале он успешно лавировал среди встречавшихся дрейфующих льдов. Не заходя в Оленек, куда благополучно дошли дощаник и каяк с провиантом, «Якуцк» стремился сразу выйти к берегу, ведущему в устье реки Анабар. За сутки проходили по 20—25 миль вдоль видневшегося на юге невысокого плоского берега. Иногда льды окружали судно, тогда по приказу Лаптева часть команды сходила на льдины, шестами и пешнями расталкивала их, протягивая судно на чистые места, откуда можно было идти на веслах или под парусом.

На траверзе Анабарского залива льда стало меньше, так как его отнесло течением из реки. Х. Лаптев, зная, что устье Анабара уже обследовано его предшественником В. В. Прончищевым, решил не терять времени и повернул «Якуцк» на северо-запад, вдоль прямолинейного берега, тяну-

¹ Маяк Х. Лаптева на устье Крестяцкой протоки не сохранился, последней его видела экспедиция Анжу в 1822 г.

щегося от устья Анабара на север и показанного на карте Челюскина, составленной по результатам плавания 1736 года.

Здесь 27 июля неожиданно милях в восьми впереди по курсу открылись высокие утесистые мысы, обрамлявшие вход в неизвестный залив, который не был отмечен на карте. Лаптев приказал идти к южному, более высокому мысу. Это был нынешний мыс Пакса. В одном кабельтове от берега отдали якорь, глубина—7 сажен. Участников похода поразила невиданная в этих краях отвесность скал мыса, мимо которого сильное течение несло редкие льдины. На большом ялботе (буксировавшемся в походе за кормой судна) с шестью гребцами отправили геодезиста Н. Чекина исследовать обнаруженный залив, которому Х. Лаптев дал название Нордвик, то есть Северный залив, вероятно, потому, что вид утесистых входных мысов залива напомнил ему входы в заливы норвежских шхер.

Шлюпочная партия геодезиста Н. Чекина прошла вдоль северного берега залива (то есть южного берега современного острова Бегичева) на запад не меньше 10 верст, пеленгуя последовательно приметные мысы, видневшиеся на юго-западе, потом направилась на юг и вдоль южного берега вернулась обратно к судну, которое тем временем перешло к западной стороне мыса Пакса, чтобы избежать столкновения с дрейфующими льдами. Через 7 часов Н. Чекин вернулся и доложил, что «ходил северным берегом не меньше 10 верст и тот берег и вся губа приложенным при сем румбами описана, песцов видал довольно число и одного белого медведя. Людей и промышленных зимовьев не видал» (л. 31). Чекин в целом правильно указал ширину и длину залива, но видневшаяся на западе «низкая темная земля», образующая, по

его мнению западный берег залива Нордвик, в действительности была полосой загрязненного льда. Это выявилось только в 1909 году походами известного исследователя Таймыра Н. А. Бегичева.

Однако у Х. Лаптева были сомнения относительно того, что же они обнаружили: залив или пролив? На своей итоговой карте 1743 года на месте перешейка, образующего западный берег замкнутого залива Нордвик, он сделал пометку: «Изведать надлежит». Недостаток времени не позволил ему это сделать.

В корабельном журнале «Якуцка» записана подробная характеристика обследованного залива Нордвик, которая почти целиком вошла затем в «Описание...» Х. Лаптева, в раздел лоцийного описания берегов.

Закончив опись залива Нордвик, Х. Лаптев приказал идти на север. Дрейфующего льда по мере движения на север становилось больше. Пройдя около 30 миль на север вдоль нынешнего острова Бегичева (считаемого материком), дубель-шлюпка уперлась в громадную «ледяную гору», наторошенную напором льда с моря, высотой более 10 сажен. Гора прикрывала судно от напора льдов, и Х. Лаптев решил отстояться за этим естественным укрытием¹. Здесь простояли с 29 июля по 5 августа, когда льды несколько отнесло и появилась возможность продвигаться на север между «стоячим», припайным льдом, окаймляющим северный берег острова Бегичева, и чистой водой, окружавшей величественный скалистый остров, известный морякам еще по плаванию 1736 года, но оставшийся безымянным.

¹ В литературе обычно об этой стоянке пишут, что «Якуцк» отстоялся в какой-то бухточке» (Яников Г. В. Великая Северная экспедиция. М., 1948, с. 88).

Понимая, что географическое открытие тогда только полноценно, когда открытый объект получает собственное название, Х. Лаптев по примеру испанских и португальских мореплавателей, дававших открытым землям названия по именам святых, на дни которых приходились такие открытия, недолго думая, заглянул в святцы. Увидев, что на 6 августа приходится день святого преображения господня, он приказал под этим названием занести остров в судовой журнал. Весь день «шли благополучно около стоячего льду в Хатангскую губу и острову С. Преображения и как стали меж острова и льду, то расстояние чистой воды было не больше 2 миль. Перешли в Хатангскую губу к западному берегу и стали у зимовья» (л. 33): Это было небольшое «отъезжее» зимовье. Большое «коренное» зимовье, построенное туруханским торговым человеком Василием Созоновским, располагалось в устье реки Балахни, в сотне верст южнее, а от него к северу через каждые 20—25 верст имелись «отъезжие» зимовья. На последнее к северу зимовье — Конечное «наткнулись» моряки «Якуцка» еще в плавание 1736 года. Прокладка пути «Якуцка», по данным его журнала на современной крупномасштабной навигационной карте, показывает, что зимовье Конечное располагалось в 12 км севернее мыса Сибирского, в устье нынешней речки Осипа.

Х. Лаптев намеревался выгрузить здесь часть провианта с перегруженного судна на тот случай, если бы дубель-шлюпка погибла на севере во льдах, а экипажу пришлось бы добираться сюда пешком. Эта мера была отнюдь не лишней. Однако с моря подул восточный ветер, появился лед, и пришлось спастись от него на юг, в Хатангский залив, где вскоре заметили другое зимовье в устье

нынешней речки Журавлева. Х. Лаптев приказал промерить глубины в ее устье с ялбота, а когда выяснилось, что глубина в речке 7—8 футов (2—2,5 м), немедленно ввел в нее судно. Отдали якорь и приступили к разгрузке муки, которую складывали в сарай при зимовье, хозяин которого помогал морякам. А на горизонте всю видимую часть Хатангского залива запрудило льдом. Служители «Якуцка» благодарно смотрели на командира, чья находчивость и решительность помогли избежать неминуемой гибели судна, а возможно, и многим из них, не введи он своевременно дубель-шлюпку на пределе ее осадки в устье этой речушки.

13 августа задул сильный юго-западный ветер, и через сутки лед унесло. До горизонта расстилась чистая вода.

Покинув речку Журавлева, участники похода оставили у зимовья, куда намеревались вернуться зимовать, большой ялбот.

14 августа «Якуцк» вышел из своего укрытия и, подгоняемый попутным ветром, со скоростью 4—5 миль в час устремился к северу вдоль восточного берега, того самого, вдоль которого три года назад проходили моряки в своей первой попытке обойти неожиданно возникший перед ними далеко протянувшийся к северу неведомый выступ материка, который им предстояло теперь исследовать и положить на карту.

Лед почти не встречался, и «Якуцк» на всех парусах шел вдоль высокого скалистого берега. В судовом журнале записано: «...берег прикрут». Так охарактеризовано побережье между нынешними мысами Сибирский и бухтой Марии Прончищевой. Здесь, у мыса Цветкова, есть почти отвесные обрывы высотой до 40 метров. А дальше в глубине побережья моряки видели высокие горы — отроги хреб-

та Бырранга; которые тоже упомянуты в журнале и в «Описании...» Х. Лаптева.

На третий день пути берег снизился, показался низкий плоский остров (о. Петр Южный), против него в берег вдавалась большая губа (ныне залив Вездеходный). 16 августа в журнале записано: «Пришли к губе, которая именована Петровскою, а в ней остров, который именован Святого Петра» (л. 39). Замечены были и два мелких островка у северного берега острова Петра, которые впоследствии Х. Лаптев поместил на свою карту. В тексте «Описания...» Х. Лаптев распространил название Петра и на них: «Острова Петра, их три» (на современных картах эти два островка получили собственные названия: остров Клешня и остров Многомысный — по их конфигурации).

Низкий берег к северо-востоку от острова Петра, являющийся в действительности группой песчаных островов (это было установлено только в 1940-е годы), моряки «Якуцка» нанесли на карту в виде сплошной линии, что не удивительно, так как с моря нельзя различить узких проливов между низкими песчаными берегами.

17 августа увидели еще один низменный остров, а за ним вдающуюся в берег бухту с песчаными берегами. «Остров Андрея и губа его лежат низко» — так о них записано в журнале. Это был нынешний остров Дождевой, как его назвали гидрографы в 1941 году, поскольку на мелкомасштабных картах того времени он был безымянным, а название «остров Андрея» со времен экспедиции Б. Вилькицкого в 1913 году относили к другому острову.

Едва остров Андрея (т. е. остров Дождевой) скрылся за кормой, заметили, что берег поворачивает к западу. Место поворота Х. Лаптев решил

определить поточнее астрономическим путем. Для этого нужно было высадиться на сушу. Повернули к низкому песчаному берегу, который оказался приглубым. Дубель-шлюпка подошла к нему вплотную. С носа на песок перебросили трап, спустили по нему якорь и зарыли в грунт. Снесли на берег квадрант, который подвесили на струне под треногой, сооруженной из бревен плавника. Струна — отвесная линия — означала зенит. Солнце поднималось не спеша, следили за тенью по колышкам, замечая уменьшение ее длины. Когда тень уменьшаться перестала, Челюскин навел на солнечный диск визирные нити диоптров. Угол между их осью и струной давал зенитное расстояние солнца в полдень, позволявшее по астрономическим таблицам вычислить широту места — $76^{\circ}41'$. Место наблюдений Х. Лаптев так описал: «Северной песок — лежит полукругием»¹.

Когда работали на берегу с квадрантом, заметили на северо-западе окруженный льдом высокий скалистый остров. Штурман С. Челюскин узнал его: в 1736 году «Якуцк» дважды проходил мимо этого острова, но тогда ему не дали названия. Был день 18 августа, в святцах он значился днем святого Павла. Под именем «остров Св. Павла» и записали в журнал дважды запеленгованный остров².

¹ Моделирование маршрута «Якуцка» в плавание 1739 г. на современных картах показывает, что «Северной песок» — это современный остров Кошка. Так его назвали в 1941 г. гидрографы Главсевморпути, поскольку на тогдашних картах выявленная ими длинная песчаная коса — кошка — была безымянной.

² Остров Св. Павла — это нынешний остров Андрея. Путаница произошла вследствие того, что корабли экспедиции Б. Вилькицкого «Таймыр» и «Вайгач» в 1913 г. шли здесь вдоль берега маршрутом «Якуцка», только гораздо мористее. Поэтому они не заметили низменного острова Андрея (на со-

От острова Св. Павла (т. е. остров Андрея современных карт) держали курс вдоль берега к западу, но вскоре дрейфующий лед заставил прижаться ближе к берегу. Прибрежными разводьями шли теперь на запад к видневшемуся на горизонте невысокому скалистому мысу, у которого вечером стали на якорь. Х. Лаптев послал геодезиста Чекина осмотреть море за мысом, который наименовали в честь святого Игнатия, упомянутого в святцах в этот день — 20 августа. Вскоре Чекин вернулся и рассказал, что льды простираются на запад до горизонта, пройти в них нельзя. Используя задержку, Лаптев приказал соорудить на мысе маяк¹, который сделали из бревен плавника, установленных на одинокой скале, оказавшейся вблизи берега. Прибили к нему доску с надписью. Маяк стал иметь вид креста.

В ночь на 20 августа южным ветром льды отогнало, образовалось прибрежное разводье, по нему мореплаватели шли сначала на веслах, а потом поставили и паруса. За следующим приметным

временных картах остров Дождевой), а так как на имевшейся на кораблях карте значился некий остров Андрея (по данным Х. Лаптева остров с таким названием помещали на карты в течение двух столетий и, перерисовывая каждый раз на новые карты со старых, существенно исказили его действительное прибрежное положение), за него приняли открывшийся в этом месте высокий остров, т. е. остров Св. Павла, открытый Х. Лаптевым. Название остров Св. Павла с современных карт исчезло.

¹ В 1913 г. этот «маяк», состоящий из груды камней и столба с прибитой доской, увидели с ледокольного транспорта «Вайгач», почему мыс и был назван Крестовым (дневник А. М. Лаврова, архив Всесоюз. геогр. об-ва, ф. 19, оп. 3, л. 267). Так он называется на всех картах и теперь. К сожалению, моряки «Вайгача» на берег здесь не высаживались и не списали надпись с доски 1739 г., которую впоследствии так никто и не нашел. Этот столб с доской последним видел

мысом¹ далеко к югу простиралась большая губа с гористыми берегами. Это был нынешний залив Фаддея, но моряки ошибочно посчитали его за устьевую губу реки Таймыры, к которой они так стремились на пути к Енисею. Однако найти устье реки не удалось, так как губа была покрыта невзломанным припайным льдом. Ничего не оставалось, как плыть на северо-запад к видневшемуся там высокому скалистому мысу.

21 августа, в день святого Фаддея, Лаптев, беря пеленги на приближающийся мыс стал записывать его как мыс Св. Фаддея. Мыс вдавался в море узким скалистым утесом. Под его защитой отдали якорь в 50 саженях от берега.

в 1935 г. промысловик С. П. Журавлев, рассказавший, что «на полдороге между бухтой Марии Прончищевой и островами Самуила видел старинный крест в камнях». Он же оказался и невольным виновником гибели этой реликвии, стоявшей два века. С. П. Журавлев подвесил к кресту часть туши медведя — запас корма своим собакам, но затем его не нашел, так как крест с мясом был повален и утащен медведями (см. *Троицкий В. А.* Географические открытия В. В. Прончищева, Х. П. Лаптева и С. И. Челюскина на Таймыре. *Летопись Севера*, в. VII, М., 1975. Пришедшие сюда в 1941 г. гидрографы креста не нашли, они укрепили на скале для съемочной точки бревно с перекладиной с надписью: ГУ 41 г.», стоящее там поныне. В 1972 г. мы осмотрели мыс Крестовый, на плоской тундровой поверхности которого выделялась приметная скала-останец высотой более 2 м. В болотистой тундре рядом со скалой, под дерном, виднелись полусгнившие бревна. Недостаток времени не позволил их осмотреть. Возможно, под ними или где-то поблизости и сейчас еще лежит доска с надписью: «1739 г.».

¹ Мыс Игнатия на современных картах. Это название вследствие ошибочной долготы его на старых картах переместили сюда моряки с л/т «Вайгач» экспедиции Б. Вилькицкого в 1913 г.

«От мыса С. Фаддея видим острова в 7 милях, именованы Святого Самуила...» — так были нанесены на карту нынешние острова Фаддея¹.

Дальше на север прохода не было, за мысом стоял невзломанный припай. Вот когда пригодилась взятая еще в Якутске упряжка собак. На ялботе их свезли прямо на ледовый припай за мысом Фаддея. Геодезист Н. Чекин вдвоем с солдатом поехали на нарте по прибрежному льду посмотреть, как далеко он тянется и нет ли в нем где прохода. Тем временем Х. Лаптев послал группу солдат во главе с С. Челюскиным по западному берегу открытой губы — заливу Фаддея — разведать, есть ли устье большой реки Таймыры в ее южной вершине.

Разведочные походы помощников Х. Лаптева продолжались больше суток. Группа Н. Чекина проехала на собаках свыше 20 верст, с высокого берегового обрыва осматривала горизонт, но всюду видела бескрайние ледовые поля. Среди них в 19 милях виднелся большой остров, названный островом Святого Иллариона², а западнее — «горы высокие и далее на nord берег³, от которого возвра-

¹ Острова Самуила (увиденные Х. Лаптевым) по ошибке оказались переименованными экспедицией Б. Вилькицкого в 1913 г., так как на тогдашних картах наносились несколько севернее, у самого берега. Увидев крупные острова — нынешние острова Комсомольской Правды, — Б. Вилькицкий нанес их на свою карту под названием Самуила, рассудив, что Лаптев не мог их не заметить, и не зная, что Лаптеву юго-восточный из них был известен под названием остров Св. Иллариона (в записках Х. Лаптева, «Св. Лариона»).

² Это был нынешний остров Большой из группы островов Комсомольской Правды.

³ Северо-восточный берег залива Терезы Клавенес и лежащие вблизи нынешние о-ва Вилькицкого. Чекин знал, что за виднеющимся северо-восточным мысом берег тянется еще на 30 с лишним миль к северу. В 1736 г. «Якуцк» возвратился

тились в 1736 г. и острова, именованные нами Святого Лаврентия».

Партия С. Челюскина устья реки в губе не нашла. На обратном пути моряки соорудили маяк-гурий¹ высотой в полторы сажени из каменных плит на самом мысе Фаддея.

Видя, что льды покрывают на севере все видимое пространство, Х. Лаптев созвал на консилиум всех унтер-офицеров. Корабельный совет единодушно постановил, что из-за «препятствия льдов и позднего времени» следует возвратиться на юг, на зимовку.

22 августа «Якуцк» взял курс на юго-восток. Под утро следующего дня задул попутный штормовой северо-западный ветер, которым со скоростью 8—9 миль в час несло дубель-шлюпку. Под утро 24 августа подошли к входу в Хатангский залив, опознав его по острову Преображения, открывшемуся за 15 миль.

Х. Лаптев хотел забрать из зимовья за Конечным оставленные там перед походом на север большой судовой ялбот и провиант. Но подойти к зимовью не удалось из-за льдов, блокировавших берег.

от этого места, которое располагалось еще севернее последнего выступа берега, нынешнего мыса Прончищева.

¹ В 1919 г. участники норвежской экспедиции Р. Амундсена на шхуне «Мод» обнаружили этот гурий целым, с массой сухой травы и мха в щелях, натасканных сюда птицами для своих гнезд. Не зная, кому принадлежит этот знак, в поисках записки норвежцы разобрали его почти до основания, но ничего не нашли (*Амундсен Р. Северо-Восточный проход. Экспедиция на «Мод» 1918—1920. — Собр. соч., т. 3. Л., 1936, с. 253*). В 1972 г. остатки этого гурия были обнаружены в 50 м севернее оконечности мыса, близ крутого берегового ската. Здесь был как бы бруствер в виде круга из камней диаметром около 2 м и высотой до 0,8 м.

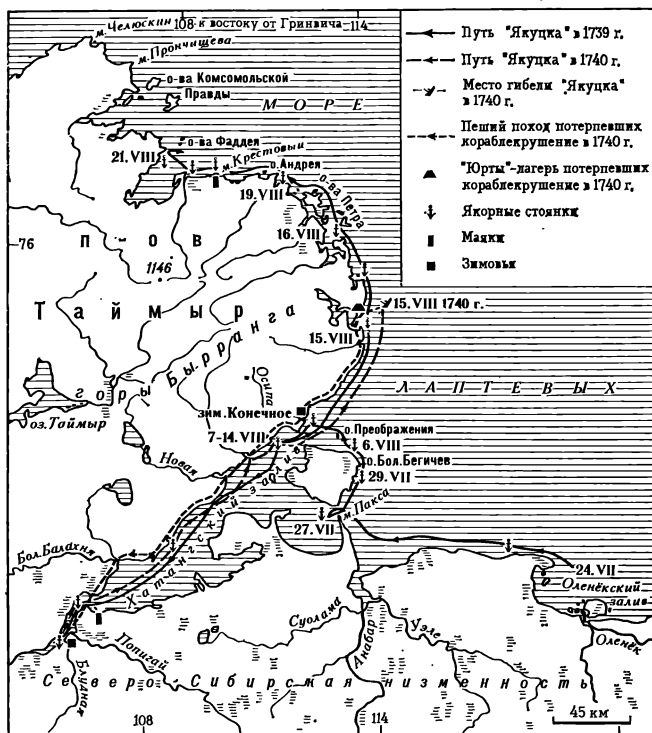

Схема пути д/ш «Якуцк» в 1739 — 1740 гг.

Во исполнение указа Адмиралтейств-коллегии решили не возвращаться в Оленекский залив, где зимовали в 1735—1737 годах, а искать зимнего убежища для судна и людей поближе к месту, от которого возвратились. Таким местом, удобным для зимнего отстоя судна и жилья людей, оказалась

река Хатанга, о которой морякам рассказывали усть-оленекские жители еще на предыдущей зимовке.

Было известно, что вход в реку глубок, по ее берегам часто встречаются зимовья русских и «новокрещенных» якутов (так называли долган), в 100 верстах выше устья уже попадаются «стоячие» деревья, много плавника на пляжах. Хороша рыбная ловля и охота на оленей. Кроме того, по реке Хатанге проходил зимний почтовый тракт, связывающий центры Туруханского и Якутского уездов — города Туруханск (тогда его чаще называли Мангазейск) и Якутск.

Обогнув нынешний мыс Сибирский, «Якуцк» 24 августа вошел в Хатангский залив, в котором льда было меньше. У зимовья в устье нынешней речки Новая на берегу заметили большую лодку, принадлежащую владельцу здешних охотничьих промыслов Василию Созоновскому. Он согласился дать ее временно морякам «Якуцка» для поездки к зимовью у р. Журавлева, где еще с лета два солдата караулили выгруженный с судна провиант и оставленный там большой ялбот. Партии солдат во главе с матросом Щелкановым, оставляемой в устье реки Новая, было приказано, как только лед позволит, на промысловой лодке добраться к зимовью у р. Журавлева, нагрузить провиантом большой ялбот и догонять дубель-шлюпку, направляющуюся в реку Хатангу на зимовку.

Оставив на берегу партию Щелканова, Х. Лаптев повел судно на юг, но встречный ветер заставлял лавировать, периодически ходить галсами от западного берега залива к восточному. В один из таких подходов к восточному берегу (фактически это был западный берег острова Бегичева, считаемый берегом материка) заметили небольшой ост-

ров, «которой именован нами Святого Николая»¹ (л. 48). За два дня на рабочей карте, рисовавшейся прямо на шканцах дубель-шлюпки, появились оба берега Хатангского залива, но, так как плавание проходило ближе к западному берегу, он был выявлен с большими подробностями, чем восточный. Поэтому мореплавателям не удалось обнаружить пролива Восточного, отделяющего нынешний остров Бегичева от материка, и обширной бухты Кожевникова, вдающийся далеко в глубь восточного берега. Зато на западном берегу залива были выявлены устья рек Новой, Журавлева, Балахны, нынешняя Коса Гольгина. Впоследствии записи о них из журнала Х. Лаптев перенес в свое «Описание...».

26 августа 1739 года в суживающейся горловине Хатангского залива увидели на юге высокий обрывистый мыс Корга, о котором уже знали со слов Василия Созоновского. Его опознали безошибочно, поскольку соседние мысы были намного ниже. «Поворотили в реку Хатангу за Коргу и стали на якорь для осмотра удобности зимования» (л. 49). Поближе к морю сразу за входным мысом Корга удобного места для зимовки не оказалось, поэтому «распустили парусы грот и фок, и пошли вверх по Хатанге... в половине 8 часа за незнанием фарватера и за неимением лоцманов стали на мель на глубине 4-х фут и для облегчения вылили из бочек воды, стеснулись с мели...» (л. 49). Так встретила Хатанга мореплавателей, впервые в истории зашедших в нее с моря.

Послали вверх по реке ялбот с гребцами под управлением матроса Кузьмы Сутормина. Выше

¹ Теперь называется остров Малый Бегичев. Так его переименовала в 1934 г. экспедиция на шхуне «Пионер».

устья реки Попига́й, на правом берегу Хатанги, он обнаружил русское зимовье промысловика Дениса, который посоветовал поставить дубель-шлюпку в небольшой речке Блудной, устье которой находилось в трех верстах южнее зимовья.

Когда Сутормин, вернувшись, доложил об этом, Х. Лаптев приказал идти на веслах к зимовью Дениса. 28 августа «Якуцк» стал у зимовья. На следующий день послали на ялботе матроса Сутормина «вымерить» реку Блудную и узнать, можно ли в ней поставить судно на зимовку. Через пять часов Сутормин возвратился и рапортовал, что Блудная для дубель-шлюпки мелка и не защищена в половодье ото льда. Зато в небольшом заливе в двух верстах от зимовья он нашел место, где можно поставить судно, так как и в убылую воду там глубина была свыше трех футов.

Проверить эти сведения Х. Лаптев послал штурмана С. Челюскина. Спустя три часа «посланной на ялботе штурман Челюскин возвратился и объявил, что осмотрел в заливе место за мысом и за косою, которая далече залегла в речку, удобней и лутче места нет зимовать дубель-шлюпке» (л. 50).

В тот же день начали выгружать провиант, пушки, судовое имущество и личные вещи команды на берег возле зимовья Дениса. Часть служителей Лаптев послал за лесом-плавником, которого много было на пляжах Хатанги. Его свозили в плотах к месту постройки домов рядом с зимовьем Дениса. К 15 сентября жилые дома в основном были построены, в них сложили печи из сланцевых плит, находимых на тех же пляжах. Стены утепляли мхом и тундровым дерном, который клали и на крыши.

В журнале появился приказ, определяющий порядок проживания и работы во время зимовки:

«15 дня сентября на якоре 1739 году всякие случаи... Сего числа от господина лейтенанта Лаптева приказы:

1

По полудни в 3-м часу служителям з дубель шлюпки переходить в квартиры в ниже показанные, где кому жить.

2

На дубель шлюпке караул иметь переменной, посуточно трехсменной, а именно:

1. Матроз Сутормин, купор Сосновской

2. Матроз Щелканов, конопатчик Михайлов

3. Канонер Еремов, конопатчик Доскин

Солдат сколько достанется от караулов береговых, та ж третья часть. А в небытность Щелканова быть на карауле солдату Хорошеву.

3

Боцманмату ходить каждой день на дубель шлюпку по утрам для осмотра и рапортовать о карауле и о состоянии. А пока станет река или работа на ней будет, то и по два раза.

4

Штюрману ходить чрез день на судно, а если во время как станет большой ветер, то ходить и чаще.

5

В квартерах быть по сему расписанию:

В новопостроенном зимовье жить штюрману Челюскину, геодезисту Чекину, подлекарю.

В новом же построенном малом зимовье солдаты Прахов, Бархатов, Лиханов.

В одном зимовье солдаты Годов, Головин, Зыков и старшой командир Вахрушев.

В большом зимовье боцманмат, писарь, квартирмейстер Еремеев, матросы Сутормин, Сосновской, конопатчиков двое, парусник, трое плотников, лоцман один, солдат 17.

У здешнева жителя Дениса в зимовье жить под-констапелю.

Канонеру Локшину быть у лейтенанта на вестях и жить при нем» (л. 51).

Из приказа видно, что вместе с большим зимовьем, в котором помещалось 30 человек, было построено пять жилых домов, шестым был дом местного промышленника Дениса. Упоминаются в журнале «анбары» для провианту, для парусов, для пушек. Таким образом, небольшой поселок, в котором размещалось 47 человек отряда Х. Лаптева, состоял из шести жилых домов и четырех-пяти сараев¹.

¹ Из материалов Второй Камчатской экспедиции известно, что зимняя база отряда Х. Лаптева располагалась где-то вблизи устья речки Блудной, но до недавних пор не знали даже на правом или левом берегу Хатанги. Изучив записи корабельного журнала «Якуцка» за 1739—1740 гг., удалось установить в 1976 г. местонахождение зимовья. Вначале отметили его на крупномасштабной карте, а затем проверили на местности. Остатки поселка Х. Лаптева располагаются на правом берегу Хатангского залива, между реками Попигай и Блудная. При осмотре найдены остатки 10—12 жилых и нежилых строений. Крыши и стены их давно обвалились, по углам некоторых развалины видны остатки печей из сланцевых плит. Сверху развалины заросли травой и покрылись тундровым дерном. Сняв посредине остатков одного из срубов слой дерна в 20—30 см, мы увидели полы из струганных топором деревянных плах. Найденные остатки «большого зимовья» имели размеры 20×25 метров. Можно было различить, что оно перегородивалось на три комнаты и тамбур, имело две печи. На вершине яра к северу от поселка обнаружилось заброшенное кладбище, на котором едва заметны холмики 6—8 могил. Здесь похоронено 5 членов отряда

В последние дни перед ледоставом заготавливали дрова, пригоняя ежедневно плоты из плавника, собираемого на пляжах Хатанги. Высушенные паруса, канаты и такелаж сложили на берегу в «сокровенное место» — специальный сарай для корабельного имущества и пушек. 8 сентября пришел большой ялбот с провиантом, который под управлением матроса Щелканова прибыл из Хатангского залива. Разгрузив судно, отвели его за мыс, в речной залив в двух верстах от зимовья и поставили на якорь на глубине 6,5 фута (2 м), но при отливе дубель-шлюпка садилась килем на грунт. В большую воду несколько огромных бревен с большим трудом удалось подсунуть под киль. Со шлюпки ялбота это не удавалось сделать и тогда решили надежный настил под дубель-шлюпку сооружать после образования льда, с которого будет легче подводить под судно бревна.

С 11 сентября перешли на береговой счет суток, стали считать начало суток с полуночи, и даты, записанные в журнале во время зимовки, всюду совпадают с датами гражданского календаря. Изо дня в день в журнале подробно записывалась погода. Для примера процитируем запись от 18 сентября (29 сентября н. ст.): «Ветер был меж 0 и NO средней, небо чисто, сияние солнца и мороз великой. Река Хатанга почти вся стала, токмо во многих местах есть великие полыньи и ходить нельзя. От N стороны было на небе кометы или северное сияние» (л. 53).

С установлением прочного льда в конце сентября приехали с Анабарского зимовья через реку Попигай, которая служила прекрасной зимней дорогой,

Х. Лаптева (см. *Троицкий В. А.* Поселок Харитона Лаптева на реке Хатанге. — Наука и жизнь, № 1, 1980).

новокрещенные якуты, промысловики-охотники, которые привезли сообщение от квартирмейстера Афанасия Толмачева, что он ждет приказа для отправки провианта с Усть-Оленекского зимовья, где он сторожил продовольствие, выгруженное летом с дощаника.

На Анабар и далее на Оленек и на Якутск в начале октября был отправлен солдат Антон Воронов с донесением капитану-командору Берингу «о походе нашем, что в оном походе учинилось» и «промемотии» — требования Якутской воеводской канцелярии о присылке провианта.

Послал Х. Лаптев письмо и на бот «Иркуцк» Дмитрию Лаптеву с просьбой прислать запасной якорь, так как убедился, что имевшийся на «Якуцке» основной якорь при сильном ветре плохо удерживает судно. К устью реки Оленек, где оставался квартирмейстер Толмачев, охранявший провиант, послали двух солдат перевозить провиант. Все эти перевозки на оленях и на собаках по приказу якутских властей бесплатно осуществляли в качестве обязательной повинности местные промысловики-охотники: русские, якуты, эвенки.

Морозы крепчали. 4 октября подвели под дупель-шлюпку четырнадцать бревен, по семь с каждой стороны, чтобы судно в отлив не становилось килем на землю.

Опасаясь цинги, Х. Лаптев приказал подлекарю К. Бекману настаивать воду на горохе и на крупах и ежедневно утром выдавать каждому жителю по кружке настоя. Заботился Х. Лаптев и о пропитании для своих соплавателей, для чего посылал людей в соседние зимовья за свежей рыбой и оленьим мясом. 13 октября с реки Новой приехал солдат Меркульев и привез 300 чиров, через несколько дней «посланный солдат Лутчев з реки

Болохны приехал и привез оленей битых двадцать восемь» (л. 57). Постоянная работа на свежем воздухе — очистка от снега домов и дубель-шлюпки, заготовка дров — спасала от цинги. За первую зимовку в журнале отмечена единственная смерть: «20 октября умре Якуцкого полку солдат Гаврила Баранов, который был обдержим французскою болезнью» (л. 55).

На зимовке Х. Лаптев не переставал думать о продолжении работ в будущем 1740 году. Чтобы определить с моря устья рек Таймыры и Пясины, которые судя по расспросным данным должны были встретиться при плавании в Енисей, он послал своих помощников осмотреть берега в устьях этих рек¹. 21 октября в журнале записано: «Отправлен боцманмат Медведев на реку Пасенгу для осмотра оной реки устья також и морского берегу к востоку и дано ему казенного шару (табаку—В. Т.) двенадцать фунтов для заплаты подводчикам, да с ним же отправлен солдат Константин Хорошев в город Туруханск и с ним посланы в Государственную Адмиралтейскую коллегию репорты» Боцманмат В. Медведев и солдат К. Хорошев поехали по Хатангскому тракту, действующему только зимой по замерзшим рекам Хатанге, Хете, Дудыпте, Пясине, озеру Пясино, Норилке, в Дудинку на Енисей и Туруханск»².

¹ Некоторые авторы пишут, что Х. Лаптев послал боцманмата В. Медведева к устью Пясины и геодезиста Н. Чекина к устью Таймыры для съемки побережья между этими реками. Однако о сухопутных съемках весной 1740 г. вопрос еще не стоял, так как Х. Лаптев не потерял надежды пройги в Енисей морем.

² Этот путь был известен русским землепроходцам с 20-х годов XVII в. Он нанесен с пояснениями о днях пути на «Чертеже земли Туруханского городу» первого сибирского картографа С. Ремезова, в последнее десятилетие XVII в.

В начале апреля Х. Лаптев послал геодезиста Н. Чекина с солдатом Фофановым и «новокрещенным» якутом Н. Фоминым на трех собачьих нартах в сопровождении долган с оленьими нартами для осмотра берега устья Таймыры, а также пройти вдоль берега к устью Пясины с попутной съемкой берега, хотя бы без астрономических определений.

9 апреля вернулись долгане, подвозившие Чекину груз. Вместо 18 оленей у них осталось 11, остальные пали в пути от бескормицы. За помощь Лаптев выдал им из подарочных вещей четыре аршина красного и зеленого холста, два фунта бисера и три фунта табаку. Группа Н. Чекина возвратилась 17 мая пешком вместе с несколькими собаками, тянувшими опустевшую нарту. О его поездке в журнале записано: «...ездил оной геодезист до реки Таймуры, оной Таймурой до моря и по морскому берегу к западу около ста верст, где уже пошла земля к югу. А дале не поехал затем, что себе провианту нет и собакам корму мало очень, с которым в безвестное место ехать опасно. И с крайнею нуждою возвратясь назад пешком, многие собаки за бескормицею померли... и нарты оставя, пеш с солдатом и якутом с нуждою вышли» (л. 68).

Поход Чекина кончился неудачей из-за отсутствия опыта организации санных маршрутов. В журнале нет никаких данных, где он побывал, какие острова открыл. Понять это можно только из записи Х. Лаптева за май 1741 года: на юго-западной оконечности острова Русский он нашел

Поэтому совершенно неверно утверждение Д. Романова, что якобы Х. Лаптев, узнав об этом пути от эвенков, получил «сообщение чрезвычайной важности». (Романов Д. М. Полярные Колумбы. Тула, 1976, с. 32).

маяк-бревно Чекина с надписью, что от этого места Чекин повернул назад. Следовательно, от устья Таймыры он ехал к западу до острова Таймыр и, считая его материком, повернул вдоль восточного берега к северу, пересек пролив Матисена, не выяснив, что здесь пролив отделяет большую группу островов архипелага Норденшельда, которые он также посчитал за продолжение материка. Обогнув остров Русский с севера, Чекин не поехал к виднеющимся на горизонте западным островам архипелага Норденшельда. Съёмки же даже самой приближенной Н. Чекин или не вел, или записи о ней потерялись на обратном пути. Он так и не выяснил, где же находится большая бухта устья Таймыры: у мыса Фаддея (так считали в 1739 году достигшие его мореплаватели) или совсем в другом месте. Только Х. Лаптев смог указать местоположение устья Таймыры, когда побывал там весной 1741 года.

В апреле вернулся из своего похода в одиночку боцманмат Василий Медведев. К устью Пясины он доехал на попутных нартах добравшихся туда русских промысловиков. Они имели там коренное зимовье на небольшом островке Чаек и два отъезжих зимовья, крайнее к северу, Нижне-Пясинское зимовье, находилось в 40 верстах от устья Пясины. До него и довели гостеприимные охотники Медведева. Никакой съёмки В. Медведев не вел, а постарался лишь запомнить расположение берегов устья Пясины, на случай, если бы пришлось их опознавать с моря, с дубель-шлюпки.

Всю весну регулярно велась перевозка продовольствия с устья Оленека, где квартирмейстер А. Толмачев разыскивал кочующих поблизости якутов и долган с оленьими упряжками и «за подарочные вещи» отправлял с ними продовольствие

на оленьих нартах по реке Анабар, затем на реку Попигай, а по ней до поселка, где зимовал Х. Лаптев. На оленях перевезли — масло коровье, четыре сорокаведерных бочки вина, сухари, крупы. Хорошим подарком для «Якуцка» был посланный с бота «Иркуцк» большой якорь весом в пять с половиной пудов. Часть провианта и якорь на оленях довели только до верховьев реки Попигай, с расчетом сплавить вниз к реке Хатанге в начале лета.

По последнему санному пути 28 мая Х. Лаптев послал на устье реки Таймыры якута Н. Фомина и «посадского» русского Кондратия Кылтасова, «которым велено жить на Таймуре, ловить рыбу и другой корм, который бы там для езды в предбудущем году около моря чем было собак кормить» (л. 62). Как видим, Х. Лаптев уже готовился для объезда северных берегов на собаках, поняв, что морем на судне эти берега обойти будет очень трудно.

В последние дни мая наступили ответственные дни по подготовке дубель-шлюпки к предстоящему ледоходу. В журнале встречаются об этом записи: 29 мая «вырубали у дубель шлюпки» обеих сторон досок верхних, которых истерло в походе, и сделали новые и законопатили» (л. 69). На следующий день из реки Блудной у вымороженной до кия дубель-шлюпки стала прибывать вода. В последние дни просмолили борта и днище судна. 31 мая дубель-шлюпка всплыла в выдолбленном за зиму вокруг нее ледовом колодце.

Ответственный момент вскрытия реки Хатанги ото льда, когда судно могло быть увлечено ледяными полями вниз по течению, наступил 15 июня (26 июня н. ст.): «пошла река Хатанга и льду на ней не видно». Лед пронесло быстро, судно не было повреждено, так как оно было защищено со

стороны Хатанги песчаными косами устья реки Блудной. Дубель-шлюпку поставили на большой якорь на глубине 8 футов. Пока ждали, когда Хатанга освободится ото льда, организовали поездки вверх по реке Попигай, к месту, куда зимой свозили на оленях провиант из Усть-Оленекского зимовья, с расчетом сплавить его по воде в начале лета. За два рейса на большом ялботе вывезли и погрузили на судно около 15 тонн муки, сухарей, круп, масла «коровьева», несколько бочек вина. По требованию Х. Лаптева масло и вино были завезены в Усть-Оленекское из Якутска еще в начале прошедшей зимы. Не забывал заботливый командир «Якуцка» пополнить судовой стол свежей рыбой. Еще до начала ледохода он послал трех солдат с неводом вверх по Хатанге для ловли рыбы и заготовления ее впрок. 5 июля посланные возвратились и привезли «рыбы сухой юколы 1650, да соленой рыбы две бочки, жиру рыбьева 23 фунта» (л. 72). На низовые пляжи реки были посланы плотники для изготовления весел из подходящего дерева-плавника. Заодно им поручалось следить за ледовой обстановкой в Хатангском заливе. В начале июля плотники вернулись, сделав 12 больших весел, оставленных «за тяжестью» на мысе Корга, и «объявили, что на Корге и ниже Хатангская губа вся стоит и еще льду в ней не ломано» (л. 72).

8 июля дубель-шлюпку подвели к зимовью, поставили на два якоря и приступили к погрузке продуктов: солонины, масла коровьего, сухой юколы. Последняя предназначалась для упряжки собак, которых Лаптев, как и в прошедшем плаваньи, брал с собой. Налили речной воды 17 больших бочек, установленных в трюме. Пресная вода понадобилась во время плаванья в море.

12 июля все было готово к отплытию, команда переехала с берега и разместилась в тесном трюме. «В половине 7 часа по полудни подняли якоря, распустили фок и грот и пошли в поход» (л. 73).

С попутным ветром к утру 13 июля пришли к «последнему мысу реки Хатанги, называемой Корга, где начинается губа. Большой ялбот за тяжестью и неудобностью в походе ото льдов вытащили на берег и оставили здесь на Корге» (л. 74)¹. С высокого мыса Корга осмотрели Хатангский залив — до горизонта стоял невзломанный лед.

Потянулись дни ожидания с ежедневным подъемом на вершину мыса Корга для наблюдения, не вскрылись ли льды залива. Деятельный командир и в томительном ожидании находил полезные занятия: «построили на мысу, на высокой Корге маяк, которой склали шатром из 10 бревен». Бревна брали из осыпающихся обрывов мыса на большой высоте, где обнаружили окаменевшие деревья — свидетелей более теплого климата, бывшего здесь тысячелетия назад. В своем «Описа-

¹ О судьбе оставленного ялбота Х. Лаптев сообщал в рапорте Адмиралтейств-коллегии 5 сентября 1741 г.: «А имеющийся при дубель-шлюпке большой ялбот в 1740 году за неудобностию ото льдов не взят был на море и втащен был на берег при устье реки Хатонги. По отбытии нашем, полною и вешною водою с моря с того берега подняло и унесло вверх по реке Хатонге и поставило без всякого повреждения на берег, о котором також долго не было известия доколе, сыскав, вытащили на берег и сарай над ним учинен» (Экспедиция Беринга. Сб. док. М., 1941, с. 98).

Спустя столетие при посещении реки Хатанги А. Ф. Миддендорф осматривал этот показанный ему местными жителями ялбот в сарае в станке Казачий (в 6 км ниже по реке от современного поселка Хатанга), который охранялся как «царское имущество... не только обшивка, но даже смола и гвозди отлично сохранились» (А. Миддендорф. Путешествие на Север и Восток Сибири, ч. 1. СПб., 1860, с. 19).

нии...» Х. Лаптев напишет о находке этих деревьев в обрывах мыса Корга.

Для большей остойчивости дубель-шлюпки искали по пляжам устья Хатанги редко встречаемые здесь камни-валуны, возили их на судно и укладывали на самое дно трюма. При ясном небе, когда вошла луна, Х. Лаптев приказал вахтенным определять, сколько проходит времени от момента наступления полного прилива до появления луны на меридиане места стоянки. Оказалось, что это время, так называемый «прикладной час», равен при устье Хатанги 8 ч 18 м (л. 77). Наконец поднявшиеся утром 30 июля на Коргу к маяку наблюдатели увидели свободное море. Тотчас же «Якуцк» двинулся в «путь свой», лавируя галсами при боковом западном ветре. Прекрасно видимый маяк¹ на Корге служил хорошим ориентиром. В журнале часто встречаются записи бравшихся на него пеленгов. Вскоре появились «носячие» льдины, затруднявшие лавирование при поворотах на галсах в восточной части залива, где отнесенные туда западным ветром льды были «безмерно густы».

За двое суток мореплавателям удалось пройти более 90 миль, но на параллели открытого в прошлом году острова Николая стояла сплошная ледяная стена — восторошенная кромка сплоченного льда. Пройти можно было только на запад, прижавшись к берегу. На берегу увидели избу, в

¹ Впоследствии никто из посещавших устье реки Хатанги исследователей не упоминал о маяке на мысе Большая Корга (так называется на современных картах мыс Корга). Вероятно, он простоял недолго. Это был первый навигационный знак в Хатангском заливе и на реке Хатанге. Стоял он, вероятнее всего, там же, где ныне построен большой деревянный маяк Большая Корга Морская.

которой матросы, ездившие зимой за провиантом в зимовье Конечное, признали зимовье Новое, бывшее в устье одноименной реки Новой. Стали на якорь, послали на ялботе бывалого матроса Сутормина разведать, можно ли войти в реку. Через час ялбот вернулся, Сутормин рапортовал, что встретил в зимовье двух работников промышленного человека Василия Созоновского, которые указали ему фарватер, ведущий через песчаные мели дельты реки. Глубины, промеренные Суторминым с ялбота, были от 8 футов до 3 сажень. Подняли якорь и на гребле пошли за ялботом. Вечером 1 августа вошли в реку Новую и стали на якорь за мысом на глубине 3 сажени (л. 82). Три дня дул северо-восточный ветер, и Хатангский залив был забит льдом. Только в ночь на 3 августа задул сильный южный ветер, и открылся проход на север, хотя на востоке льды еще виднелись на горизонте. За сутки удалось пройти 33 мили, «Якуцк» находился уже близ мыса Сибирского, на выходе из Хатангского залива. Здесь лед снова преградил путь, пришвартовались к большому полю, снесли на нее дрек — небольшой якорь — и закрепили. Лаптев надеялся, что южный ветер понесет льдину на север вместе с дубель-шлюпкой. Но с юга нанесло дрейфующий лед, которым стало выжимать судно на большую льдину, и создалась угроза сжатия и повреждения «Якуцка». Матросы и солдаты шестами и пешнями распихивали лед и выталкивали судно в наметившиеся каналы в надежде войти в речку (ныне река Журавлева), которую признали возле видневшегося в ее устье зимовья ездившие сюда зимой на собаках матросы.

В ночь на 4 августа, разведав входной фарватер с ялбота, «вошли в протоку, которая в прибы-

люю воду глубиною 7 фут, и стали в одной протоке близ песку, а якоря завезли с носу и с кормы на берег и положили» (л. 84).

В устье речки Журавлева простояли до 8 августа. Здесь погрузили на дубель-шлюпку дрова, запаслись пресной водой, наловили рыбы. Но время, наиболее благоприятное для похода в Енисей, уходило, поэтому Х. Лаптев, как только льды разрядились, приказал выходить из реки и пробираться вдоль берега на север. Удалось пройти лишь миль 15, уже виден был остров Преображения, но изменившийся ветер снова нагнал с моря льды, от которых пришлось спасаться в устье нынешней речки Осипа у зимовья Конечное, где простояли три дня.

К вечеру 12 августа юго-восточный ветер несколько разрядил льды, и «Якуцк» стал пробираться по береговой разреженной полосе на север, измеряя, как обычно, каждый час глубины и определяя характер грунта на дне. Ветер стал круче к югу, стал попутным, дубель-шлюпка шла со скоростью 5—6 миль в час. Миновали «крутой, высокий яр западного берега» (теперешний мыс Цветкова), почти отвесным обрывом возвышающийся на 40 метров над морем. Увидев, что в открытом море льды «пореже», отошли от берега на 10—12 миль. За сутки прошли по счислению 50 морских миль, но к 7 утра 13 августа прекратилось свободное плавание дубель-шлюпки «Якуцк»: «...увидели впереди и от обеих сторон лед очень част, стали поворачивать назад и в том повороте нанесло на нас великую льдину носячую, которой прижало, и нанесло льду великое множество... и понесло нас ветром со льда к NO, и несучи, потеряло форштевень и на носу набивные доски» (л. 88).

Начался дрейф во льдах.

К полудню 13 августа «надломило форштевень и всю дубель-шлюпку помяло и учинилася великая течь. Того ради, поставя три помпы, стали выливать, а из интрюма дрова и провиант выбрав на палубу, стали течь искать... засыпать мукою и пеплом и щели конопатили, токмо воды не убывало» (л. 89). В ночь на 14 августа «весь форштевень из нутряных и наружных досток от кия до ватерштока выломало и выбросило на лед... нос погрузился, а корму приподняло». Гибель судна была очевидна для всех, но, повинувась Морскому уставу, выработанному Петром I, повелевавшему морякам бороться за живучесть своего судна до последней возможности, служители «Якуцка» беспрекословно выполняли распоряжение Х. Лаптева — подводили под носовые пробойны пластырь из парусов: «...подвели под нос грот и штаксель, и засыпали меж ним и бортами мукою и грунтом, чтоб льдом не так стирало, токмо тем пособу не получили чтоб унять течь» (л. 89).

Утром разошелся туман и моряки увидели ближайший берег от них на румбе ZW, определили до него не меньше 15 миль. Моряки, откачивающие без успеха воду из гибнущей дубель-шлюпки, казались, были обречены.

Кто-то из матросов поднялся на мачту и вдруг радостно крикнул приунывшей команде, что очень близко «лед стоячей», к которому можно подвести дубель-шлюпку, если отталкивать небольшие льдины, когда нет сжатий. Наведя подозрные трубы, Х. Лаптев и С. Челюскин убедились, что действительно судно несло к неподвижному, невзломанному ледовому припаю, тянувшемуся к виднеющемуся на западе берегу. С большим трудом наполовину заполненную водой дубель-шлюпку почти всей

командой, сошедшей на льдины, протащили к «стоячему» льду, на который стали выгружать провиант, вещи служителей, денежную казну, собак. Геодезисту Н. Чекину с караулом из двух солдат Х. Лаптев поручил отвезти денежную казну на собаках к берегу и заодно разведать к нему путь по льду. Вечером 15 августа неожиданно взломало мористую часть неподвижного припая и понесло ледяные поля к югу. Наступил критический момент. Он зафиксирован в журнале писарем Прудниковым: «...того ради командующий с ундер-офицерами, зделав консилиум, что дубель-шлюпку спасти невозможно, и дабы спасти хотя людей, сошли на помянутый стоячей лед» (л. 89). Всю ночь делали из весел сани-волокуши, увязывали на них мешки с сухарями, крупой, бочонки со сливочным маслом. Немного отдохнув, утром вышли всей командой в поход по льду к едва видневшемуся на юго-западе берегу, буксируя восемь волокуш с провиантом.

К берегу подошли в полдень 16 августа, но перед ним оказалась «заберега» — полоса воды, через которую пришлось переходить вброд. Вымокшие, замерзшие люди собирали плавник для костров, под пронизывающим северо-западным ветром с «великой стужей». Место, куда вышли потерпевшие кораблекрушение, находится в 6 километрах севернее входа в бухту Марии Прончищевой. Тут у крутого, местами скалистого побережья есть несколько галечных пляжей. На самом широком из них, где, вероятно, и был лагерь Х. Лаптева, сейчас построена охотничья избушка полярников гидрометеостанции Бухта Марии Прончищевой. Здесь, в полуверсте к югу от места высадки на берег, Х. Лаптев приказал рыть круглые ямы, выстилать в них дно плавником, сделать из жердей

перекрытия и накрыть принесенными с собой парусами. Получились две «юрты земляные», как их упоминают в журнале.

На следующий же день, оставив шесть человек строить юрты, остальную команду во главе с боцманом Медведевым с пятью примитивными санями и нартой собак Х. Лаптев послал к едва видневшимся мачтам дубель-шлюпки. Через сутки Медведев привел свой отряд обратно. На волокушах и на нартах привезли сухари, масло сливочное, две бочки вина. Два перехода почти по 30 верст туда и обратно сильно измотали людей. Многие заболели. 18 августа в журнале записано: «...ветер и великая стужа, служители за провиантом не посланы, того ради что от натуги и худова воздуха стало больных близ половины, чтоб им дать покой дабы не пришли все в болезнь...» (л. 90).

В последующие 12 дней почти ежедневно (если не мешал ветер или сильный туман) к месту катастрофы по припайному льду ездили на собачьей упряжке и вывозили оставленное на льду продовольствие. Дубель-шлюпки уже не видели, южным ветром ее отнесло от припая, и она, носимая между дрейфующим льдом, в конце концов затонула где-то на параллели входа в бухту Марии Прончищевой.

После 15 августа в журнале записей о судне уже нет. 31 августа пришел в движение и припайный лед, по которому спаслись служители «Якуцка». Его взломало и отнесло на 1 милю от берега. Почти все имущество и провиант были к тому времени перевезены на берег к двум тесным юртам, в которых жили потерпевшие кораблекрушение в ожидании, когда замерзнут реки и можно будет идти пешком к зимовью на реке Хатанге.

23 августа Х. Лаптев послал геодезиста Н. Чекина с двумя солдатами на юг к зимовьям промышленного человека Василия Созоновского, чтобы приготовить их для отдыха команды, когда она пойдет к Хатанге. Спустя два дня Чекин возвратился, так как на пути ему встретилась «губа, которая впала в море шириною около двух верст... и ходил по оной губе вверх 30 верст, не мог обойти» (л. 91).

Это была бухта Марии Прончищевой, открытая отрядом Х. Лаптева при столь бедственных для него обстоятельствах. Вдающаяся в материк почти на 60 километров, эта узкая, похожая на реку бухта преградила путь на юг потерпевшим кораблекрушение и вынуждала их ждать, когда она замерзнет.

Между тем близилась арктическая зима, в тесных «юртах» — землянках, покрытых вместо крыш старыми парусами и топившихся по-черному, было холодно и сыро. Многие болели. В этих тяжелых условиях была необходима твердая дисциплина. Однако в журнале зафиксирован только один случай дисциплинарного взыскания: утром 31 августа штурман С. Челюскин распорядился пришить парусиновые надставки к нижним полам походных шатров, чтобы они стали вместительнее, когда будут ставиться на привалах в предстоящем походе. Солдат Годов и матрос Сутормин от работы отказались, заявив, что «все равно померзнем, не дойдем до зимовья», за что были «штрафованы кошками» (л. 98). В данном случае наказание было оправдано необходимостью пресечь такие настроения.

Попытка переправиться через входную часть бухты Марии Прончищевой на плотях, построенных из плавника, не удалась, так как началось

льдообразование, шла шуга. На плоту плыть уже нельзя, а некрепкий лед еще не держал человека. К месту предстоящей переправы ежедневно подвозили самодельные нарты-волокуши с провиантом, ночевать возвращались за 6 верст к юртам. Только геодезист Н. Чекин с солдатами постоянно дежурили в шатре у «губы» и по многу раз в сутки проверяли крепость льда.

Наконец 20 сентября переправа стала возможной, и группа Н. Чекина из 9 солдат с собачьей упряжкой, везшей продовольствие и палатку, перешли на южный берег бухты Марии Прончищевой. Они спешили добраться до ближайшего зимовья Конечного и попросить помощи. 21 сентября выступила на юг основная группа солдат и матросов из 15 человек во главе с Х. Лаптевым, а на следующий день вышел С. Челюскин и 10 человек. В каждой группе люди тащили санки с провиантом и походными шатрами.

Х. Лаптев поделил отряд на три группы, идущие с интервалами в 1—2 дня, чтобы в пути было легче размещаться на ночлег в небольших избах промысловых зимовьев. В юртах оставили троих лежащих больных и одного ходячего больного, матроса. За старшего оставался больной писарь Прудников. Им оставляли 7 мешков сухарей, 29 фунтов сливочного масла, 1 бочонок вина. Навеки остался здесь умерший 15 сентября канонир Федор Еремов, похороненный недалеко от юрт. Это была первая жертва, не перенесшая тягот, выпавших на долю потерпевших кораблекрушение.

За пять дней группа Х. Лаптева прошла 120 километров и наконец пришла в зимовье Конечное. Хозяев в нем не было, и здесь отдыхали 6 человек из группы Н. Чекина. Сам Чекин с двумя солдатами на упряжке собак выехал дальше на юг за по-

мощью. 27 сентября партия Х. Лаптева вышла пешком к следующему зимовью, оставив ослабевших участников похода ожидать помощи в зимовье Конечном. С 27 сентября по 15 октября 1740 года в журнале записи не велись. Вновь записи появляются 15 октября, отмечая прибытие на хатангскую базу части экипажа «Якуцк» во главе с Х. Лаптевым. Еще раньше сюда на собачьих упряжках прибыл Чекин, и теперь он объезжал ближайшие зимовья для посылки спасательных партий на собаках и оленях навстречу медленно двигающимся к Хатанге слабым и больным членам отряда.

Первой заботой Х. Лаптева было организовать помощь бредущим по берегу сослуживцам, а затем получить провиант с Оленекской базы. 20 октября туда был послан солдат Я. Богачанов с приказом квартирмейстеру А. Толмачеву срочно доставить на Хатангу продовольствие, так как почти половина запасов погибла вместе с судном.

24 октября в зимовье на собаках приехали штурман С. Челюскин, иеромонах и несколько солдат, сообщивших, что за больными в «юрты» помощь послана, а в трех переходах отсюда, идет группа из 12 человек с тремя нартами собак. 29 октября группа прибыла на Хатангу, но не всем удалось добраться живыми: солдат Борис Панаев и писарь Матвей Прудников скончались в пути.

Последняя партия больных служителей прибыла на базу 4 ноября. «Привезли конопатчика Василия Михайлова мертвого, за 10 верст до зимовья помер» (л. 97). А 7 ноября прибыли на 8 нартах трое солдат, ездивших за остатками продовольствия и судового имущества к «юртам». Еще дважды зимой туда посылались служители, последний раз 9 марта 1741 года. Они «привезли с юрт с моря

котел медный, 7 топоров, циркуль железный и парус фок с дырами да топсель» (л. 110).

Похоронив с воинскими почестями вблизи зимовья¹ своих троих товарищей, Х. Лаптев 8 ноября созвал консилиум, чтобы решить, как выполнить опись необследованного северного побережья. Всем было ясно, что теперь возможно вести опись только по суше. Такое решение следовало обосновать. Инструкция Адмиралтейств-коллегии разрешала вести съемку по суше, если невозможно было пройти судном, только в летнее время, измеряя глубину в устьях рек и вблизи берегов. Но, как убедился Х. Лаптев, летом двигаться по побережью на собаках было трудно из-за распутицы, а на оленях нельзя, так как для них еще не было корма. В решении консилиума обосновывалось намерение производить съемку весной на собаках: «...и по выше описанным невозможностям морской берег меж реками Хатангою, Пасеньгою и Енисею описывать в летнее время никак невозможно, кроме зимнего пути на собаках, как начать с апреля месяца»².

¹ В журнале зафиксировано погребение вблизи зимовья 5 умерших членов экипажа «Якуцка»: кроме троих, умерших в тяжелейшем походе осенью 1740 г., здесь похоронены два солдата — Г. Баранов и Я. Богачанов, умершие от болезней. Г. Баранов скончался осенью 1739 г., а Я. Богачанов — весной 1741 г. Остатки их могил заметны и теперь в 200 м к северу от развалин домов зимовья. Они находятся на высоком песчаном обрыве в 30—40 м к юго-востоку от поставленного здесь летом 1980 г. памятника (см. *Троицкий В. А. Поселок Харитона Лаптева на реке Хатанге.* — Наука и жизнь, 1980, № 1). Здесь похоронены солдаты Борис Панавев, Гаврила Баранов, Яков Богочанов, конопатчик Василий Михайлов, писарь Матвей Прудников.

² Экспедиция Беринга. Сб. док. Под ред. А. Покровского. М., 1941, с. 252.

25 ноября Х. Лаптев отослал в Петербург рапорт о гибели судна и решение консилиума о сухопутных съемках весной. В рапорте он написал, что уже приступил к подготовке съемочных работ, «чтоб все время не прошло»¹, не ожидая официального разрешения Адмиралтейств-коллегии. На консилиуме выработали и план проведения съемок: тремя группами, по 3—4 собачьих упряжки и по 3—4 человека в каждой группе, начать опись берегов навстречу друг другу из устьев рек Хатанги, Нижней Таймыры и Пясины, где имелись базы — промысловые зимовья. Не участвующих в съемках солдат и матросов решено было отправить по окончании полярной ночи на Енисей.

Но прежде всего следовало перевезти провиант с Оленекского зимовья. 23 ноября прибыл наконец на оленях первый транспорт. Квартирмейстер Афанасий Толмачев привез испеченные в Оленекском зимовье сухари в 21 мешке, различные крупы, соль. Разгрузив караван, снова отправились на Оленек за следующей партией продовольствия. Всего было сделано три рейса по 100 оленьих запряжек в каждом. А. Толмачеву было поручено отобрать в окрестных зимовьях 10 лучших упряжек собак для съемочных групп, обеспечить их походным продовольствием и кормом для собак. Для полевых партий предназначались сухари и «уликта» — вяленое оленьё мясо, крупы, сливочное масло. Для собак юкола — сушеная рыба, которую местные промысловики готовили для отряда Х. Лаптева все прошедшее лето.

В подготовке нарт, походных чумов, упряжи для собак, одежды (Х. Лаптев и его товарищи в санные походы брали испытанную зимнюю одежду

¹ Там же, с. 249.

местного населения), провианта быстро прошла полярная ночь. 16 февраля 1741 года выехали к Енисею на оленях 14 солдат, не участвующих в предстоящих работах, во главе с боцманматом В. Медведевым. В начале марта на восьми оленьих нартах квартирмейстер А. Толмачев повез на озеро Таймыр и к устью Нижней Таймыры продовольствие и собачий корм. Когда Толмачев возвратился, ему поручили везти на Енисей вторую партию не участвующих в работах солдат и матросов.

17 марта 1741 года выступил в поход на трех собачьих упряжках с двумя солдатами штурман С. Челюскин. К месту съемки — в устье Пясины он добрался по рекам Хатанге, Хете, Дудыпте, Пясины. Этот почти 1500-километровый путь был не особенно трудным, так как партия С. Челюскина уже прошла по нему от зимовья к зимовью, в которых ночевали и кормили собак. Но к северу от устья Пясины зимовьев не было, припасы для себя и собак пришлось везти с собой, ночевать в походном чуме.

15 апреля отправилась в путь на трех нартах группа геодезиста Н. Чекина, которой предстояло проехать от устья Хатанги вдоль восточного берега Таймыра к мысу Фаддея и от него начать съемку берега к северу и западу, закончив ее в устье Нижней Таймыры.

Харитон Лаптев 24 апреля с солдатом и «новокрещенным» якутом Н. Фоминым, владельцем зимовья в устье Нижней Таймыры, выехал туда на четырех нартах. Путь их пролегал по тундре до озера Таймыр, на которое выехали на четвертый день к заливу Юкаюму. Проехав по озеру около 70 километров, добрались до истока реки Нижней Таймыры, по ней поехали к морю.

Х. Лаптев начал съемку от Хатанги, записывал в журнал по компасу направления, а пройденные расстояния оценивались им по времени и скорости бега собак. В журнал он подробно заносил все повороты реки Таймыры, характеризовал ее берега. На второй день езды по реке он записал: «По обе стороны реки берега каменные, утесные, Щеки называются», а на следующий день появилась запись: «Здесь окончились утесные берега. Подкаменные называются для того, что в высокой каменной стене сделано яко пещера в длину сажень на 5, поперек сажени на 3, вверх сажений на 6. Сия гора утесная состоит из черного камня, подобно аспиду, меж слоями белый шов, подобно алебастру» (л. 115). Так Х. Лаптев описал известную на Нижней Таймыре (125 км вверх от устья) пещеру Миддендорфа.

Прибыв 6 мая в зимовье¹ Н. Фомина и проложив свой маршрут на походной карте, Х. Лаптев убедился, что устье реки Таймыры лежит значительно западнее, чем он предполагал, и группе Н. Чекина предстоит проехать к западу намного большее расстояние, чем рассчитывали. Поэтому Х. Лаптев, отдохнув в зимовье, 9 мая направился на северо-восток, навстречу Н. Чекину. Сокращая путь, он пересек тундру нынешнего полуострова Оскара и выехал в залив Толля. Н. Фомин уве-

¹ Это зимовье, служившее базой санных походов отряда Х. Лаптева в 1740—1742 гг., удалось найти в 1972 г. Следуя записям Х. Лаптева, оно находится в 3,2 км севернее мыса Шатер, на северном берегу Таймырской губы. Городище размером 5×20 м было покрыто тундровой растительностью, кое-где торчали из грунта обломки деревянных саней, рыбацких поплавков (см. *Троицкий В. А.* Русские поселения на Севере Таймыра в XVIII веке. — Советская этнография, 1975, вып. 3, с. 122).

ренно вел группу Х. Лаптева «по своему» промышленному району. На четвертый день пути, находясь в заливе Дика, «наехали маяк Фомичев» (л. 115), стоявший, вероятно, на нынешнем мысе Могильном. Но здесь Х. Лаптев и его спутники, за исключением Н. Фомина, заболели снежной слепотой — световым ожогом глаз. Это происходит обычно в снежных просторах при ярком солнечном свете. «От дыму в чуме и от ветра великого у лейтенанта и солдата глаза перебило так, что на 20 сажень можно (лишь) видеть. А по объявлению якута у него глаза мало подорвало. Для оной очной болезни возвратились паки назад...» (л. 116). Пришлось вернуться в зимовье. Как выяснилось позже, этой же болезнью была остановлена и группа Н. Чекина, которая вынуждена была вернуться из-за «очной болезни» от островов Петра, даже не доехав до начальной точки съемки — мыса Фаддея.

Оправившись в зимовье от «очной болезни», 20 мая Х. Лаптев выехал со съемкой на запад навстречу С. Челюскину. Группа Х. Лаптева, делая в день по 40—50 верст, ехала вдоль восточных берегов нынешнего архипелага Норденшельда, ночуя на галечных косах встречаемых островов, на которых можно было найти плавник для костров. Нынешний остров Таймыр с прилегающими к нему островами Пилота Махоткина, Пилота Алексева, а также массив островов Петерсена, Добрыня Никитич, Шпанберг, Красин, Чабак были приняты Х. Лаптевым за продолжение материка, поскольку проливы между этими островами зимой трудно различить. Зато небольшие острова — Розмылова, Юрт, Близнецы, Тыртова, Три Брата — отмечены (без названия) в журнале Х. Лаптева, и он является их первооткрывателем.

24 мая при ясной теплой погоде Х. Лаптев пересек пролив (нынешний пролив Ленина), который принял за «губу», так как на западе виднелись «холмы» — острова. На севере он едва различил «чаемую землю» — нынешний остров Русский. Х. Лаптев по рассказам Н. Чекина знал, что вскоре здесь земля повернет к югу. Прodelав 38 верст, «приехали к настоящему берегу... здесь начались торосы, лед свежий, где чайтельно море открытое в летнее время. На море увидели белого медведя и убили... стали ночевать» (л. 114). Это произошло близ северной оконечности острова Русский. Измерив высоту полуденного солнца, Х. Лаптев получил широту места¹ $76^{\circ}38'$, подписанную им на бревне-маяке, который он установил на мысе: «от нас именован Северной-Западной мыс. Собою не-

¹ В действительности $77^{\circ}10'$. Допускавшееся Х. Лаптевым (из-за несовершенства астрономических приборов и тогдашних методов вычислений широт в полярных районах) систематическое занижение широт на $20'$ — $40'$ явилось впоследствии причиной того, что многие его открытия не были известны. Спустя столетие А. Ф. Миддендорф, анализируя журнал Х. Лаптева, пришел к выводу, что его «мыс Северо-Западный» в действительности расположен на острове, названном Миддендорфом островом Таймыр (А. Ф. Миддендорф. Путешествие на Север и Восток Сибири, ч. 1, СПб., 1860 г., с. 119). Вследствие занижения широты острова на полградуса на картах середины XIX в. экспедиция А. Э. Норденшельда в 1878 г. отождествила остров Таймыр с обнаруженным ею большим островом на юге современного архипелага Норденшельда, хотя в действительности был открыт новый остров. В честь Х. Лаптева Норденшельд назвал северо-восточную оконечность острова Таймыр мысом Лаптева, подразумевая, что здесь и был «мыс Северо-Западный», крайний северный мыс, где побывал Х. Лаптев. В действительности же это северный мыс острова Русский (см. Троицкий В. А. Географические открытия В. В. Прончищева, Х. П. Лаптева и С. И. Челюскина на Таймыре. — Летопись Севера, в. VII, М., 1975, с. 84).

высок, как и прежней берег, 5 сажен перпендикулярно» (л. 118).

Маяк поставлен на северной оконечности острова Русский. После Х. Лаптева на острове Русском никто не был вплоть до 1935 года, когда здесь построили полярную станцию, но маяка уже никто не нашел.

Проехав 20 верст к югу вдоль западного берега острова Русский, увидели «маяк, которой в 1740 году от геодезиста Чекина поставлен, где и от нас подписано число» (л. 118). Маяка Чекина также никто не нашел. Зимой закрепить прочно столбы в Арктике трудно, и стоят они недолго.

От юго-западной оконечности острова Русский Х. Лаптев увидел на юге и юго-востоке «холмы, меж которыми уповательно быть никакой земли» (л. 118). Холмы — это нынешние острова Красин, Шпанберга, Пахтусова, Петерсена и другие. Хотя Х. Лаптев и подозревал наличие здесь множества островов, показать их на карте он не решился, так как не был уверен, что гладкий лед между островами-«холмами» является морской поверхностью, а не низменной землей. Поэтому на своей карте он нарисовал по линиям виденных островов-«холмов» контуры «губ морских».

От острова Русский взяли направление на западный край массива островов западной части архипелага Норденшельда, которые издали казались сплошным морским берегом. «Поехали чрез губу 40 верст к окончанию земли в море. Приехав на малой остров каменной стали ночевать. Здесь убили белого медведя» (л. 118). Так в журнале описывается пересечение западной части современного пролива Ленина и открытие островка (на современных картах остров Ленина). В наше время этот

небольшой остров был вторично открыт только в 1937 году ледоколом «Ленин». 27 мая, проехав «по берегу моря» — западному краю островов архипелага Норденшельда, — Х. Лаптев с отрядом направился «на видной остров высокой, каменной и прирай, меж которым и берегом пролив 5 верст» (л. 118). Так был открыт нынешний остров Макарова. На его западном мысе путешественники заночевали, «понеже впереди чрез губу великое расстояние пути» (л. 118).

Утром 28 мая Х. Лаптев выступил на юг, на едва видимый там купол нынешней горы Черной, отстоящей от острова Макарова на 60 километров. В пути разыгралась пурга, видимость пропала, вдобавок «наехали на щель шириною 2 фута воды, которая отделяет морские торосы от стоячего льда в губе. И оные торосы в большой ветр колеблет... а с полуночи от великой бури снесло» (л. 118 об). Путешественников могло унести в море, но они вовремя перешли на «стоячий лед», на котором дождались окончания пурги. Когда утром 29 мая «прочистило», на юге открылся гористый берег. Взяли курс на ближайший мыс, подъехав к которому увидели «горы высокие, протока идет на юго-восток, а против мыса большой остров» (л. 119). Это был нынешний мыс Фуса, входной мыс залива Волчий, а «островом» оказался теперешний полуостров Де-Колонга. На следующий день ехали 8 верст на запад через «протоку» (залив Волчий) к «острову», затем еще 8 верст «около берега острова». Х. Лаптев либо не заметил узкого низменного перешейка, соединяющего массив полуострова Де-Колонга с материком, либо в то время перешейка вообще не было, и он появился позднее, ближе к нашему времени. Последнее более вероятно, поскольку Х. Лаптев обычно в сомнительных слу-

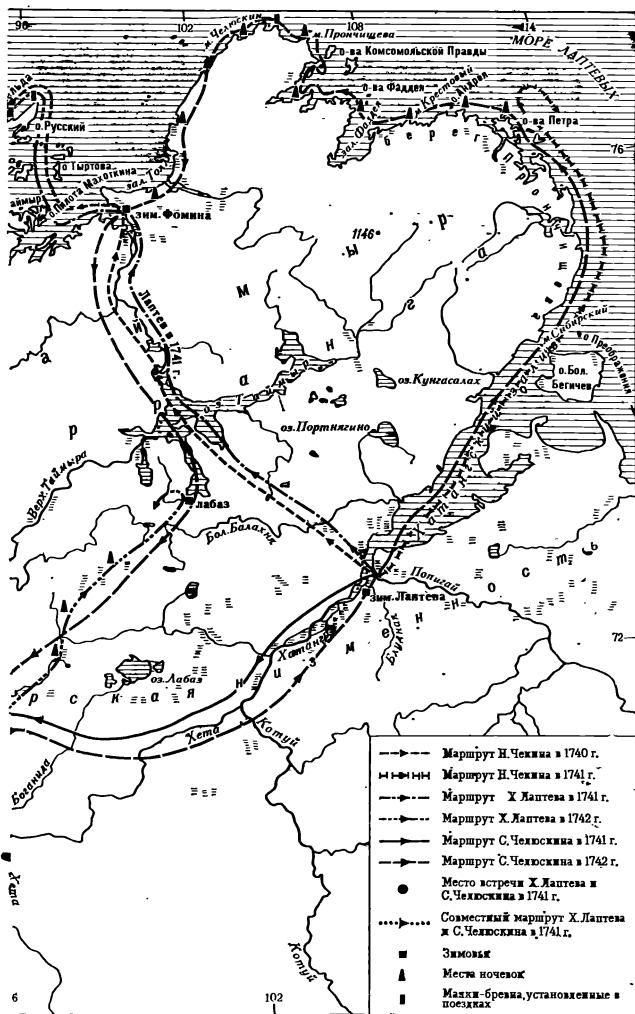
чаях встречаемые острова-«холмы» считал частью материка, а тут он уверенно указывает на остров, явственно нарисованный и на его отчетной карте.

Обогнув северо-западную оконечность полуострова Заря, путешественники снова устремились на юг вдоль западного берега этого полуострова, пересекли «протоки» — входные проливы залива Миддендорфа и к полуночи остановились на большом галечном пляже вблизи мыса Лемана, южного входного мыса залива Миддендорфа, где и заночевали. «На сей корге плавнику великое множество, здесь сыскали старые огнища»¹ (л. 119).

На следующий день, 1 июня 1741 года, у мыса Лемана² произошло знаменательное событие — встреча двух выдающихся путешественников, отправившихся навстречу друг другу вдоль незнакомого северного берега из устьев рек Пясины и Таймыры, отстоящих на тысячу с лишним километров друг от друга. Вот как буднично описана эта встреча в журнале Х. Лаптева: «Погода изрядна. С по-

¹ «Старые огнища» — это остатки или древних костров, или сгоревших изб. К сожалению, в журнале это не поясняется. Несомненно лишь, что здесь путешественники обнаружили следы деятельности людей, проникших сюда задолго до их похода. Возможно, здесь трагически закончилась одна из попыток землепроходцев XVII в. пройти морем из устья Енисея на восток. Во второй половине XVII в. было предпринято несколько русских экспедиций для прохода из Енисея в Лену, но все они были неудачны (*Визе В. Ю.* Новые сведения о русском арктическом мореплавании в XVII в. — *Летопись Севера*, т. 1, 1949, с. 92).

² В литературе место встречи Х. Лаптева и С. Челюскина указывается значительно южнее — у мыса Стерлегова. Ссылаются при этом на записанную в журнале в этот день широту 76°21'. Но, как уже упоминалось, широта у Х. Лаптева систематически занижалась и не может служить точным ориентиром. Место встречи путешественников у мыса Лемана выявляется штурманской прокладкой маршрута на современной крупномасштабной карте.

Х. Лаптева на Таймыре

людни приехал к нам навстречу штурман Челюскин, у которого пришедшие с ним собаки весьма худы и корму малое число с ним пришло. И накормив собак, поехали в путь, возвратя оного штурмана» (л. 119).

В совместном походе на юго-запад вдоль побережья, называемого теперь берегом Харитона Лаптева, исследователи положили на карту много неизвестных мысов, бухт, прибрежных островов. В частности, при анализе журнала становится ясным приоритет Х. Лаптева и С. Челюскина в открытии нынешних островов (все названия современные): Мячина, Баклунда, Каминского, Трех Медведей, Крайнего, Узкого, Кравкова, Скотт-Ганесена, Челльмана, Торосового, мысов — Штеллинга, Вильда, Каминского, Лосева, Поворотного, Рыбного, бухты Эклипс, Слюдяной, Михайлова, Рыбной, фьорда Хутуда и многих других (см. Троицкий В. А. Географические открытия В. В. Прончищева, Х. П. Лаптева, С. И. Челюскина на Таймыре, Летопись Севера, 1975, в. VII, с. 87—89).

Маршрут исследователей пролегал вдоль берега Харитона Лаптева, полуострова Михайлова, далее вдоль мористой опушки островов шхер Минина, принятых зимой за берег материка. Обогнув мыс Поворотный острова Олений, проехали через пролив Течений в залив Минина, заметив острова (нынешние острова Песцовый, Круглый) и окружающие их мелкие островки. На берегу бухты Рыбной увидели маяк, построенный штурманом Ф. Мининым¹ в 1740 году. Южнее стали встречаться пес-

¹ Отряд штурмана Ф. Минина на боте «Оби Почталион», впервые с моря прошедшем в устье Енисея из устья Оби, в 1738—1740 гг. выходил навстречу отряду Х. Лаптева. Попытки Ф. Минина морем и на собачьих упряжках обогнуть Таймыр были безуспешными: ему удалось пройти только не-

цовые ловушки промысловиков, живущих в устье реки Пясины, а на восточном берегу Пясинского залива путешественники ночевали в двух их отъезжих зимовьях.

Вечером 9 июня путешественники прибыли к устью Пясины, где на небольшом острове (ныне остров Чаек) находилось большое «коренное» зимовье «промышленного человека» Федота Тобольского. Наконец все могли отдохнуть после двухмесячного санного похода по глухим местам.

Надо было решать, что делать дальше, поскольку был разгар весны. Близилось бурное таяние снега, собаки были измучены. Оставался еще не описанным берег между Пясиной и Енисеем. Поэтому «12 июня 1741 года отправлен штурман Челюскин с устья реки Пясинги к Енисею около морского берега с некоторою командою, а на устье Пясинги за поздним временем и за худостию собак остался весновать лейтенант Лаптев, а весною по вскрытии воды будет следовать реками через тундру» (л. 121).

Далее в журнале С. Челюскиным подробно записана сухопутная съемка побережья между Пясиной и устьем Енисея. Он ехал по ночам, когда несколько подмерзал снежный наст, за неделю пути успел доехать до острова (современный Диксон), несколько южнее которого 20 июня С. Челюскину пришлось «завесновать» в зимовье Стрелово (находилось в устье нынешней реки Лемберова), так как «собаки обезножили и вода сверх льда» (л. 123). Только спустя 25 дней,

сколько севернее полуострова Михайлова. Съемки отряда Ф. Минина были полностью перекрыты съемками отряда Х. Лаптева и поэтому при составлении карт Сибири по итогам работ Второй Камчатской экспедиции не были использованы.

15 июля 1741 года, С. Челюскин, достав вьючных оленей, смог продолжить съемку восточного берега Енисейского залива. В зимовье Волгино (находилась в нынешней бухте Омудевой) на море была уже чистая вода. Отпустив оленей, С. Челюскин и его спутники пошли на двух лодках из Волгина зимовья вдоль берега где на веслах, где под парусом, а при встречном ветре — «бечевой», становясь на время бурлаками, но не прерывали съемки. 31 июля путешественники вошли в устье Енисея.

3 августа 1741 года в Гольчихинских магазинах (в устье реки Гольчиха) С. Челюскин встретился с Х. Лаптевым: «...и тут дожидается нас командующий лейтенант Лаптев, который прибыл с устья реки Пясинги и следовал рекою Пясингою вверх також и пристойным путем до реки Енисея прибыл за неделю сего прибытия. И пришел здесь дощеник из Мангазеи» (л. 125). Когда река Пясины очистилась ото льда, Х. Лаптев на лодках поплыл по ней вверх, затем по ее притоку, речке Пуре, приблизился к Енисею, а в Гольчиху добрался по тундре на оленях¹. На следующий день Х. Лаптев и С. Челюскин со своими спутниками вышли в плавание вверх по Енисею на дощанике, ведя в пути маршрутную съемку берегов реки до самого Турханска.

У Дудиной реки (ныне река Дудинка) путешественники встретили часть бывших служителей «Якуцка», добравшихся сюда из Хатангского зимовья. Здесь была и группа геодезиста Н. Чекина,

¹ Интересно отметить, что этот маршрут Х. Лаптева повторили моряки с гидрографических судов «Таймыр» и «Вайгач», которые летом 1915 г. провел из устья Пясины в Гольчиху известный таймырский путешественник Н. А. Бегичев.

не выполнившая своего задания из-за «очной» болезни (снежной слепоты). Основная же часть отряда во главе с боцманматом Медведевым находилась у озера Пясино, так как всех оленей местные жители угнали на летнюю жировку на север, подальше от комаров. Х. Лаптеву с большим трудом удалось достать оленей и отправить за своими людьми.

29 августа Х. Лаптев и большая часть его отряда собрались в городе Мангазейске (Туруханске). 15 сентября сюда прибыла и группа В. Медведева.

Хотя результатами весенней съемочной кампании 1741 года Х. Лаптев мог гордиться — исследован и положен на карту неизвестный дотол морской берег между устьем рек Нижняя Таймыра и Енисей — задание Адмиралтейств-коллегии еще не было выполнено. Оставался необследованным наиболее труднодоступный участок северного побережья между мысом Фаддея (куда Х. Лаптев дошел на судне с востока в 1739 году) и устьем реки Нижняя Таймыра.

На консилиуме приняли решение выполнить съемку этого участка весной 1742 года. В Хатангское зимовье были посланы предписания караульной команде готовить корм для собак, привезти остающийся провиант из Оленекского зимовья. Опись неизвестного побережья была поручена С. Челюскину, направлявшемуся к мысу Фаддея через Хатангское зимовье. Сам Х. Лаптев решил ехать к устью Таймыры, обеспечивая группу С. Челюскина провиантом на обратный путь.

На хатангскую базу отряда первым выехал 5 декабря 1741 года штурман С. Челюскин с четырьмя солдатами. На базе они должны были подготовить несколько упряжек собак, корм для

них, запас провианта и весной выехать на съемку. На Хатангу группа С. Челюскина добиралась то на «перекладных» упряжках, то на собаках, то на оленях, выделяемых им на время местными жителями. Путь пролегал вниз по Енисею до устья Дудиной реки, к озеру Пясино, по рекам Пясине, Дудыпте, Боганиде, затем переезжали на Хету и спускались по ней в Хатангу. 15 февраля добрались до зимовья близ реки Блудной, «где надлежит жить, по инструкции лейтенанта Лаптева к морской езде готовить собак и кормов, что надлежит» (л. 156). К началу апреля все было готово. На конечную точку всего маршрута к устью реки Нижней Таймыры были отправлены на 9 нартах продовольствие и корм для собак. 3 апреля С. Челюскин на шести нартах выехал вниз по Хатанге и далее на север вдоль берега моря, хорошо знакомому ему по пешему походу после кораблекрушения осенью 1740 года. Проехав острова Петра, С. Челюскин отпустил 26 апреля сопровождавших трех «подводчиков» и, взяв лучших собак и более прочные три нарты, вместе с солдатами Антоном Фофановым и Андреем Праховым отправился к пока еще неизвестной северной оконечности Азии.

1 мая 1742 года от мыса Фаддея С. Челюскин начал съемку неизвестного берега, подробно описывая все его изгибы, высоту, строение. В день проезжали по 40—50 километров, останавливаясь на галечных «коргах», чтобы переночевать в походном чуме и обогреться у костра.

Наиболее северная точка материка, получившая позже его имя, была достигнута С. Челюскиным в полночь с 8 на 9 мая 1742 года. За 7 часов до этого, находясь в 12 километрах восточнее, С. Челюскин установил маяк-бревно на наиболее приметном здесь высоком скалистом мысе (ныне мыс

Чекина), названном им «Восточной Северной мыс». Записи в съемочном журнале С. Челюскина позволяют выявить более северную точку берега, чем мыс Восточной Северной, но эта точка (нынешний мыс Челюскин) охарактеризована в журнале так: «Берег пошел гораздо низок и пещаной» — так он объясняет, почему ничем его не отметил.

Проехав без пополнения припасов свыше 500 километров, из них 400 километров со съемкой, С. Челюскин 15 мая на северном берегу полуострова Оскара встретил ехавших ему навстречу с припасами солдата К. Хорошева и якута Н. Фомина, которых послал Х. Лаптев.

Приехав в зимовье Н. Фомина в устье Нижней Таймыры, С. Челюскин сомкнул свой маршрут со съемкой Х. Лаптева 1741 года. Последний, самый труднодоступный участок побережья был заснят. Оставалось сделать хотя бы еще один съемочный маршрут по внутренним районам открытого ими, как это поняли уже исследователи, огромного северного полуострова. Эту задачу выполнял начальник отряда Х. Лаптев, направляясь навстречу С. Челюскину.

К району съемочных работ Х. Лаптев выехал из Туруханска 8 февраля 1742 года с четырьмя матросами. Путь лежал вниз по Енисею с ночевками в зимовьях и станках, где подводчики, перевозившие моряков, меняли собак или оленей. 2 марта Х. Лаптев прибыл в Дудинку («зимовье на реке Дудиной»), где оставался до 18 марта, так как не мог достать оленей. В этот период по приглашению местных жителей он «крестил двух отроков» (л. 142).

На восток от Енисея Х. Лаптев выехал на оленях. По пути он систематически вел записи о направлении пути, пройденных расстояниях, записы-

вал названия рек, их притоков, зимовьев и т. п., что помогло ему впоследствии реально изобразить на отчетной карте внутреннюю часть обследованного полуострова Таймыр.

19 марта 1742 года Х. Лаптев посетил окрестности нынешнего города Норильска: «Приехали на устье реки Норильской по которой ехали вверх 10 верст в Норильское зимовье ночевать» (л. 143). Эта запись указывает на местонахождение Норильского зимовья в XVIII веке.

Далее в журнале следуют записи о путешествии на оленях по озеру Пясино, по реке Пясине до зимовья Крестовского, от которого уже на собаках поехали вверх по реке Дудыпте. Х. Лаптев подробно описывает расположение на Дудыпте нескольких «песцовых» зимовий промысловика Федора Сухова, оказавшего путешественникам большую помощь. Он проводил их до реки Горбиты и рассказал, что на реке «Горбите також и по реке Муре (то есть Верхней Таймыре. — В. Т.), которые выпали из тундреных мест, находят лес-плавник старой ельник толщиной поларшина с корнями, которым топят зимовье и пасти ставит. А стоячего лесу на оных реках как в вершине и на прочих местах по объявлению самоеди отнюдь нет». На пути к озеру Таймыр Х. Лаптев в 60 верстах севернее верховьев Дудыпты «наехал дерево вмерзшее в землю, в диаметре более полфута, над землею два фута вышины» (л. 145).

Эти указания Х. Лаптева свидетельствуют, что еще в XVIII веке в ныне безлесных районах Таймыра находили остатки некогда бывших здесь реликтовых лесов.

Двигаясь на север к озеру Таймыр, Х. Лаптев договорился с Ф. Суховым о вывозе людей Челюскина на лодках вниз по Дудыпте.

4 мая на четырех нартах, тяжело нагруженных припасами, Х. Лаптев прибыл к озеру Таймыр. Из-за ранней весны снег стал мягким и двигаться по нему было трудно как в тундре, так и на озере. Тогда Х. Лаптев принял решение послать навстречу С. Челюскину солдат К. Хорошева и А. Лиханова с двумя нартами, устроить на берегу озера лабаз, куда сложить корм для собак на обратный путь, «а более корму не осталось, за тем собак и прочие нарты возвратить на Дудыпту» (л. 147). Незадолго перед этим Х. Лаптев получил известие об отъезде С. Челюскина от островов Св. Петра к мысу Фаддея и о том, что еще в апреле он послал большой транспорт с припасами к Таймырскому зимовью. Поэтому Х. Лаптев был уверен, что его помощник благополучно закончит съемку и прибудет к устью Таймыры. Беспокоила возможность его длительной задержки из-за начинавшейся весенней распутицы.

Выехав в обратный путь, Х. Лаптев везде отдавал распоряжения о предоставлении команде С. Челюскина оленей или лодок. На собаках или оленях, меняя их на зимовьях, Х. Лаптев успел местами по санному пути 27 июня добраться до устья Дудиной реки в зимовье Бобылево. Как только Енисей очистился ото льда (3 июля), пришел сверху «ясашной дощеник» — речное судно сборщиков налога. На нем Х. Лаптев 5 июля направился в Туруханск и одновременно послал двух солдат, чтобы они пригнали оленей к озеру Пясино, на которых люди С. Челюскина смогли бы переехать с озера Пясино на Енисей. 16 июля 1742 года Х. Лаптев прибыл в Туруханск, где стал ждать группы С. Челюскина.

С. Челюскин, закончив съемку 15 мая 1742 года в устье Нижней Таймыры и дав только сутки отдох-

нуть людям и собакам, немедленно выехал вверх по реке к озеру Таймыр.

23 мая в сильный дождь, съедавший снег на льду и в тундре, С. Челюскин добрался до лабаза с продовольствием, оставленным Х. Лаптевым на южном берегу озера Таймыр. Оттуда на юг путешественники ехали почти по бесснежной сырой тундре. 31 мая прибыли в зимовье Ф. Сухова на реке Дудыпте. В последний день «ехал с великою нуждою, ручьи и речки пошли, на реке Дудыпте остановился весновать» (л. 166). Только 13 июня прошел полностью лед на реке Дудыпте. На двух лодках партия С. Челюскина поплыла вниз по течению, 21 июня вошли в реку Пясино, по которой шли на веслах и «бечевой» вверх по течению. 30 июня добрались к зимовью Паленому, недалеко от озера Пясино, где их встретили солдаты, пригнавшие сюда по приказу Х. Лаптева 20 оленьих нартов. На них путешественники выехали по тундре к Енисею. 8 июля они прибыли в зимовье Бобылево при устье реки Дудиной на Енисее. Здесь пересели в лодки, на которых пошли вверх на гребле, под парусом, а то и «бечевой».

«20 июля пришел я в город Мангазейск в команду лейтенанта Харитона Лаптева, 7 августа вышли из Мангазеи на дощанике. 6 сентября 1742 года прибыли в город Енисейск» (л. 168).

Этой фразой заканчивается журнал отряда Х. Лаптева, выполнившего первую в истории картографическую съемку побережья между великими сибирскими реками Леной и Енисеем.

К осени 1742 года в городе Енисейске собрался весь отряд Х. Лаптева. Закончился почти 10-летний период плаваний во льдах, долгих полярных зимовок, санных походов по безлюдным местам. Самоотверженным трудом матросов, солдат и офицеров отряда были добыты бесценные материалы для первой достоверной карты дотоле неизвестного арктического побережья между Енисеем и Леной.

По первому санному пути с рапортом Адмиралтейств-коллегии о завершении работ отряда в Петербург выехал штурман С. Челюскин. В рапорте Х. Лаптев докладывал: «Описание берега морского по регуле навигацкой по здешнему состоянию на собаках окончил... А с прибытием моего в Енисейск город сочиняю карты морские описанию Северного моря берега морского на судне и сухим путем... А с оным Челюскиным посланы книги де-

нежные за 735 и позже годы за шнуром и печатью»¹ (л. 386).

Далее Х. Лаптев писал, что занят возложенным на него Адмиралтейств-коллегией поручением проинспектировать работу отряда штурмана Ф. Минина, также собравшегося в Енисейске.

В феврале 1743 года штурман С. Челюскин прибыл в Санкт-Петербург и представил Адмиралтейств-коллегии отчетные документы, рассмотрев которые Лаптеву послали предписание: «Описание морских карт как учинит, прислать без всякого промедления. А присланного с оными книгами штурмана Челюскина определить в здешнюю корабельную команду» (л. 393).

Верный соратник Х. Лаптева, С. Челюскин остался в Санкт-Петербурге, где наконец его произвели в первый офицерский чин — мичмана². В качестве награды было решено «выдать двойное жалование по его штурманскому окладу по 1 сентября 1742 году...» (л. 396).

В том же предписании Х. Лаптеву приказали отправить солдат и матросов его отряда в Охотск, где еще продолжались работы тихоокеанского отряда Второй Камчатской экспедиции.

¹ В Центральном государственном архиве ВМФ в Ленинграде (ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 52) сохраняется переписка Х. Лаптева с Адмиралтейств-коллегией и некоторые его отчетные документы. Далее цитаты приводятся из этого архивного дела со ссылкой только на номера листов.

² В дальнейшем С. Челюскин служил на Балтике. Вскоре его назначили командиром придворной яхты «Елизавета», которой он командовал 4 года. Затем служил на других кораблях. В 1756 г., дослужившись до чина капитана 3-го ранга, С. Челюскин был по болезни отпущен домой в свою деревню Борищево вблизи г. Перемышль Калужской губернии. Видимо, там он и умер. Год смерти и место его захоронения пока не выяснены.

В конце февраля 1743 года Х. Лаптев проводил в далекий путь к Тихому океану 27 своих сослуживцев. Под командой геодезиста Н. Чекина¹ и боцманмата В. Медведева они уезжали в Охотск. Среди них были и матросы К. Сутормин, М. Щелканов, подлекарь К. Бекман, а также солдаты Тобольского гарнизона Антон Фофанов и Андрей Прахов, которые вместе с С. Челюскиным участвовали в выдающемся санном походе к северной оконечности Азии.

За зиму 1743 года Х. Лаптев составил две отчетные карты и «Описание...» обследованной им территории. Представлять подобное «Описание...» инструкция Адмиралтейств-коллегии не обязывала. Это была личная инициатива Х. Лаптева.

В конце зимы с оставшимися людьми своего и штурмана Ф. Минина отрядов Х. Лаптев выехал в Санкт-Петербург, куда прибыл 27 августа 1743 года.

В своем рапорте Х. Лаптев писал: «А сего 27 августа с командою в Питербурх прибыл и при сем рапорте Государственной Адмиралтейств-коллегии прилагается вышеупомянутая морская карта, описание берега Северного Ледовитого моря между реками Леною и Енисея. И при том другая карта, меньшая пред тою, на которой показывает обстоятельно реки Лену от города Якуцка до моря и

¹ В Государственном архиве Красноярского края (ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 2, л. 4, 5) недавно нашлось упоминание о «прапорщике геодезии» Никифоре Чекине, относящееся к 1753 г. Из обнаруженного документа следует, что в 1750-е годы Н. Чекин был владельцем нескольких промысловых зимовьев в низовьях реки Хатанги.

Следовательно, выйдя в отставку, Н. Чекин занялся промыслом, базируясь на зимовья, построенные в 1739 г. отрядом Х. Лаптева близ устья реки Блудной.

Енисей от города Енисейска вниз до моря, також и протчих рек, впадающих во оное море и на которых командою описаны обстоятельно. А на которых случая не имели быть, назначены по ведомостям¹ тамошних жителей. И в бытность мою с получения команды на дубель-шлюпке «Якуцк» с 26 мая 1739 года и до возвращения в город Енисейск 27 августа 1742 году содержащийся журнал в шнурованной книге при сем прилагается» (л. 407).

В Адмиралтейств-коллегии Х. Лаптеву предложили написать «экстракт» — краткое извлечение о его плаваниях и санных поездках. До октября Х. Лаптев готовил «экстракт», доделывая две свои отчетные карты и «Описание...». В рапорте от 13 сентября 1743 года он написал, что кроме корабельного журнала вел «записку», в которую писал о природе и жителях и что «...оное Описание при сем представляется для известия предкам², что знать каждому можно, где какие вещи водою или сухим путем без лишней утраты интересов меж помянутой рекою Леною и Енисеем» (л. 423).

4 октября 1743 г. в Адмиралтейств-коллегии состоялось слушание отчета Х. Лаптева и рассмотрение привезенных двух карт, журнала, «экстракта», Описания и денежного отчета.

Протокол этого совещания сохранился: «Слушали лейтенанта Харитона Лаптева доношение... и приказали оное доношение, морскую карту и другую, меньшую пред тою бештеком (масштабом. — В. Т.) с Описанием, журналы, экстракт учиненного в журнале описания... принять к наряду и внести в генеральной о Камчацкой экспедиции

¹ «...назначены по ведомостям» — нарисованы на карте по расспросным сведениям местных жителей.

² Вероятно, Х. Лаптев ошибся и вместо «предкам» надо читать «потомкам».

экстракт. Отсель он Лаптев поданой ему инструкции окончил... а его Лаптева определить в здешнюю корабельную команду...» (л. 410, 445).

Лейтенант Х. Лаптев оставался в прежнем чине, не получив никаких наград. Потянулись годы морской службы на Балтийском флоте.

Только однажды вспомнила Адмиралтейств-коллегия о лейтенанте Х. Лаптеве как о полярном исследователе: в начале 1746 года ему было приказано явиться в Санкт-Петербург для участия в составлении «Генеральной карты Сибирским и Камчатским берегам».

Составление такой карты все затягивалось, так как Адмиралтейств-коллегия потеряла всякий интерес к северным морям, когда выяснилась невозможность сквозных плаваний. Отчетные карты командиров отрядов закончившейся Камчатской экспедиции были сданы в архив. И только в конце 1745 года из кабинета министров поступило требование разрешить Академии наук снять копии с отчетных карт Второй Камчатской экспедиции. Копии подробных карт русского Севера и Дальнего Востока могли попасть за рубеж к возможным противникам Русского государства. Поэтому было решено подлинных карт северного и восточного побережья России иностранным профессорам не давать, а нарисовать для них одну мелкомасштабную Генеральную карту, копию с которой и передать в Академию наук.

Для составления этой итоговой карты и были вызваны с кораблей бывшие руководители отрядов экспедиции В. Беринга: капитаны Алексей Чириков, Дмитрий Лаптев, Степан Малыгин, Лейтенанты Харитон Лаптев, Дмитрий Овцын, Софрон Хитрово, Иван Елагин. В стенах Морской академии полярные ветераны на карте рисовали каждый

«свои» районы северных и восточных берегов России, вспоминали пережитое, мечтали о новых походах, которые уточнили бы то, что осталось невыясненным.

Составив в 1746 году Генеральную карту¹, все они поставили под ней свои подписи и разъехались по кораблям.

Х. Лаптев продолжал командовать различными кораблями Балтийского флота.

В 1752 году ему присвоили следующий чин — капитана в связи с назначением как опытного штурмана помощником директора вновь открывшегося морского кадетского корпуса. В период Семилетней войны с Пруссией Х. Лаптев командовал боевым кораблем в чине капитана 2-го ранга, участвовал в морской блокаде прусского побережья.

После войны в 1762 году уже в чине капитана 1-го ранга Х. Лаптева назначили «обер-штеркригскомиссаром»² Балтийского флота. Но здоровье его пошатнулось. В своей деревеньке Пекарево Великолукского уезда полярный мореход тоже не находил покоя. Жизнь омрачалась многолетней тяжбой с богатым соседом — помещиком А. П. Абрютиным, которому, в бытность Х. Лаптева на севере, его жена по бедности сдала в аренду часть земли под вексель, по которому получала проценты. Незаконно А. П. Абрютин продал эту часть земли Лаптевых. Судебное разбирательство, зата-

¹ «Генеральная карта Российской империи Северных и восточных берегов...» Хранится в ЦГАВМФ, архив древних карт, № 4349. Опубликовано М. И. Беловым в его книге «Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX веков». — История Северного морского пути», т. 1, 1956, с. 336.

² Главный интендант, ведавший снабжением флота.

гиваемое богачом-ответчиком, при жизни Х. Лаптева так и не закончилось.

21 декабря 1763 года Х. Лаптев скончался. Вероятно, он был похоронен в Пекарево, могила его неизвестна.

Сын Лаптева — Капитон в последней четверти XVIII века служил почтмейстером в г. Великие Луки. Это все, что пока известно о последних годах жизни выдающегося арктического исследователя.

Из картографического наследия Х. Лаптева пока найдена только одна собственноручная «ланткарта» — обзорная мелкомасштабная карта, названная им в рапорте «Реки Лены от города Якуцка до моря и Енисей от города Енисейска вниз до моря». Существует много разноречивых толкований¹ о

¹ В книге Глушанкова И. В. «Навстречу неизведанному». Л., 1980, с. 117, даже не названа единственная сохранившаяся сухопутная карта Х. Лаптева: «Реки Лены от города Якуцка до моря и Енисей от города Енисейска вниз до моря». В то же время И. Глушанков ошибочно причислил к картам, принятым Адмиралтейств-коллегией от Х. Лаптева, карту С. Челюскина — «Карта от устья Лены реки Северным морем подле нордвестового берега до реки Таймуры штурмана Челюскина» (№ 3 по перечню И. Глушанкова, с. 117). В действительности эта карта составлена С. Челюскиным в 1736 г. и прислана в Петербург в 1737 г., когда Х. Лаптев еще служил в Балтийском флоте. Об этой карте см. примеч. на с. 16.

Попутно отметим, что в названной книге И. В. Глушанкова, при несомненном ее достоинстве в раскрытии многих ранее неизвестных подробностей о работе и жизни отряда В. В. Прончищева, Х. П. Лаптева, допущено много неверных толкований о сделанных ими географических открытиях. Так, географические названия — залив Петровский, острова Св. Петра, Св. Андрея, Св. Павла, Св. Самуила — присвоены не В. Прончищевым, как утверждает И. В. Глушанков (с. 60, 61), а Х. Лаптевым, что нельзя не заметить, сравнивая корабельные журналы «Якуцка» за 1736 и 1739 гг.

картографическом наследии Х. Лаптева. Между тем сохранившиеся его рапорты и протоколы совещаний по ним Адмиралтейств-коллегии позволяют совершенно однозначно полагать, что в 1739—1743 годах Х. Лаптевым совместно с С. Челюскиным и Н. Чекиным были составлены три отчетные карты:

1. Карта восточного берега Таймыра по результатам плавания 1739 года. В описи карт Камчатской экспедиции за 1742 год она названа: «Карта от флота лейтенанта Харитона Лаптева бытности его в Камчацкой экспедиции в походе от Якуцка и Леною рекою в Северное море»¹. Карта эта не сохранилась или не найдена. Большого интереса она не представляет, так как вошла составной ча-

Встреча Х. Лаптева и С. Челюскина 1 июня 1741 г. произошла не на мысе Стерлегова, как неверно повторяет И. В. Глушанков сведения из литературы XIX в., а в 100 км севернее, на южном берегу залива Миддендорфа, что следует из штурманской прокладки на современной карте маршрутов этих исследователей. Как и историки XIX в. И. В. Глушанков при толковании маршрутов дубель-шлюпки «Якуцк» и санных походов Х. Лаптева и С. Челюскина всюду опирается на цифры широт астрономических пунктов, записанных в журналах по наблюдениям полуденных высот Солнца, не принимая во внимание допускаясь ошибки в 20'—40'. Поэтому по книге И. В. Глушанкова проследить на современной карте маршруты отрядов В. Прончищева и Х. Лаптева не представляется возможным. Помещенная в книге на с. 58 картосхема середины XIX в. может дать лишь самое приблизительное понятие о плаваниях и походах первооткрывателей Таймыра.

¹ ЦГАВМФ, ф. 212, 1743, д. 24, л. 15, 50, № 136.

В перечне карт Камчатской экспедиции в 1754 г., отосланных в Тобольск (ф. 216, оп. 1, д. 73, л. 113—115), эта карта названа иначе: «От устья Лены реки Северным или Ледовитым морем подле нордвостового берегу до реки Таймуры, лейтенанта Харитона Лаптева». Под «рекой Таймурой» в 1739 г. подразумевался нынешний залив Фаддея, ошибочно принятый за устье этой реки.

стью в две отчетные карты, которые Х. Лаптев привез в Петербург в 1743 году.

2. «Морская карта описание берега Северного Ледовитого моря между реками Леною и Енисеем»¹ — так Х. Лаптев назвал в рапорте 27 августа 1743 года свою главную морскую «заякарту». В 1754 году ее отослали в Тобольск под названием «Карта его же Лаптева от Ленского устья подле Нордвостового берегу Северным морем до устья реки Енисея»². Эта утраченная в Тобольске карта побережья Таймыра была несомненно более подробной, чем единственная сохранившаяся третья карта Х. Лаптева.

3. «Другая карта, меньшая пред тою, на которой показывает обстоятельно реки Лены от города Якуцка до моря и Енисея от города Енисейска вниз до моря» — так упомянута третья карта Х. Лаптева в рапорте от 27 августа 1743 года. Эта карта обзорная, сухопутная «ланткарта», как ее назвал Х. Лаптев в своем «Описании...». Она сохранилась до наших дней³.

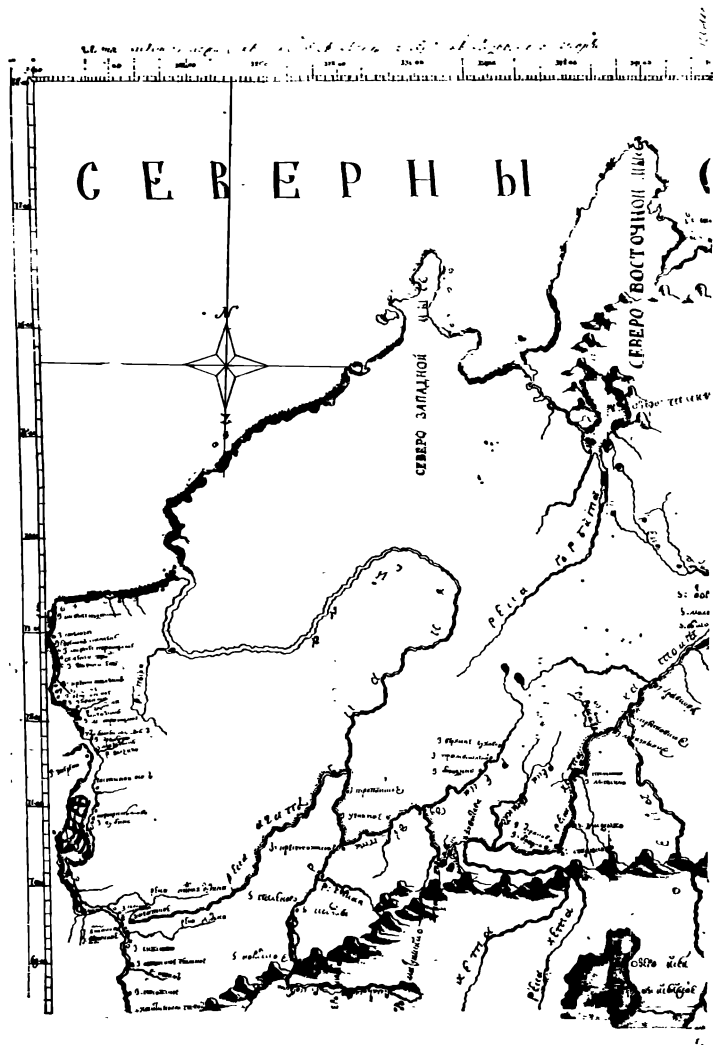
В XIX веке эту карту подписали: «Карта мест, лежащих при реке Лене и берегах Ледовитого моря». Х. Лаптев составил ее для иллюстрации своего «Описания...». Кроме морского побережья Таймыра она охватывает более южные территории нынешних Красноярского края и Якутской АССР до 58° широты.

На этой «ланткарте» впервые близко к действительности показан выявленный отрядом Х. Лап-

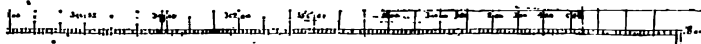
¹ ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 52, л. 407.

² ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 73, л. 114.

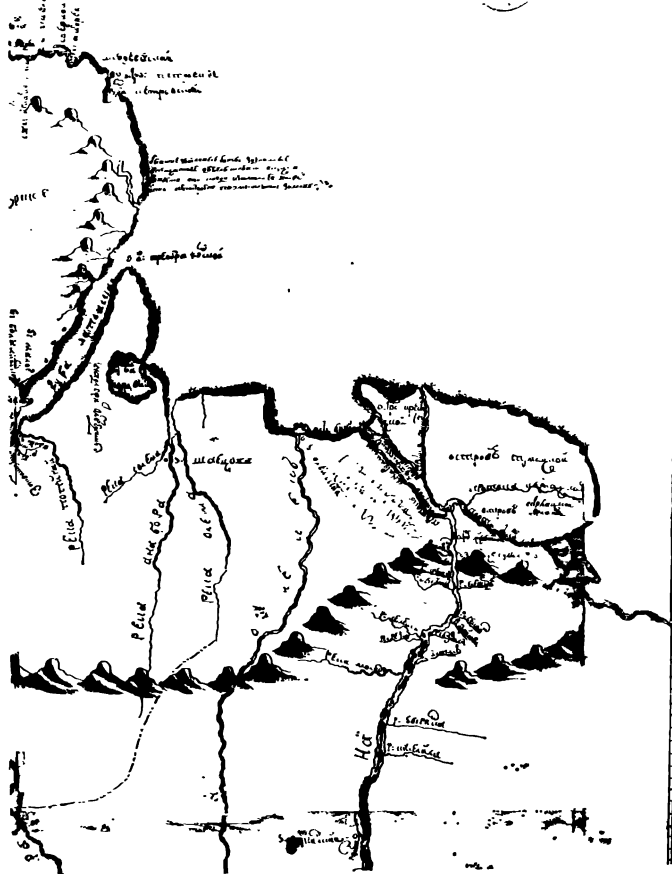
³ Хранится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве (ЦГАДА, ф. 192, карты Иркутской губернии, № 19).

Отчетная карта (северная половина) Х. Лаптева 1743 г.

ОБЛАСТЬ

тева огромный полуостров, названный спустя столетие Таймырским. Его очертания и соразмерность на карте свидетельствуют об удивительной для XVIII века точности изображения такого огромного региона. Так, протяженность полуострова по широте, на юге от места впадения реки Хеты в Хатангу до мыса «Северо-восточного» на севере у Лаптева $5,5^\circ$, а по современным данным — $5,7^\circ$. По долготе между меридианами восточного берега Енисейского залива и восточным берегом Таймыра протяженность полуострова у Лаптева 33° , как и на современной карте. Между устьем реки Пясины и мысом «Северо-западным» (т. е. островом Русский) на карте Лаптева $9,4^\circ$, а по современным данным — $9,5^\circ$. Эти цифры говорят о тщательности и добросовестности измерений, часто глазомерных, производившихся во время санных походов Х. Лаптевым и С. Челюскиным.

Карты Х. Лаптева, перечерченные в 1746 году на Генеральную карту России, которая вскоре была опубликована, свыше 130 лет (до плавания в 1878 году экспедиции А. Э. Норденшельда) определяли представление географов всего мира о северной части Азиатского материка. Впервые близко к действительности на них изображены озеро Таймыр, горная цепь Путорана, бухта Марии Прончищевой, Хатангский и Пясинский заливы, реки Енисей, Пясины, Хета, Хатанга, Таймыра, Анабар.

Вместе с двумя итоговыми картами Х. Лаптев сдал Адмиралтейств-коллегии и свое географическое «Описание...»¹ обследованной им области Сибири. Оно состоит из трех частей: 1) лощинное

¹ Автограф «Описания...» сохраняется в ЦГАВМФ (ф. 216, оп. 1, д. 52, л. 433—443).

описание морского берега между Леной и Енисеем; 2) географическое описание наиболее крупных рек, городов и селений, расположенных в между-речье Лены и Енисея, а также флоры и фауны этих мест; 3) этнографическое описание народов и племен, населявших эту территорию. «Описание...» Х. Лаптева — первый по времени общегеографический труд о Таймыре и Якутии — сохраняет свое научное значение и теперь, поскольку там содержатся сведения о флоре, фауне, гидрометеорологии и этнографии первой половины XVIII века, что позволяет выявить происшедшие с тех пор изменения в этих районах.

Х. Лаптев и С. Челюскин, как и многие другие участники Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции, получили широкую известность среди научной общественности России и всего мира лишь столетие спустя после совершенного ими подвига.

Потомки изумлялись величию их подвига в недоступных и в XIX веке районах севера Сибири. Не которые даже сомневались в реальности достижения отрядом Х. Лаптева северной точки Азии. Только труды морского историка А. Соколова и академика А. Ф. Миддендорфа, которые в середине XIX века изучили архивные журналы Х. Лаптева и С. Челюскина, подтвердили достоверность полученных ими научных результатов. Тогда же по предложению А. Ф. Миддендорфа северную оконечность Азии стали называть мысом Челюскин — в честь первооткрывателя.

На современных картах Таймыра в географических названиях запечатлена память о его первых исследователях: северо-западная часть побережья Таймыра, на котором в 1741 году встретились Х. Лаптев и С. Челюскин, ехавшие навстречу друг другу, носит название берег Харитона Лаптева.

В архипелаге Норденшельда есть мыс Лаптева, мыс Харитона. В Таймырской губе есть небольшой остров Челюскина. В море Лаптевых, на северо-восточном берегу Таймыра, значатся мысы Харитона Лаптева, Прончищева, Чекина. Под советским флагом бороздят моря ледоколы «Харитон Лаптев», «Семен Челюскин», «Василий Прончищев».

15 августа 1980 года на высоком берегу реки Хатанги, близ места зимней стоянки дубель-шлюпки «Якуцк» и остатков домов ее экипажа, в торжественной обстановке был открыт памятник Х. Лаптеву, С. Челюскину и их товарищам. Памятник представляет собой металлический конусообразный красный морской буй высотой 5 метров.

На конусе памятника написано: «Памяти первых гидрографов — открывателей полуострова Таймыр Харитона Лаптева, Семена Челюскина и их 45 товарищей, зимовавших в 1739—1742 годах в 200 м отсюда к югу, поставлен этот знак Хатангской гидробазой к 50-летию Таймырского автономного округа 15 августа 1980 года».

Кроме исторического памятник имеет и навигационное значение: он помогает ориентироваться на фарватере реки Хатанги морским судам, заходящим сюда из моря Лаптевых по пути, впервые разведанному отрядом Х. Лаптева.

В навигационном извещении была и такая фраза: «При прохождении траверза памятника мореплаватели призываются салютовать звуковым сигналом в течение четверти минуты, объявляя по судовой трансляции экипажу, в честь кого дается салют».

И теперь, в период каждой арктической навигации, на подходе к памятнику суда салютуют подвигу русских моряков-исследователей, тем, кто были здесь первыми.

Записки лейтенанта
Харитона Лалтева, воеводы
и др. [Handwritten text in Cyrillic script, partially obscured by the title frame]

ЗАПИСКИ ЛЕЙТЕНАНТА ХАРИТОНА ЛАПТЕВА

Войска
и др. [Vertical handwritten text on the left side of the page]

и др. [Vertical handwritten text on the right side of the page]

и др. [Horizontal handwritten text below the title frame]

и др. [Horizontal handwritten text below the title frame]

и др. [Horizontal handwritten text below the title frame]

и др. [Horizontal handwritten text at the bottom of the page]

ЗАПИСКИ ЛЕЙТЕНАНТА ХАРИТОНА ЛАПТЕВА

Описание, содержащееся от флота лейтенанта Харитона Лаптева в Камчацкой экспедиции меж реками Лены и Енисея, в каком состоянии лежат реки и на них всех живущих промышленников состояние

Реки Лены берега по обе стороны от ширины 71°24' лежат крутые и лесов стоячих нет никаких; где окончились — зимовые юрты, зовомые Кумаксурка¹. Из оной реки Лены выше Усть-Ленского столба² к западу прошла протока, зовомая Анардамская³, над которою настоящего берега лежат горы. И в таком состоянии и к морю пошли.

Усть-Ленский столб лежит остров на устье реки Лены окружением с одну милю, от которого пошли две протоки главные. Одна⁴ к востоку около берега крутова, другая к западу, зовомая Крестьяцкая⁵, которая идет меж низкими берегами ровными, глубиною от 6 фут до 8 сажен. На островах около тех проток кочуют в летних юртах якуты, которые довольствуютца рыбою, оленями, гусями, лебедями и утками дикими, которых великое множество по озерам маленьким. Оные ж якуты промышляют песцов белых и голубых. Чрез всю зиму ездют на собаках. На полях около протоки трава низкая и изсохшая, и мох. А где по мокрым местам, есть трава зеленая, невысокая. На сих островах оной протоки лесу наносного много и годен на строение. И в таком состоянии оная протока лежит до устья своего, где впала в море. Которые

острова лежат восточнее, те называются Туматы, а которые лежат к западу, те называются Крестяки⁶.

На устье Крестяцкой протоки, на северном мысу поставлен маяк⁷ из бревен вышиною около семи сажен. Около устья сей протоки состоят подводные пески миль на 7 в море, над которыми их лотка не может пройти, кроме одного надлежащего фарватера, по которому от 7 до 12 фут глубины.

Берега от реки Лены западней и в море⁸ от проток ленских пошли крутые и безлесные и над ними горы⁹ высокие, каменные. И в таком состоянии лежат до реки Аленика. Около сего берега из Лены реки помянутою Крестяцкою протокою до реки Аленика с половины июля можно ходить на дощениках¹⁰, понеже в июле делается заберега¹¹.

Усть Оленские острова¹² лежат собою низки, безлесны. С морской стороны кажутся токмо 3 острова, между собою в расстоянии каждой меньше мили. Берега их мало прикруты. И когда этих островов будет западной мыс на ZO в то время видно будет, что река Аленик лежит меж двух гор высоких, середина ея на ZOZ. На устье реки Аленика в зимовьях¹³ живут русские промышленники издавна, семей около 10, которые чрез жен своих соединились многие с новокрещеными якутами, и на их природу и обычаи схожи.

Берег от реки Аленика пошел к западу крутой и ровной, також безлесной, по которому состоят, меж собою около 30 верст, балаганы маленькие оленских промышленников, для промыслу песцового. И таким состоянием до устья реки Анабары.

Остров Салкаев¹⁴ собою невелик, не более двух миль расстоянием, и с моря в 3-х милях кажется низок быть. За ним берег едва видно, низким кажется.

Река Анабара впадала в море в 74-м градусе ширины меж высоких берегов и прирых. Устье ее шириною 8 верст, глубины довольно, без островов и подводных мелей. С моря приход без нужды. На устье промысленики русские и новокрещенные якуты живут.

Нордвик, от нас ¹⁵ именованная залива. С моря проход шириною в нее близ 6 миль, а в ней поперек залива близ 30 миль. Берега крутые и утесные. Чего ради по берегам ее лесу наносного ничего нет. В ней льду ломаного стоит великое множество. Видно якоб всякая льдина ребром. Течения в нее и из нее по $2\frac{1}{2}$ мили в час. В новолуние и в полнолуние наводнения ¹⁶ время 6 часов.

У южного мыса ¹⁷, где на якоре стояли, земля ¹⁸ песок с мелким камнем. На полях около сей губы земля крепкая глина. Травы никакой нет, кроме что мох, неудобной к оленему корму. А лесу стоячего отнюдь нет. Песцов белых видно нам было много. Жителей и промыслов никаких нет и не бывало, понеже здешние ¹⁹ объявляют, что оной губы не знают.

От сего Нордвика берег ²⁰ к северу лежит даже до Хатанской губы niskой, около которого в миле лежит грядю песок, которой токмо большею водою закрывается. За оным же морским берегом, в кряжу в милях в 5 до Хатанской губы, лежат каменные горы высокие ²¹. По сему niskому берегу лесу наносного довольно есть, токмо не годной ни на что, кроме дров. Жителей и промыслов никаких нет и не бывало.

Посреди сего берега изо льда зделалась гора ²², на которой видно, что по веснам великими ветрами песок снегом наносит, которая вышиною близ

10 сажен, длиною 30, поперек сажен с 6. Около сего берега якорного места нет, понеже земля песок крепкой с мелким камнем, и отмелой.

Остров С. Преображения²³ лежит от восточного берега до Хатанской губы близ 8 миль, который длиною и поперек более мили. С моря сей остров стоит утесом, как якоб. стена из одного камня. А с той стороны, которая в губу, лежит берег пологой и ниской. С моря виден был всякой день миль за 15.

Хатанская губа с моря имеет проход свободной и большим кораблям по глубине ея. А вид по помянутому острову С. Преображения и берегам, меж собою не меньше 10 миль шириною. А что в губу дале, то меж собою берега шире. Берега приярые и высокие, и приглубые, для чего²⁴ якорного места и защиты нет, понеже по ней меньше 15 сажен глубины нет, и грунт песок крепкой.

В сей губе остров С. Николая²⁵ лежит, хотя высок, но около ево все отмелые места. В устье Хатанской губы, у Конечного зимовья²⁶, полнолунного и новолунного наводнения 1 час 48 минут.

По западному берегу Хатанской губы, от моря к реке Хатанге состоят зимовья енисейского жителя, промышленика Василья Созоновскаго. Речка Балахна²⁷, где впала в Хатанскую губу в вершине тут, как видели, потом и жители сказывали, что места мелкие, так что лотка с нуждою проходит.

Река Хатанга впала в губу у Корги²⁸, и вверх состоит до тех мест, где мы зимовали, круто. Берега шириною больше 3 верст. Река Попигай, где впала в реку Хатангу, и тут места мелкие. По ней ездят вверх²⁹ к реке Анабаре.

А на реке Хатанге промышляют рыбу, оленей и песцов. И здешние жители не так радеют о хлебе, котораго у них и не бывает, как рачат³⁰ о рыбе и

оленях, чем они и все приморские здесь жители обычно довольствуются.

Устье реки Хатанги, где впаала в губу, меж берегов ширина не меньше 7 верст, но токмо фарватером не шире 2-х верст. Пониже у Корги, то есть на устье Хатанги, в завороте, никогда обстоятельная протока глубокая бывает на одном месте, ибо и одним летом бывает, от больших ветров и вод, переменяется проход, пересыпает песком. Здесь состоит прикладной час³¹ 11 часов 45 минут. На помянутой Большой Корге сыскано нами в горе, высипном яру перпендикулярно от ватерлинии³² в 25 саженьях вышины, из земли торчат толстые бревна гнилые, и все в лучины раздробились. Над ними землиросло вышиною в 5 сажень³³.

От Хатанской губы берег³⁴ лежит к северу до ширины 75°30' прикрут, с горами, и приглубой, для чего и лесу нет наносного. И видели моржей на льдине и в воде много. А от оной ширины к северу и к западу, даже до мыса С. Игнатия³⁵ лежит берег niskий, на котором лес есть наносной, хотя неудобной на строение за гниlostию, а на дрова можно сыскать довольно. Около берегу в полуверсте до губы Петровской³⁶ песок наружной, так что только полною водою закрывает. На полях земля крепкая глина, на которой только один мох. Песцы белые видны были по всему берегу изретка.

В параллеле 75°15' ширины из моря в берег состоит губа³⁷, которая усмотрена и описана в 1740 году, на устье не шире 3-х верст. Потом, заворотяся, к северу пошла, и где ея вершина, за дальностию не изведена. По сей губе всегда в лете носит лед полною водою без очищения. Собою сея губа глубока.

Острова С. Петра лежат, их 3³⁸. Из них один больше. Собою все niskи. Губа Петровская в берег простирается миль на 13 низкими берегами. И по ней (когда шли) ежели от фарватера мало что в нее отидешь, то мельче гораздо пойдет. И потому видно, что оная губа мелка. Якорные места весьма неудобны. Земля песок с мелким камнем, а на иных местах лед в воде с песком смерзлись, чего ради тут так светло, что сажени на 3 видно в воде.

Остров С. Андрея³⁹ и губа его лежит ниско берега, и собою весьма мелка, чего ради близ губы и острова за мелкостию не подпустило.

Северной Песок⁴⁰ лежит против берега полукружием, вышиною от ватер-линии футов на 7. По вершине его камень мелкой, а местами. есть мох мелкой, там где земля наносная есть. С морскою сторону глубиною 8 фут в двух саженьях от берегу, а на внутренней стороне отлого. И лес есть наносной, в песку зарывся, лежит, а свежего на верху земли нет. В нашу бытность вода полная была не более двух футов. За сим Северным Песком стоит лед неломаной в нынешнее лето⁴¹, но токмо от солнца местами на нем есть вода. И во оную губу проходы очень узкие с восточную и западную сторону, с моря подле берегу.

Остров Святого Павла⁴² собою прикрут с моря. На нем мох есть.

Мыс С. Игнатия⁴³. Берега прикрутые, каменные, около которых лесу наносного очень многое число. На полях земля мягкая и на ней мох. Здесь выкопали из земли мамонтовой рог длиною в

$2\frac{1}{2}$ фута. У сего мыса изо льду гора давно здела-

лася, выше и больше прежде упомянутой. Берега

от мыса С. Игнатия даже до мыса С. Фадея в губу лежат мало отлогие.

Острова С. Самуила⁴⁴ лежат niskие, около которых и за ними, не видно конца, стоит лед стоячей, гладкой, не ломаной в нынешнее лето. Сей лед протегается в одном состоянии от мыса С. Фадея и за оные острова.

Мыс С. Фадея лежит утесом каменным. И так простирается в губу⁴⁵ к Z и к W. На нем местами мелкой камень белой, подобно алебастру⁴⁶. Земля глина и изретка мох, неудобной к оленьему корму. Здесь мамонтовой рог выкопали из земли, длиною в 4 фута. Над сим мысом и над берегом лежат ипотенусом⁴⁷ горы высокие, которые сошлись близко с востощными горами.

У сего мыса стоя, видели морских зверей великих собою, подобны рыбе, шерсть маленькая, белая, яко снег; рыло свиное черное. По здешнему называют белуга⁴⁸. На сем мысу зделан от нас маяк⁴⁹ ис камня плитного, вышиною в полторы сажени. От сего мыса к северу и к NO лед гладкой, не ломаной стоит, на который иногда полная с ветром вода всходит, понеже видели на нем лед наносной.

Ис Хатанской губы к северу и к западу от берега морского в расстоянии миль 15 лежат каменные горы⁵⁰, высокие, которые, прошед мыс С. Фадея, к NW западнее Северного мыса⁵¹ у Ледоватого окияна окончались.

От усть Хатанской губы, от Конечного зимовья⁵², то есть последнего к морю, к северу и в завороте к западу, по берегу промышленных заводов нет никаких. И не бывали люди, за тем, что нет ловли рыбам и оленям, чем они всегда питаются.

**Расстояние берегов около моря Северного
от мыса С. Фадея к западу,
усмотренные при описании сухим путем**

От мыса С. Фадея к западу берег морской описан сухим путем до устья реки Енисея, понеже морем имели велики препятствия, и по крайней нужде в 739 год до сего мыса на судне, дубель-шлюпкою, морем дошли. От которого простирается в летнее время лед стоячей, не ломаной. А в 740 году и до сего места не допустил лед, судно истерло. Чего ради оное морское описание оставя, описывали сухим путем на собаках, по здешнему состоянию в нартах запрякши. А описание чинено в апреле, мае, июне месяцах, понеже прежде сего время в здешних местах состоит великая стужа и мятьель. К тому ж и солнце многое время под горизонтом бывает.

За мысом С. Фадея к западу, в губе⁵³ берега низкие. Такова ж состояния и к северу берег лежит. Но токмо на некоторых местах есть высокие, каменные средней высоты (горы), на которых землею покрыто со мхом неудобным.

Мыс Северной⁵⁴ собою высоты средней, приярой. На нем поставлено одно бревно вместо маяка. На берегах, где в заливах есть наносный лес старой, весьма мало удобен на дрова от гнилости. О котором чаятельно, что в давние большие воды нанесло сверх льда. Западнее Северного мыса, к югу в 20 милях окончились к морю от берега в 10 верстах те горы каменные⁵⁵, которые лежат около моря и Хатанской губы и обошли мыс С. Фадея. Шириною во окончании те горы не меньше в 5 верст. Собою весьма высоки и прияры. Против тех гор в море от берегу в 5 верстах остров⁵⁶ небольшой, каменной. Около Северного мыса в море

льды глаткие, а местами изретка тороса. Около сего мыса к северу в море, чается, что многие годы лед не ломан, но сверж льду разве бывала когда вода.

На Северном мысу есть небольшая залива⁵⁷, которая разделяется с моря в два мыса. Ниже⁵⁸ Северного мыса, к западу от паралель 77°00', к Таймурской губе начнутся местами берега каменные, черные средней высоты, а местами пологие берега и niskие. И все прикруты глубиною, на которых изретка мох неудобной.

О Таймурской губе

Таймурская губа⁵⁹ простирается от усть реки Таймуры к северу, меж двух мысов главных, то есть Северозападного и Северовосточного.

Ниже усть реки Таймуры на восточном берегу, в узкой губе⁶⁰ есть малое зимовье⁶¹, которое построил новокрещеной якут Никифор Фомин, которой промышлял по степи песцов для пищи. Против того зимовья рыб довольное число. Состоят чирь, муксуны, кунжа, нельма, омоли. А иной рыбы здесь нет. По объявлению ево, река Таймура на устье, хотя и проходит в последних числах июня, а уская губа в большую губу делает протокою в море всегда июля по 8-м числе. И на той протоке всегда лед стоит в виду. А в ысходе июля месяца, а в начале августа взламывает иногда всю губу Таймурскую, но точию лед южным ветром через несколько дней, из виду с высоких мест, не уносит.

Фарватер в уской губе состоит глубиною не меньше 6 сажен и от берегов отмелей нет. Полная вода в летнее токмо время, по взломании губы бывает не очень высокая. А когда стоит море, в то время здесь полной воды не бывает, как на

реке Хатанге, где имели зимование, на которой чрез всю зиму во время самой полной воды, а паче в новолунии и в полнолунии, весьма лед трещит и многие щели делает.

Помянутой якут строил зимовье и заводы из наносного лесу старого, которой чрез 7 лет житья его там, дровами с великою нуждою довольствовался, и возил из дальних мест самой гнилой. И по его примечанию, в ретком месте где на берегу вновь наносной лес [и то старой], бывал, которой також водою снят и в другом месте положен.

Западной берег от усть Таймуры лежит высокой, пологой, земля глина со мхом. Оной берег лежит весь каменной, и от него к северу острова⁶² каменные ж, оброслые мхом черным, которым питаются олени. И на сих островах бывают олени, которые тут и зимуют.

От онаго западного берега к северу, и до самого мыса Северозападного в зимнее время видели, что лед в лете не ломает, понеже на нем видны великие ямы, которые в лете от солнца вытаивают, к тому ж находился на оном льду лед наносной полною водою и не вмерзлой в лед.

О Северозападном мысу⁶³

Северозападный мыс собою узок, вышиною около 5 сажен берег, на котором земля черная с мелким ломаным камнем аспидом, а дале от берегу глина со мхом. Восточнее и западнее сего берега лежат низкие, пологие. У сего мыса начнутя к западу близ берегов тороса частые и свежие, которые, мнитя быть в каждом лете ломает, но токмо ж не разносит, понеже везде на коргах, то есть на выбивных песках, с моря льдом лес наносной везде старой и гнилой, с нуждою на дрова годен. Пол-

ной воды в зимнее время никакой приметы здесь нет.

На Северозападном мысу из завозного дерева поставлен маяк⁶⁴ с надписанием ширины места, год и числа. Западнее Северозападного мыса к югу в губах льды гладкие, а к морю разделяются торосами⁶⁵, и так все видно в море тороса превеликие.

Южнее мыса острова и берега каменные до параллели $75^{\circ}35'$. На острове⁶⁶ сей параллели находится лес наносной, в высоте от ватер-линии перпендикулярно не меньше 10 сажен. Ниже помянутой параллели ширины к югу берега и острова лежат низкие, пологие, с мелким камнем. Земля беловатая со мхом, где больше находится и здоровая лес наносной и годной на строения.

У сих берегов чаятельно быть великим в море отмелям⁶⁷, понеже тороса изретка и во льду не видно пролубей нерпечьих, которые на глубоких местах великое множество продувают для отдыху своего. К тому же и щелей во льду нет, которые полная вода делает. И тем мнится, что тот лед к земле примерзлый.

В параллели $74^{\circ}10'$ ширины острова⁶⁸ собою высокие и пологие, на которых великое множество аспиду черного, но токмо хрупок и тонок, а писать на нем весьма мякоч.

В параллеле $74^{\circ}00'$ ширины губа⁶⁹ собою узкая, лежит к востоку в берег; как далека пошла неизвестно, но по известию от жителей Усть-Пясинских, из крайнего зимовья⁷⁰ на нее выезжают чрез днище, то есть 30 верст.

От той губы к усть Пясинги берега пошли высокие и пологие, на которых круглой камень. Ниже помянутой параллели, то есть $73^{\circ}53'$ ширины поставлен маяк⁷¹ штурманом Мининым, бывшим на

боту Оби Почтолионе. От сего маяка к усть Пясинги начались заводы⁷² песцовые усть пя синских жителей. В губе усть Пясинской между заводью в несколько расстоянии меж собою два зимовья отъезжих и один балаган⁷³. Берег сей, восточный усть Пясинги и в реку вверх пошел крутоярой, земля черная.

На устии реки Пясинги жители русские, из города Туруханска, имеют свои коренные зимовья, около которых в зимнее время промышляют песцов, а иногда и белых медведей. Питаются рыбою и дикими гусями.

О устье реки Пясинги

Усть реки Пясинги состоит во многих островах, больших и малых, меж которыми протоки узкие и широкие весьма мелки, [кроме одной главной]. И в большую вешнюю воду, по взломании льда, с нуждою лотки проходят. А в малую воду отнюдь не проходят. Главная протока лежит под малым островом⁷⁴, лежащего близ западного берега, на котором зимовьи коренные⁷⁵ промышленников. Глубиною сия протока не меньше 8 сажень фарватером, но токмо разными згибами в море вошла, от подводных песков и наружных островов.

Во всем устье острова лежат низкие, песчаные. На них плавника лесу весьма много, которым жители довольствуются. Во оной главной протоке рыбы ловятся красная и белая, великое множество. С моря приход в сие устье весьма неудобен и с лоцманом, от кривулин протоки. К тому ж иногда и пересыпает песком, а в другом месте прорывает, чего ради наперед посылать мелкия суда должно. К сему устию в зимнее время вода полная приходит и большим ветром с моря, но токмо едва чюв-

ствительно под зимовьями. А в летнюю пору бывает обычное наводнение, но токмо мало, в полно и новолунии и реткие пески закрывает. Приклад здесь 3 часа ⁷⁶.

Вверху река сия выходит ранее. Чего ради в последних июня месяца числах на устье сверх льда покрывает и тем закраины делает. А июля около 8 числа главная протока проходит весьма тихо своим фарватером глубоким. А на прочих протоках лед, примерзлой к земле, под водою исчезает.

Устье реки Пясинги, по нижеписанному состоит на пространном бештеке предложенной зей карты, по правым румбам.

Остров ⁷⁷, на котором зимовье коренное, лежит О и W 2 версты, шириною 1 верста.

От зимовья виден первого острова ⁷⁸ за протокою

западный мыс NNW $\frac{1}{2}$ W 6 $\frac{1}{3}$ верст; восточной мыс

NtO $\frac{1}{2}$ O 11 верст. За ним к северу лежащей остров ⁷⁹ видет, западной мыс NNW $\frac{1}{2}$ W 15 верст; во-

сточной NOtN $\frac{1}{2}$ O 14 верст; за ним островок ⁸⁰

NtO $\frac{3}{4}$ O 19 верст, продолговат. К морю островок ⁸¹

же, по левую сторону, по течению в фарватере

NW $\frac{1}{2}$ W 9 верст.

Северного берега яр мысом ⁸², где Верхне Пясинское зимовье, NNW 26 верст. Против того зимовья

большой остров ⁸³ в двух верстах от берегу, средина его WtN. От мыса сего острова к NW в море

пошли мелкие каменные острова ⁸⁴, грядую один

подле другога в самой близости, меньше четверти версты друг от друга.

От помянутого коренного зимовья, с которого усмотрено видно ж южного берега усть Пясинги мыс⁸⁵ на О 8 верст, на W 7 верст и на Z 5 верст. Протока главная лежит из ширины реки около усмотренного мыса на О. И мимо островка, на котором зимовье на W. Мало пониже зимовья пошла меж песков на NWtN потом на N, потом на W в морские подводные пески, на которых из подводного льда в начале июля месяца прямо глубины узнать невозможно.

От усть реки Пясинги к западу

Берег лежит от усть реки Пясинги собою средней высоты и пологие горы земляные. Такова состояния до завороту⁸⁶ земли к югу, на котором частые зимовья у малых речек. Живут промысленики песцовые. От берегу в дальном расстоянии отмели лежат в море, понеже впадающие речки з берегов пески наносят. За Нижким Подволошном⁸⁷ зимовьем каменной берег приярой; такова состояния ниже Ефремова Камня лежит южнее помянутого заворота земли. В близости от берегу лежат острова⁸⁸ каменные, частые. Из них один большой⁸⁹, а другие малые.

Под Ефремовым Камнем губа⁹⁰ немалая, но токмо не вся состоит глубока. Закрытие имеет от ветров восточных и северозападных.

Оттоль берега пошли земляные, многими местами приярые. У сего берега глубина настоящая, без подводных мелей и камней. В трех верстах безопасно ход иметь можно, кроме тех мест, где речки впадали. А против усть речек не мало отмелей в море пошли. Чего ради где усмотритца с моря

буерак, тут чаятельно быть речки или ручью. В таком месте дале в море отмели пошли, где должно обходить.

По всему берегу из речек больше нет выходов из дальних мест Волгина⁹¹, Глубокая и Гольчиха, которые в устьи свои впустить могут суда, до 9 футов которые ходят глубиною.

Около всего берега от усть Таймуры и дале усть Пясинги к западу склонение компаса морского два румба восточнее. А потом к западу ж до усть Енисея реки и рекою вверх до Муксуниной⁹² Корги склонение компаса полтора румба восточное.

О устии реки Енисея

Реки Енисей устие с моря начинается с мысов Северного и Южного⁹³. Собою высокие, земляные, приярые в расстоянии меж их 12 верст. Чего ради с моря можно без нужды видеть, понеже как северной берег и южной от упомянутых мысов пошли собою высокие приярые.

У Северного мыса Усть-Енисейского отмель⁹⁴ есть версты на 2 от берегу. Против другога ж мыса зарешного, а за ним вверх реки пошло глубиною 6, 9, 14, 12 сажен до усть Гольчихи речки.

А против усть Гольчихи и мало пониже ея отмель⁹⁵ в реку версты на четыре пошло. Чего ради должно всегда около южнаго берега ход иметь, понеже там настоящей форватер, около 10 сажен глубины и более.

За Усть-Енисейскими мысами вверх река поуже, так что против Гольчинского⁹⁶ устья шириною около 9 верст. В устии Енисейском полная вода обычно бывает, токмо весьма в тихую погоду и южные ветра невысока. Приклад здесь 5 часов 30 минут.

А ежели северные ветры, то весьма велика вода бывает в наводнении, так что по реке вверх восхаживала в некоторые прежние годы до Игоркина⁹⁷ зимовья в параллеле 67°20' ширины. И то, чаятельно, воды быть большей от надмения⁹⁸ льдов моря.

Устье Енисейское на просторном бештеке⁹⁹ для того не положено, что оно может быть известно с карты морской, понеже таковой устьем мало где найдется.

Устье Енисейское проходит не ранее последних июня чисел. И в море не видны льды бывают в начале июля месяца. У Волгина¹⁰⁰ зимовья уносит льды в море июля в 20-м числе. На реке Енисеи около устья якорное место, грунт ил, но токмо превеликие волны ходят от северозападных ветров, от которых лутчей быть может отстой пониже зимовья и выше Зверева¹⁰¹, не в дальности от больших крутоберегих яров.

Описание о состоянии рек и мест, по лант карте¹⁰² состоящихся меж рек Лены и Енисея к северным местам даже до моря Севернаго, тож и Ледоватого океана, и в оном описании некоторых рек вершин изгибы состоят по известиям¹⁰³

Река Лена вершиною идет из Иркутского уезду от параллели 55 градусов ширины. Течение имеет меж северовосточных румбов. И впала в Ледоватой океан в 73-м градусе ширины многими протоками узкими.

С вершины реки Лены и на низ, даже до села Сполошна¹⁰⁴ в 58-м градусе ширины по обеим берегам реки, хотя изретка, в неких местах состоит жило: деревнями и жилами русских жителей, ко-

торые всякой хлеб кроме гречи пашут. В хлебородные годы сверх своего довольства в Якуцк на плотках сплавливают. А что выше по течению реки, то есть ниже параллели ширины, то хлеб лучше родится.

А ниже села Сполошного по течению, не в дальности, хотя и есть малые две деревни, а за ними вниз все пусто до села Витима, от худых и нехлебородных мест.

Село Витим из русских жителей по течению стоит на левой стороне против устья реки Витима, от которой река шире пойдет и острова по Лене начнутся. Жители на Витиме довольствуются, токмо мало, яровым хлебом и огородными овощами, и подовольнее верхних мест рыбу.

Ниже села Витима не в дальности малая деревня есть. А ниже все пусто до села Олекма. Но токмо в лете проходят к реке якуты и тунгусы для промыслу рыбы. Село Олекмо¹⁰⁵, из новокрещенных якутов, по течению на левой стороне против устья реки Олекмы состоит. Здесь река паки шире пойдет и островов больше.

Жители на Витиме и на Олекме привозным хлебом больше довольствуются, понеже по нужде и годом токмо ячмень родится, да огородные овощи. Чего ради привычная их пища из листовенничной корки с молоком. А скота рогатого и лошадей довольно число. В лете и рыбы довольно бывает. От Олекмы вниз до Покровского монастыря¹⁰⁶ все пусто русскими жителями.

Покровской монастырь на левой стороне по течению за 60 верст до Якуцка. В нем довольство, привозной хлеб и олекминская пища. От сего монастыря до Якуцка, русскими пусто; а выше его и ниже якутов скотских в сем месте довольно живущих, у которых скота и лошадей довольно число.

О городе Якуцке

Город Якуцк состоит по течению на левой стороне реки Лены, над протокою. То положение место весною бывает островом. В Якуцком есть памятные люди, что город состоит на другом месте, а по прежнему известно — на третьем. И те два места первые видны и поныне, на высоком кряжу состоят берега. А где ныне город, в том месте и летом была вода, а ныне и протока под ним пересыхает, а зимою вымерзает. А настоящая река близ версты от города. И потому вероятно, что в прежние годы больше бывали воды.

Ниже города Якуцка и до самого моря по реке Лене нет настоящих русских жителей. Кроме что в Жиганах и в Сиктаке набродные для промыслов зверей и рыбы, малое число живут в юртах и зимовьях. А якутов довольно число, из которых до усть Алдана реки все скотные против верхних. Под якуцком и ниже река шириною чрез острова около 5 верст шириною до усть Алдана со многими островами.

От Алдана река Лена пойдет гораздо шире, чрез острова, меж которыми доброму лоцману знать можно глубокие протоки. Тож и настоящий фарватер едва можно признать. От Алдана и ниже Вилюя река Лена шириною близ 10 верст, во многих островах.

На усть Алдана и что ниже по реке Лене рыба ловится гораздо лучше верхнего. Алдан река вышла из южных мест теплых.

Вилюй, по известиям от кочующих якутов и тунгусов, вершиною не далек [вытекает. — В. Т.] из Подосенскаго ¹⁰⁷ озера, из хребтов.

Река Жиганка из хребтов, таж по известиям, как переходят промышленники, вершиною не да-

леко от Оленека реки. На усть Жиганки сбор ясака от комисаров. А дале к морю сами ездят.

Ниже реки Алдана по Лене якуты летом живут на островах в берестяных юртах для ловли рыбы и гусей диких, а зимою в коренных юртах, в деревянных, на берегах реки Лены, где зверей промышляют.

О состоянии реки Лены берегов

Над рекою Леною берега, с верху по течению реки, оба высокими горами стоят, местами многими каменные, и утесами. И окончились выше мало реки Витима. А потом пошли низкие берега вниз по течению. Разве где главная протока реки около настоящего кряжа течет, тут сочиняет яр средней высоты. И в таком состоянии берега оба лежат до урочища Тас-Балагана. Откуда вниз, что дале, то река меж берегов меньше островов имеет, и уже. Берега высокие, так что в урочище Кумаксурке сошлась меж высоких гор каменных шириною меньше версты. Тут глубока река, в 15 сажен.

У сего ж урочища Кумаксурки по обеим берегам окончился с верху реки стоячей всякой лес в паралеле 71°24' ширины. А ниже сего места пошли места без всякого лесу, а называется по-здешнему тундра, не имеющая, как выше сказано, не токмо лесу, но и травы низкой, неудобной и редкой малое число, и то в мокрединах. Мху белого для оленей довольно. Чего ради здесь скота от самого Алдана и до моря и около моря не имеют, кроме собак и оленей, на которых ездят для всех нужд, с верху Лены до упомянутого урочища Кумаксурки. По берегам лесу довольно: кедр, сосна, лиственница, береза, ель и протчеи, который есть по всей Сибири. А от русских мест разнится, не имеет-

ся дуба, клену, липы, вязу, орешнику, яблонь, вишен и протчих садовых. В реке Лене рыбы ловится красная двух родов, осетр и стерляди, белая — нельма, муксуны, чирь, окуни, шуки и протчая.

В Кумаксурке больше всех мест ленских рыбы ловится, чего ради здесь много и тунгусов, в лете кочующих, здесь бывают для ловли ж рыбы.

О реке Оленеке

Река Оленек вышла из хребтов [от. — В. Т.] параллели 66 градус ширины, из лесных мест; впала в море то ж Ледоватое. От ленских западных протоков устье его к западу близ 27 миль, в 72°54' ширины. По ней в верху лесу стоячего много. И окончился к морю в 71°00' ширины. А к морю пошли места против ленского безлесные. В верху реки Оленека и вниз, даже за 100 верст до устья кочуют оленные тунгусы и якуты. А на самом устье живут русские из Якуцка, и новокрещенные якуты. Довольствуются рыбою и дикими оленями. Промышляют песцов на собаках. Река Оленек в высоких берегах лежит, рыбы в ней великое довольство.

О реке Анабаре

Река Анабара вышла из лесных мест семидесятого градуса ширины. Близ устья впала в нея река Олем¹⁰⁸, с правую сторону по течению. А повыше того из тундренных мест впала река Олема¹⁰⁹, и сочиняют Анабару шириной в 5 верстах. Лес стоячей на ней окончился в 71°00' ширины. Идет меж высоких берегов, собою глубока. Грунт больше мелкой камень. Сия река граничит Якуцкой уезд с Туруханским, так что на правой стороне живут яку-

ты и русские Якуцкого уезду, а на левой стороне по течению, також якуты новокрещенные и русские в зимовьях Туруханского уезду. Промышляют песцов и оленей, довольствуются рыбою, которой довольно много в реке Анабаре ловится.

От реки Лены и от Анабары в тундре кочуют летом тунгусы Якуцкого уезду. А в зимнее время уходят кочевать же на вершину реки Оленека в леса.

На сей реке Анабаре выше устья Олемы довольно число по берегу имеется деревья большего, которое настоящим камнем сделалось от вод и воздухов морских.

О реке Хатанге

Река Хатанга вышла из лесных мест пустых, из озера большого, зовомаго Исей¹¹⁰. На ней лес стоячей окончился в 73-м градусе ширины.

По ней коренными зимовьями живут русские и новокрещенные якуты, начав с вершин, от 72 градуса ширины и по самое устье. Жители довольствуются не столько рыбою, которая против других рек меньше ловится, но больше оленями, которых промышляют наплаву чрез реку осенью, когда идут олени от моря в лесные места. И весною, когда також наплаву, идут от комаров из лесных мест к морю и к озеру Таймурскому в тундренные чистые места. По сей реке промышляют песцов белых и голубых, против других мест довольно. Собою песцы большие. Изретка промышляют волков белочерных и белых, только не много их.

На Хатанге реке годной лес на строение стоячей и лиственниц токмо можно сыскать в вершинах ея, а что ниже, то лес мельче и негоден. На сей реке из Табольской епархии построена церковь во имя

богоявления Господня. И при ней всегда священник живет, да несколько новокрещенных якутов, на урочище Носку¹¹¹.

Река Хатанга идет меж высоких берегов до самого устья нарочитою глубиною, так что в малую воду не меньше 6 сажень глубины. Сеяных и посаженных овощей никогда здесь не родится и не сеют. В реку Хатанга впала река Хета с левой стороны течения ея. Вышла из лесных же пустых мест двумя вершинами и разными кривулинами. А паче одним згибом к востоку в дальность повдалась и впала в Хатангу в лесных же местах. На Хете живут русские и новокрещенные якуты, в зимовьях же. Довольствуются рыбою и оленями. Промышляют песцов и лосей, по здешнему зовут сохатой.

В сих реках рыба ловится обеих, белых и красных родов. По реке Хете и в Хатангу с реки Енисея привозят водою муку по малому числу и прочие нужнейшие вещи, и вниз водою. А в Хету плавают же на них Вискою¹¹² речкою в вешнюю воду, которая вершиной близ реки Авама, о которой вперед скажется.

Река Хатанга на устии выходит в ысходе июня и в начале июля месяцев. А губа на устии не во всяком лете ото льдов очищается. А когда очистится, то не ближе августа в половине месяца. На сей реке находится много морского ладону¹¹³, цвет и дух имеет как янтарь, но токмо крошек.

О реке Балахне

Балахня речка вышла из тундренных мест. Впала в губу Хатанскую мало ниже усть Хатанги, которая больше пересыпает в Хатанское устье. А ея глубокая протока едва сыщется, чтоб в нее войтить

с судном. По ней промышленников нет. Но токмо на устии ея зимовье коренное руского енисейского купца Василья Сазоновскаго, от котораго ево ж по губе к морю зимовье отъезжныя¹¹⁴ состоят.

О реке Таймуре

Река Таймура вышла из озера Таймурскаго, в паралеле 75°00' ширины, меж высоких крутых гор каменных, шириною в вершине близ 5 верст. И таким состоянием идет около 15 верст. Потом пошла собою узка и меж пологих гор, не шире полверсты. И в паралеле 75°10' ширины сошлась меньше четверти версты шириною, меж крутых каменных утесов больших, которые — одни из камня желтаго и мягкаго, другие из камня аспиду чернаго. И лежат в горе слоями, так что в толщине 4 дюйма камень аспид, а меж его в 2 дюйма толщиною яко алебастр чистой, белой и крепкой.

Такого состояния берега лежат на 20 верст. Потом, и до самого устья пошли берега пологие и низкие. Земля обычайно здешняя: мало травы, больше мху оленнаго, белаго. Чего ради с мая месяца здесь в лето бывает великое множество диких оленей, которых стада бывают по тысяче. В Таймуре реке рыбы ловится белая, как и на устии ея, довольное число. Водю идет весьма глубока, без отмелей, и быстрины нарочитой. Вся река выходит весною июня в последних числах. На ней лесу наносного нет. В нынешнее время, в проезде было малое число нарочитых бревен, которые по объявлению на устье Таймурском живущаго помянутаго новокрещенного якута им выбраны и сожжены в проезде на дрова. А тому вероятность, и в нынешнее время по берегам находили короткие, толстые обрубки. А с верху, чают, сему лесу

быть невозможно, понеже все реки, впадающие в озеро Таймурское, вышли из тундренных, безлесных мест.

О озере Таймурском

Озеро Таймурское собою велико, а к стороне NO далеко ли пошло, неизвестно, понеже за стужую туда и самоеды не ходят. А что видно лежащие берега около вершины реки Таймуры: на северных румбах горы высокие каменные, а на южных румбах берега ровные, крутоярые. Во оное озеро губа ¹¹⁵ простирается к югу от ширины $73^{\circ}15'$. Собою узкая, в которую река ¹¹⁶ впадала из тундренных безлесных мест, из озера небольшого, которая нам видна была.

Во оное ж озеро Таймурское река всех больше впадала одна, именованная Мура ¹¹⁷, а в нее Горбита, також из безлесных мест, которых окуратно вершины знают самоеды. А протчие реки малые все впади ис таких же мест тундренных, и о всех знают оные самоеды. На озере Таймурском лед расходитя всегда июля с первых числе. На котором каждом лете бывают самоеды для промыслов в ней и впадающих в нея реках рыб и оленей на плаву, понеже здесь больше всех мест оленей бывает.

О тундре, лежащей около озера Таймурскаго

Тундра, лежащая около озера Таймурскаго, к южным румбам состоит во многом мху оленьем, а травы ретко. Чего ради в летнюю пору самоеды здесь кочуют, великие орды ясашные, и с охотою помощь чинят ¹¹⁸ Камчацкой экспедиции.

Сии самоеды слывут Тавги ¹¹⁹. Кроме оленей своих, скота не имеют. На которых токмо ездят, а для

пищи не употребляют. Разве крайний голод, так что и песцовых куренгов¹²⁰ нет, в то время станут своих оленей есть. Самоеды питаютца дикими оленями, которых промышляют на плаву на реках. А в тундре загоняют в поставленные из крыльев махалки, меж которыми стреляют из луков. Питаются ж они в летнюю пору на реках рыбою. Платье носят верхнее и нижнее из оленьих кож, зовутся парки, нижние и верхние. А из лап¹²¹ носят обувь, вместо подошев лбы¹²² оленьи. Ездят зимою и летом на санках; сделаны высокие от земли, на которых клади больше не подымет пяти пут пара оленей.

По сей тундре, а паче близ моря, лежащие находятся мамонтовые роги, большие и малые. Також и другие от корпуса кости, из которых сыскана в 1740 году в тундре, от моря в расстоянии 4-х верст, вышины от ватер-линии не меньше 30 сажен в сопке, передняя лопатка. В ней поперек 30 дюймов шириною, а в высоту 10 дюймов. Наверху кости в круге диаметру 8 дюймов. При которой при сем прилагается абрис.

О мамонтовых рогах

На сей тундре находятся рога, весом в 10 пудов. А на иных реках здешней тундры из берегов вымывает и целые звери мамонты, с обоими рогами. На них кожа толщиною в 5 дюймов, а шерсть и тело истлелые. А протчие кости, кроме помянутых рогов, весьма дряблые. Голова подобно лошадиной, зубы плоские, толстые, не свыше трех дюймов.

Сей зверь мамонт есть, мнится быть, и ныне в море Северном на глубоких местах. Понеже случилось по самым берегам моря находить роги, ни-

чего в землю не врослые, о которых уповательно, волнами выбивает. А по тундре все роги находятся в земле верхним и острым концом, а тупым концом наверху земли.

Здесьней тундры речки, которые известно что из безлесных мест вышли, на них находится лес, плавник гнилой, едва на дрова с нуждою годен. И случилось в 1742-м году, в тундре наехать от речек не меньше 10 верст, в паралеле 73-м градусе ширины, одно дерево гнилое ж. В земле, подобно с корнем, в верх торчит, толщиною в 5 дюймов диаметру, не выше 5 фут над землею.

И по сему вышеописанному, как мамонтовым рогам и плавнику на речках и в тундре, чаятельно быть в прежних годах большим водам в море, что всю тундру закрывало водою¹²³.

Здесьние жители и самоеды рассуждают о лесе сем, будто бы в Ноев потоп наносило сей лес. А звери мамонты прежде потопу были, а потом так в холодных местах вовсе не истлели. И то невероятно, и от таких людей непонятно.

О реке Пясинге

Река Пясинга вышла из озера Пясинского, которое собой узко. В лучшем месте 25 верст ширины, словет Сметанина губа¹²⁴, на которой вся глубина озера состоит, а что к югу, то не шире 7 верст. И все от берегов отмели велики, но токмо среднюю идет глубока вода из речки, впадающей в нее. Норыльской. Сие ж озеро окружилось небольшим лесом, лиственницею и тальником. Рыбы в ней довольноно.

Из нее река Пясинга пошла меж высоких каменных гор, не шире в вершине 100 сажен. А что дале от вершины, то шире.

На реке Пясинге стоячей лес окончился в параллели 70°10' ширины. По сей реке с самой вершины живут русские промышленники до 71°10', которые промышляют, как и протчие, песцов. Питаются рыбою, из реки довольно число ловится. А дале сих мест и до устья все пустое место. Но токмо по ней самоеды до усть реки Пыры¹²⁵ в лете кочуют, где ловят рыбу и оленей на плаву.

По здешней тундре меж рек Енисея и Пясинги состоят самоеды, словут хантайские¹²⁶. Ясак платят больше нежели тавги, по окладам на них.

Река Пясинга кривулину великую имеет. И на карте показывает под восток. А потом к западу до усть реки Пыры, откуда к северу пошла в Северное море. По сей реке на протоках великое множество диких оленей и гусей диких. По ней лесу плавнику почитать по всей реке мало. А паче что к устью ближе, то нет. А на самом ея устии затем много, что с моря наносит. В сию реку впала близ вершины река Дудыпта, которая вышла из тундренных мест; собою в летнюю пору глубины не меньше 2 сажен.

А в Дудыпту впала река Авам. Вышла из лесных мест, которая глубины без нужды имеет большим лодкам ходить. Сия река с вершины близ Хеты реки лежит. И хатанские жители нужное по Пясинге и Дудыпте и Авама рекам проводят до волоку сухим путем до Хеты реки в Виску речку. А волоку больше версты не будет.

О реке Енисее

Река Енисей идет из лесных мест, из параллели 50 градусов ширины, по известиям, понеже самая ея вершина не в росийском владении. А потом на ней состоят остроги русские; Саянской и Бакан-

ской¹²⁷, потом города Красноярск, Енисейск и Мангазейск¹²⁸.

По сей реке жительство состоит с вершины русские до параллели 60°59' ширины. Село последнее к морю Дубеченское¹²⁹, в котором хлеб пашут всякой. А ниже сего села пашни никакой ни жителей до города Мангазейска. Но токмо остяки¹³⁰ новокрещенные по берегам реки в берестяных юртах живут и рыбою питаютца. Для которых на берегу ж реки, в 63°03' ширины состоит Табольской же епархии церковь¹³¹, при которой живет поп один с дьячком. А пашни хлебной никакой нет.

Ниже той церкви, а выше за 30 верст от Мангазейска, монастырь¹³² Троицкой, в котором, кроме огородных, овощей не имеется. При том монастыре их крестьяне живут монастырские. Питаются хлебом, привозным сверху, и рыбою.

Город Мангазейск состоит от реки Енисея на левой стороне по течению в 15 верстах, над протокою, которая зовется Шар, близ устья реки Турухана. В городе Мангазейске одна церковь с 70 домов жителей разных чинов русских. Довольствуется також привозным хлебом. А родятся огородные овощи капуста и редька, и репа, свекла, а более ничего. В ширине состоит 66°08'.

Ниже сего города по реке состоят и до самого моря зимовья, в которых русские живучи, промышляют песцы и лисицы и зайцы. А питаютца рыбою и привозным хлебом, меняя на рыбу. Скота, кроме собак, не имеют, на которых ездят зимою. И для тех жителей построена церковь близ реки Хантайки, Табольской епархии, при которой живет поп и дьячек. И русских жителей 3 зимовья в ширине 68°12'.

У всех промышленников по реке Енисею русских не весьма довольно богатства их, в чем бы ни бы-

ло. Понеже коренных, или назвать давне живущих на сих местах очень мало. Но многие набродные из русских городов, с пашпортами просроченными и беспашпортные, которые уже и в переписе города Мангазейска состоят. Обычай имеют: великие охотники в карты играть, покупая дорогою ценою, також слабы очень к вину горячему, которое временно привозят государево из города Мангазейска. И тем у них у нарочитых токмо с год на год довольство достает. И на ту ж рыбу выменного хлеба, и зверя, что не промыслят, отдав государево, проигрывают и пропивают тому, у кого бывает вино.

И для того обстоятельно жития их здесь, по тому ж и на других показанных реках, местах их во основании положить нельзя, понеже многие свои заводы проигрывают и пропивают мангазейским служилым и жителям. И между тем некоторые и пусты состоят, а паче около моря, от Усть-Енисея к востоку до Усть-Пясингских мест. К тому ж у них ловы песцовые не на всякий год довольны бывают, но чрез несколько лет приходит песец в зимнее время. А когда не бывает промыслов, дслжатыся, как государевым в доимку, так и протчим, у кого возможно: взять, которые ими промышляют, или на них. Такова ж состояния и самоеды все ясашные, но токмо тем справее, что в тундре ходят в летнею пору. А в зимнее время (а паче когда к ясашному платежу собираются), что полезно и надобно от служилых зброщиков покупают, и должатыся. И тем на хантайской самоеди доимки бывает не мало.

По реке Енисею лес всякой, годной есть на строение до города Мангазейска. А ниже Мангарю, то мелкой листвяк, на строение не удобен, козейска местами сыскать можно. А что ниже к мо-

торый окончился к морю в параллели 69°43' ширины, при урочище Крестовского мыса¹³³. А ниже по течению к морю нет никакого лесу стоячего, но токмо плавнику довольно.

Около моря по всем тундрам, кроме северных мысов Восточного и Западного¹³⁴, то есть до 74°00' ширины, на мокрых местах растет тальник, не выше двух дюймов вверх, которой толстыми стеблями стелится по земле на аршин и меньше. В летнее время и малой лист издает.

А на иных местах, где влажняя земля, растет березник тонкой кустами не выше фута. По здешнему зовется ярник, которой употребляют самоеды в лете вместо дров или есть варят; лист на них в копейку серебряную, больше не бывает летом. От вышеупомянутой ширины к северу никакого нет лесу, и с нуждою реткая трава выходит.

Река Енисей глубиною идет нарочитою во всех местах, кроме что на порогах, ниже 40 верст села Дубченского, на которых глубина бывает меньше семи фут в летнюю пору. А весною настоящей глубины без нужды, всякое и большое судно до 15 фут пройдет, понеже и быстрину невелику имеет, как на Тунгуске реке бывает.

А шириною сия река под городом Енисейском не уже трех верст. А что ниже по течению, то шире. Но токмо под помянутыми порогами сошлась меж утесных камней, где ширину составляет меньше 2-х верст. А потом паки шире пошла до Крестовского мыса, откуда начнутся много островов¹³⁵ по течению. Для чего и река шире, с губами пойдет, и берега меж собою не паралельны лежат. А за Муксунским мысом весьма часты острова¹³⁶ к морю, так что и описать всех время столь получить невозможно. Меж которыми проходы так мелки, что в лете на лотке не проходят. А весною с

нуждою на той же лотке пройти можно. А меж тех частых островов есть две токмо протоки узкие, на которых не меньше 4 сажень глубины в малую воду, где всякие суда проходят с лоцманом. На оных островах есть русские промышленники живут, у которых много ловится рыбы всякой. И гусей, и лебедей диких великое множество ленных промышляют в июне месяце.

Ниже частых островов словет губа ¹³⁷ весьма широка, так что берег берега не видеть. А собою оная губа мелка, кроме главного фарватера, где река течет до Гостиного мыса восточного берега, против которого и западного берега мыс виден. Тут и на низ начнется настоящая глубина реки.

Русские промышленники, по сей реке живущие на западном берегу ниже города Мангазейска не больше сто верст и до самого моря, прежде Камчацкой экспедиции претерпевали великие обиды от юраков ¹³⁸, которые кочуют меж рек Оби и Енисея. По неже сии юраки, приходя, многих грабили и до смерти убивали не токмо жителей, но и служилых зборщиков ясашных. А оные юраки, некоторые состоят в ясаке, но токмо в вольном. И то, что и сколько хочет, платит зверямя.

НА КОНЕЦ СЕГО ОПИСАНИЯ

Прилагается о кочующих у северных мест лежащих во Азии сибирских мест, в каком суеверстве содержат себя и о состоянии нечто о них

Тунгусы, слышав от русских, знают, что Бог есть на небеси. А в какой воле человек сотворен на земле, хотя и слышат от русских же, токмо не верют. А Дателя всех благ Содетелю причитают, а Вре-

дителя и Злодателя — диаволу. Чего ради есть у них и болваны, без всякого признания о нем называют Богом. Грамот никаких не имеют. О прошедшем, и в память дальнюю не предают.

Тем болванам более жертв не приносят, как пред ним убив своего жирного оленя. Едят при огне, на которой первой кусок мяса бросают, а болвану салом уста мажут. А кожу повесят до изгнания на том месте.

Имеют у себя шаманов, то есть колдунов, которые сами о себе сказывают, что в действе их шаманства говорит с ними диавол и противник Богу, которой им объявляет, что де крещеных ничем вредить не смеет, а своих сколько возможно вредит, и будущее будто сказывает.

Шаманство их состоит разными манерами. Иные ножами режутся и кричат, иные скачут и в бубен бьют, и поют. Иные замышляются и тихо говорят. Потом придет в такое безумие, что в беспамятстве якобы видит диавола и говорит с ним, чего от него требует.

Оное шаманство от них происходит не инако, как наредяся во особое к тому платье страшное, на котором множество маленьких звонцов медных и разных штучек железных на тоненьких плетенках, в четверть аршина долгих, нашитых на рукавах и на стану, где главные по швам.

О житии своем никакого протчего закона не имеют. Жен содержат сколько хотят и их возможность. Которых покупают разными ценами, то есть от богатого дороже, а от убогого дешевле, понеже от богатого больше приданого чают взять и дают. Покупка невестам состоит в оленях, называется по их калым. Приданое состоит в тех же оленях и некоторых зверей кожи, и платьях.

Друг друга обидеть боятся, чтоб ему тож зло не пришло. А по незапности учинится обида, то воюют орда на орду, то есть князец на князца. Которой от протчих разнится, больше имеет детей и богачее, и разумнее, такого из своего рода избрав, называют князец. И вместе при нем качуют везде, который все суды меж ними судит и наказует.

Имеют ружье: лук со стрелами, да полосу, яко нож в аршин долгой одного железа, да копье. На себе носят латы кольчужные и плащенные из железа. Одевание их короткое, из оленьей кожи. Нужнейши инструменты и лехкие кузницы с собою возят, и свои вещи сами куют надобные.

Палатки у них, называютца чюм, из оленьих кож. Зимние с шерстью, летние из ровдугу, то есть замша. Растягивают на шестах, которые с собою возят.

Мужеством и человечеством и смыслом тунгусы всех качующих и в юртах живущих превосходят. По тех тунгусов состоят якуты в мужестве и человечестве.

Якуты трех манеров житие имеют. Первые живут около Якуцка, все скотные¹³⁹, имеют множество коров и лошадей, на которых зверя промышляют, так что на лошади лисицу всякую угоняют и стреляют. На реке Вилюе близ вершины живущие якуты сами железо делают, ис которого котлы и протчие вещи свои зделав, продают не дорогою ценою. Другие якуты, близ моря живущие и во всех тех местах, где скота не волят, имеют оленей, как тунгусы. Третьи якуты, у самого моря и по рекам есть живущие, на собаках промышляют, а оленей не имеют. Суеверство и состояние жития их, такова ж как у тунгусов, безотлично. Сверх тех якут, новокрещенные живут по зимовьям, как и русские, на собаках промышляют.

По тех¹⁴⁰ якутах состоят самоеды в мужестве и

человечестве. Состояние жития их и суеверство, как и у тунгусов, без всякой отмены. Но многоверством разнятся, то есть не токмо болванов почитают. Но если какую вещь странную сыщут в тундре, о которой их смысл не постигает, как там она есть взяв, оное причитают богом, которого к какому благополучию назовут, тем и слывет. Самоеды мясо и рыбу, сырое и талое, ядят в одном вкусе, как и вареное.

Все живущие около моря народы всякого звания, употребляют зимою сырую, мерзлую рыбу. Строганую ядят, называетца строганина. Из которой чувствительно знать можно, что не допускает до цынги быть больному, а между тем не застарелую выгоняет. Того лутче действо и от мерзлого мяса строганого, оленьева, в той же болезни лечатца.

От флота лейтенант Харитон Лаптев

*Вдосто Лейтенантъ Харитон
Лаптевъ*

КОММЕНТАРИИ к «Описанию...» Х. П. Лаптева

¹ Теперь называется урочище Кумах-Сурт.

² Остров Столб, высокий и приметный, находится на разветвлении главной судоходной протоки Быковской, идущей к востоку с мелководной протокой Арынской.

³ Ныне протока Оленекская. И теперь одно из ее западных ответвлений носит название Ангардам-Уэсе.

⁴ Протока Быковская.

⁵ В дельте Лены протоки Крестьяцкой ныне нет, и ни одну из существующих проток полностью отождествить с ней нельзя. Судя по расположению протоки Крестьяцкой на итоговой карте Х. Лаптева 1743 г., в восточной части она совпадала с нынешней протокой Арынской, а в западной — с современной протокой Оленекской.

⁶ Под островами Крестьяки следует понимать нынешние острова западной части дельты Лены: Арга Муора Сисе, Малыга Сисе и окружающие мелкие острова. Туматы — нынешний остров Большой Туматский и окружающие его мелкие острова.

⁷ Маяк ставился отрядом Х. Лаптева в июле 1739 г. Он простоял до середины XIX в.

⁸ Ныне Оленекский залив.

⁹ Теперь эти горы называются хребет Чекановского.

¹⁰ Дощаник — небольшое парусно-весельное судно XVII—XVIII вв. упрощенной конструкции, строившееся в Поморье и Сибири для сплава вниз по течению сибирских рек.

¹¹ «Заберега» — поморский термин для обозначения узкой полосы чистой воды, образующейся весной между линией берега и массивом припайных льдов.

¹² Острова, образующие дельту реки Оленек, среди которых выделяется высокий остров Джангылах.

¹³ На устье Оленека и теперь существует селение Усть-Оленек.

¹⁴ Остров Салкаев во времена Х. Лаптева находился в 5—7 км на северо-восток от мыса Терпьяй-Тумса, ограничивающего Оленекский залив с запада. В 30-х годах нашего века гидрографы на его месте обнаружили лишь песчаную мель — остров этот за 200 лет разрушился. Тогда же имевшееся на

старых картах название Салкаев было отнесено к лежащему в 15 км к югу низменному острову (ныне остров Салкай).

¹⁵ Бухта Нордвик открыта и названа на норвежский лад (означает «северный залив») отрядом Х. Лаптева. Это следует и из записи в журнале «Якуцка» за 29 июля 1739 г.: «Нордвик от нас именованная залива» (Журнал, л. 29). Между тем в первой публикации «Записок...» Х. Лаптева в 1851 г. ошибочно напечатано: «Нордвик от Н И Х именованная залива» (Записки... 1851, с. 11). Видимо, потому, что эта фраза следовала за предыдущей: «новокрещенные якуты живут», некоторые историки сделали ошибочное заключение, что бухта Нордвик открыта и названа якутами. Из этих источников такое ошибочное толкование проникло и в некоторые топонимические работы.

¹⁶ Подразумевается время действия приливного течения в период сизигии (новолуние или полнолуние).

¹⁷ Мыс Пакса. На некоторых картах 1950 г. назывался также мысом Нордвик, хотя это ничем не было обосновано.

¹⁸ В данном случае «земля» на дне моря, т. е. грунт дна у мыса Пакса.

¹⁹ «Здесьними» жителями, которые «оной губы не знают», Х. Лаптев назвал ближайших к бухте Нордвик жителей Анабарского зимовья, располагавшегося на мысе Хорго, восточном мысе устья реки Анабар.

²⁰ Восточный берег нынешнего острова Большой Бегичев. Х. Лаптев считал его полуостровом, обрамляющим Хатангскую губу с востока, но подозревал, что здесь имеется большой остров, так как сделал пометку «изведать надлежит» в той части своей карты, где на ней нынешний остров Большой Бегичев на юге ошибочно был соединен с материком в действительности не существующим перешейком.

²¹ Возвышенности в центре острова Большой Бегичев.

²² На прибрежных отмелях у восточного берега острова Большой Бегичев при напорах льда с моря нередко образуются нагромождения торосов — так называемые стамухи, одна из которых и была замечена Х. Лаптевым.

²³ Остров Преображения (Х. Лаптев дал ему название Святого Преображения). Хатангской губой Лаптев называл нынешний Хатангский залив.

²⁴ Слова «для чего» в данном случае употреблены в смысле «поэтому», «вследствие чего».

²⁵ В 1934 г. открытый Х. Лаптевым остров Святого Николая был переименован в остров Малый Бегичев.

²⁶ Зимовье Конечное находилось в устье нынешней реки Осипа, впадающей в море севернее мыса Сибирского.

²⁷ На современных картах старинное русское название реки Балахна, к сожалению, пишется искаженно — река Балахня.

²⁸ Корга — высокий приметный южный мыс устья реки Хатанги, ныне называется мыс Большая Корга в отличие от мыса Малая Корга, расположенного южнее.

²⁹ По реке Попигай в XVII—XIX в. проходил зимний тракт с реки Хатанги на реку Анабар и далее к Лене на Якутск.

³⁰ «Рачат» — слово употреблено в смысле «заботятся», «радеют».

³¹ Прикладной час — навигационный термин, означающий отрезок времени между прохождением луны через небесный меридиан данного места и наступлением в нем максимального прилива.

³² Ватерлиния — старинный термин для обозначения уровня моря.

³³ В обрывах мыса Большая Корга и теперь можно видеть на большой высоте окаменевшие остатки деревьев.

³⁴ Южная часть берега Василия Прончищева на Восточном Таймыре от Хатангского залива до островов Петра. Этот берег действительно крутой, местами гористый, с отвесными обрывами.

³⁵ Х. Лаптев назвал мысом Святого Игнатия не нынешний мыс Игнатия, ограничивающий залив Фаддея с востока, а тот, который на современных картах подписывается мыс Крестовый. Путаница произошла в 1913 г., когда экспедиция Б. А. Вилькицкого заметила с судна на этом мысе столб с доской, почему и назвали мыс Крестовый. А это был знак отряда Х. Лаптева, поставленный на открытом им мысе Святого Игнатия. Назвав последний мысом Крестовым, экспедиция Вилькицкого назвала мысом Игнатия следующий к западу мыс, который так неверно называется и поныне.

³⁶ Губы Петровской на современных картах нет. Х. Лаптев так называл нынешний залив Вездеходный, лежащий западнее островов Петра.

³⁷ Х. Лаптев описывает здесь нынешнюю бухту Марии Прончищевой, которой он, к сожалению, никакого названия не присвоил.

³⁸ Островами Петра Х. Лаптев назвал нынешний остров Петр Южный и два мелких островка у его северной оконечности. В 30-х годах нашего века при топосъемке это название отнесли и к двум большим прибрежным островам (остров Петра Средний и о. Петра Северный), которые Х. Лаптевым отождествлялись с берегом материка.

³⁹ Нынешний остров Дождевой.

⁴⁰ Современный остров Кошка, а название Х. Лаптева на современных картах не сохранилось.

⁴¹ Имеется в виду лето 1739 г.

⁴² Ныне о. Андрея.

⁴³ В понимании Х. Лаптева соответствует нынешнему мысу Крестовскому.

⁴⁴ Х. Лаптев назвал так острова, расположенные вблизи мыса Фаддея.

⁴⁵ Имеется в виду залив Фаддея современных карт, лежащий к югу от одноименного мыса.

⁴⁶ На восточных берегах Таймыра среди серых сланцевых пород нередко встречаются вкрапления белого кварца.

⁴⁷ Северные отроги гор Бырранга простираются к мысу Фаддея, а наиболее высокая их часть расположена к юго-востоку от этого мыса.

⁴⁸ Правильно белуха — млекопитающее из отряда китообразных.

⁴⁹ Маяк Х. Лаптева на мысе Фаддея благополучно простоял 180 лет, был обнаружен в 1919 г. членами экспедиции Р. Амундсена, которые в поисках записки его разобрали. В 1972 г. остатки этого знака на мысе Фаддея были еще заметны.

⁵⁰ Восточная часть горного хребта Бырранга.

⁵¹ Северным мысом Х. Лаптев называет всю северную часть выявленного С. Челюскиным полуострова между современными мысами Чекина и Челюскин.

⁵² Зимовье Конечное находилось несколько севернее нынешнего мыса Сибирского, в устье речки Осипа.

⁵³ В данном разделе текст «Описания...» дается согласно записям из журнала С. Челюскина и его санный поход к северу Азии. Губа к западу от мыса Фаддея — это нынешний залив Терезы Клавенес.

⁵⁴ Мыс Северный — это мыс Челюскин. На отчетной карте 1743 г. и в других местах своего описания Х. Лаптев называл его также мысом Северо-Восточным.

⁵⁵ Увидев в 40 км юго-восточнее мыса Челюскин нынешнюю гору Аструна, С. Челюскин заключил, что она является наиболее северным отрогом замеченных у восточных берегов Таймыра гор Бырранга, хотя в действительности гора Аструна к ним не относится.

⁵⁶ Нынешний остров Гелланд — Гансена, впервые открытый, но не названный С. Челюскиным.

⁵⁷ Нынешняя бухта Восточная, вдающаяся в северную часть Таймыра между нынешними мысами Чекина (мыс Северо-Восточный в понимании С. Челюскина) и Челюскин,

⁵⁸ Х. Лаптев имеет в виду берега, лежащие к юго-западу от мыса Челюскин.

⁵⁹ Таймурская губа в понимании Х. Лаптева — это огромный залив Карского моря между мысом Челюскин и архипелагом Норденшельда, северную оконечность которого (т. е. северный мыс острова Русский) Х. Лаптев называл Северо-Западным мысом.

⁶⁰ Узкая губа — это Таймырская губа современных карт.

⁶¹ Остатки зимовья Н. Фомина были найдены нами летом 1972 г. Мы ориентировались по записанному в журнале Х. Лаптева азимутам, которые он брал весной 1741 г. от зимовья на соседние мысы. Зимовье находилось в 3,2 км севернее мыса Шатер, на южном берегу крупного ручья (см. *Троицкий В. А.* Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке. — Советская этнография, 1975, № 3, стр. 126).

⁶² Острова архипелага Норденшельда.

⁶³ Мысом Северо-Западный Х. Лаптев назвал северную оконечность нынешнего острова Русский (на крупномасштабных картах мыс Маячный), которую он посчитал за оконечность большого полуострова, выдающегося к северу от западной границы Таймырской губы.

⁶⁴ Этот «Маяк из завозного леса», поставленный Х. Лаптевым на северной оконечности острова Русский — мысе Маячный (названном так в 1950-х годах из-за расположенного на нем светового маяка полярной станции острова Русский), так никогда не был найден.

⁶⁵ Х. Лаптев заметил, что граница между неподвижным «припайным» береговым льдом и дрейфующим льдом открытого моря всегда восторошена.

⁶⁶ Прокладка санного пути Х. Лаптева на современных картах показала, что здесь он имеет в виду нынешний остров Макарова, мимо западной оконечности которого он проезжал на собаках.

⁶⁷ Данное предположение Х. Лаптева, возникшее при виде гладко невосторошенного льда к югу от острова Макарова, ошибочно. Глубины здесь достаточные, и лед почти ежегодно вскрывается.

⁶⁸ Острова нынешних шхер Минина.

⁶⁹ Нынешний залив Фьорд Хутуда.

⁷⁰ «Крайнее зимовье» в районе устья реки Пясины во времена Х. Лаптева располагалось в северо-восточном углу Пясинского залива, в 5 км севернее имеющегося ныне там зимовья Южное.

⁷¹ Маяк штурмана Ф. Минина устанавливался в 1740 г.

на мысе Западный — южном входном мысе нынешней бухты Рыбная. В 1934 г. топографы нашли здесь остатки доски с надписью «1740 год» и отнесли эту дату к развалинам обнаруженного здесь же зимовья. На навигационных картах 1930-х годов это место подписывалось: «Зимовье 1740 года».

⁷² «Заводы» — здесь песцовые ловушки, так называемые «пасти», представляющие собой настороженное бревно, придавливающее песка, взявшего под ним приманку.

⁷³ «Балаган» — летний охотничий домик. По съемке Х. Лаптева (1741 г.) и штурмана Д. Стерлегова (1740 г.) находился на северном берегу Пясинского залива, на мысе Носок. Во времена Х. Лаптева наиболее северное жилое сооружение.

⁷⁴ Ныне это остров Чаек в южной части дельты Пясины.

⁷⁵ Промысловые зимовья на севере Сибири разделялись на «коренные» — просторные удобные дома, часто с крытыми дворами, где промысловик жил постоянно, и «отъезжие» — небольшие, чаще однокомнатные избы с помещением для собак, в которых охотники останавливались на несколько дней при объезде ловушек в период промысла.

⁷⁶ «Приклад» — здесь употреблено в значении прикладной час, т. е. отрезок времени между прохождением луны через небесный меридиан данного места и наступлением максимальной высоты прилива.

⁷⁷ Остров Чаек (см. примеч. 74), размеры которого указаны Х. Лаптевым довольно правильно.

⁷⁸ Большой песчаный остров, Бегичевская Коса.

⁷⁹, ⁸⁰, ⁸¹ Ныне по указанным направлениям островков в дельте Пясины или нет совсем, или они неузнаваемо изменились.

⁸² Мыс Лидии — хорошо заметный от острова Чаек в ясную погоду, в 2 км севернее которого и теперь можно видеть развалины старинного зимовья Верхне-Пясинского.

⁸³ Остров Фарватерный, лежащий против мыса Лидии.

⁸⁴ Ныне острова Птичьи в северной части дельты Пясины.

⁸⁵ Мыс Входной, на котором теперь расположен рыбацкий поселок Входной.

⁸⁶ Мыс Северо-Восточный в районе острова Диксон, от которого материковый берег круто заворачивает к югу.

⁸⁷ Зимовье Нижне-Подволошино находилось в нынешней бухте Западное Голомо, от которой к западу и югу берег становится более крутым и каменистым, чем лежащий восточнее.

⁸⁸ Острова Северо-Восточные вблизи «заворота», т. е. мыса Северо-Восточного.

⁸⁹ «Большой» остров среди Северо-Восточных островов — это остров Диксон.

⁹⁰ Бухта Ефремова, прикрываемая с северо-запада мысом Ефремов Камень.

⁹¹ Речка Волгина — ныне речка Левая Омудевая, впадающая в вершину бухты Омудевой на восточном берегу Енисейского залива. Речки Глубокая и Гольчиха свои названия сохранили и на современных картах.

⁹² Мыс Муксунинский в низовьях Енисея.

⁹³ Под мысами Северным и Южным устья Енисея Х. Лаптев явно подразумевает мыс Сопочная Корга (мыс Северный) и мыс Ошмарино (мыс Южный), которые и ныне считаются образующими устье Енисея.

⁹⁴ Имеется в виду отмель, отходящая на юго-запад от мыса Сопочная Корга.

⁹⁵ Песчаная подводная коса, тянущаяся и теперь от устья речки Гольчихи к северо-западу почти на 5 км.

⁹⁶ То есть против устья речки Гольчихи.

⁹⁷ «Игоркина зимовье» — ныне город Игарка.

⁹⁸ Х. Лаптев ошибочно считал, что уровень воды в Енисее может повышаться от напора («надмения») льда с моря, что современной наукой не подтверждается.

⁹⁹ Устье Енисея на обзорной карте Х. Лаптева («пространном бештеке») не поместилось. Х. Лаптев поясняет, что подробно оно изображено на «зее карте» (т. е. навигационной), которая до нашего времени не дошла.

¹⁰⁰ Зимовье Волгино находилось на восточном берегу бухты Омудевой в Енисейском заливе.

¹⁰¹ «Зверева» — имеется в виду не мыс Зверевский современных карт, а лежащий на 5 км от него южнее высокий, ныне безымянный мыс, от которого начинается урочище Яры Зверевские, те самые «большие, крутоберегие яры».

¹⁰² «Лант Карта» — сухопутная, обзорная карта обследованной отрядом Х. Лаптева внутренней территории между реками Енисей и Лена, которую он составил в 1743 г. в дополнение к морской «зее карте» берегов Таймыра.

¹⁰³ «По известиям», Харитон Лаптев поясняет, что на его «Лант карте» вершины некоторых рек изображены по распросным сведениям.

¹⁰⁴ Село Сполошно — ныне село Сполошино Киренского района Иркутской области.

¹⁰⁵ Село Олекмо — ныне город Олекминск в Якутии.

¹⁰⁶ Покровский мужской монастырь находился на территории нынешнего города Покровска, расположенного на реке Лене южнее Якутска.

¹⁰⁷ В истоках реки Вилюй ныне озера с таким названием нет. Возможно, так называлось нынешнее озеро Сурингда.

¹⁰⁸ Крупнейшим правым притоком реки Анабар является речка Уэле (Юэля), название которой, по Х. Лаптеву, в XVIII в. было река Олем.

¹⁰⁹ На отчетной карте Х. Лаптева 1743 г. рекой Олема в XVIII в. называли нынешнюю реку Суолама — левый приток реки Анабар. На чертежах С. Ремезова конца XVII в. эта река названа Солема, что, конечно, является искажением Соленой. Так ее называли еще в XVII в. русские землепроходцы, выяснившие, что до этой реки доходит с моря по реке Анабар прилив и вода здесь периодически становится соленой.

¹¹⁰ Иссей — это нынешнее озеро Ессей, из которого, как считали открывшие его русские землепроходцы XVII в., вытекает река Хатанга, т. е. система нынешних рек Котуй — Хатанга. Единая река Хатанга, вытекающая из озера Ессей, показывалась на всех географических картах еще до начала XX в.

В 1905 г. район Хатанги изучался экспедицией Русского Географического общества, которая установила, что в верховьях реку Хатангу якуты и эвенки называют Котуй. Это было отражено на отчетной карте экспедиции, и так показывались реки Хатанга и Котуй до 1920-х годов. Однако на картах, составлявшихся в 1920-х годах, название Котуй распространяется уже на среднее течение реки Хатанги до впадения в нее реки Хеты. Так изображаются реки Котуй и Хатанга и на современных картах.

¹¹¹ Урочище Носок — так уже в XVII в. называли русские землепроходцы высокий приметный мыс правого берега реки Хатанги, на котором было построено зимовье Хатангское — ныне крупное село, районный центр и морской порт Хатанга.

¹¹² «Виска» — частое название землепроходцами-поморами небольших речек на волоках. Здесь под «вискою» Х. Лаптев подразумевает нынешнюю реку Волочанку, впадающую в реку Хету, а в истоке близко расположенную от верховья реки Авам. Системой озер и речек — «висок» истоки этих рек почти соприкасаются: их разделяет лишь Тагенарский волок, правильно охарактеризованный Х. Лаптевым.

¹¹³ «Морским ладаном» Х. Лаптев называет прозрачные желтые камешки древнего янтаря, встречающиеся на галечных пляжах реки Хатанга и Хатангского залива.

¹¹⁴ О «коренных» и «отъезжих» зимовьях см. примеч. 75.

¹¹⁵ Под губой озера Таймыр Х. Лаптев подразумевает его крупнейший залив Ямубайкура, простирающийся на 60 км к югу.

¹¹⁶ В залив Ямубайкуру впадают две небольшие речки, берущие начало из тундровых озер.

¹¹⁷ Мура — так называет Х. Лаптев нынешнюю реку Верхнюю Таймыру, впадающую в озеро Таймыр. По-видимому, Х. Лаптев произвольно сократил ее название, чтобы как-то отличить эту реку от реки Нижней Таймыры, которую он всюду называет Таймурой, как в те времена называли также и нынешнюю реку Верхнюю Таймыру.

¹¹⁸ Местное население Таймыра — в XVIII в. предки нынешних нганасан и долган — широко привлекалось для перевозок на оленях грузов и людей отряда Х. Лаптева и делало это, как он свидетельствует, охотно.

¹¹⁹ «Тавги» — дореволюционное название нынешних нганасан.

¹²⁰ Куренги — песцовые тушки, остающиеся после снятия с пса шкурки. В голодные годы употреблялись в Сибири промысловиками-охотниками в пищу.

¹²¹ Оленья шкура, сдираемая с голенной части ног — камус, как более прочная, всегда использовалась для пошива меховых торбазов.

¹²² Шкурки с оленьих лбов отличаются наибольшей прочностью. Неудивительно, что из них шили подошвы торбазов.

¹²³ Наблюдательность Х. Лаптева позволила ему правильно предугадать сделанный только столетие спустя А. Ф. Миддендорфом научный вывод о трансгрессиях (наступлении моря) и регрессиях (отступлении моря), имевших место на севере Сибири в начале четвертичного геологического периода.

¹²⁴ Сметанина губа — старинное, ныне забытое название северо-восточного залива озера Пясино, из которого берет начало река Пясины.

¹²⁵ Река Пыра — так в XVIII в. называлась река Пура, левобережный приток реки Пясины.

¹²⁶ «Хантайские самоеды» — дореволюционное обобщенное название нынешних энцев и других малых народностей, кочевавших между низовьями Енисея и Пясины.

¹²⁷ Баканский, или Абаканский, острог — ныне город Абакан на юге Красноярского края.

¹²⁸ Город Мангазейск, или Новая Мангазея, перенесен в 1673 г. с реки Таз на место Туруханского зимовья, возникшего в 1607 г. близ впадения реки Турухан в Енисей. С середины XVIII в. обычно назывался городом Туруханск, бывшим центром Туруханского уезда. В 1905 г. в связи с обмелением реки Турухан перенесен на правый берег Енисея к устью реки Нижняя Тунгуска, где теперь стало селом Туруханск, центром Туруханского района Красноярского края. На

месте бывшего города Мангазейска теперь располагается отделение совхоза «Старый Туруханск».

¹²⁹ Село (или слобода) Дубченское основано в 1636 г. близ реки Дубчес, на левом берегу Енисея. С XVIII в. имело второе, неофициальное название — Вороговское, которое в XIX в. возобладало. Ныне село Ворогово Туруханского района.

¹³⁰ «Остяки» — дореволюционное название хантов, проживающих ныне в Ханты-Мансийском автономном округе.

¹³¹ Упомянутая церковь находилась в нынешнем поселке Верхнеимбатск.

¹³² Троицкий монастырь — основан в 1660 г. на высоком северном берегу устья реки Нижняя Тунгуска при впадении ее в Енисей. В XVIII в. монастырь вел широкую торгово-промышленную деятельность на севере Приенисейского края.

¹³³ Мыс Крестовский на правом берегу Енисея, по современным данным, находится на параллели 69°37' с. ш.

¹³⁴ Здесь Х. Лаптев понимает под мысом Восточный нынешний мыс Челюскин (мыс Восточно-Северный, как он в 1742 г. назван С. Челюскиным), а под мысом Западный — северную оконечность острова Русский, который считался Х. Лаптевым протянувшимся к северу материковым мысом Северо-Западным.

¹³⁵ Современные острова Казанские, Мининские и другие, расположенные на Енисее севернее мыса Крестовского.

¹³⁶ Севернее мыса Муксунинского расположен обширный архипелаг Бреховских островов.

¹³⁷ Ниже Бреховских островов русло Енисея расширяется, образуя в западной части обширное мелководье, называемое Бреховские отмели.

¹³⁸ «Юраками» до революции в низовьях Енисея называли ненецкие племена, кочевавшие на левобережье Енисея и Енисейского залива.

¹³⁹ Имеется в виду та часть якутов, основным занятием которых было животноводство.

¹⁴⁰ «По тех якутов» следует понимать «после тех якутов».

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЧАТСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ВИТУСА БЕРИНГА	5
ГОДЫ УЧЕБЫ И МОРСКОЙ СЛУЖБЫ Х. П. ЛАПТЕВА	18
ПУТЕШЕСТВИЯ И ОТКРЫТИЯ Х. ЛАПТЕВА НА СЕВЕРЕ СИБИРИ	25
ПОСЛЕ СЕВЕРА	85
ЗАПИСКИ ЛЕЙТЕНАНТА ХАРИТОНА ЛАПТЕВА	99
КОММЕНТАРИИ	134

ВЛАДИЛЕН АЛЕКСАНДРОВИЧ ТРОИЦКИЙ

ЗАПИСКИ ХАРИТОНА ЛАПТЕВА

Звездующий редакцией О. Д. КАТАГОЩИН
Редактор С. Я. ПРОХОДЦЕВА
Редактор карт Т. Н. ФИЛАТОВА
Художественный редактор А. И. ОЛЬДЕНБУРГЕР
Технический редактор М. Н. МАРТЫНОВА
Корректор И. В. РАВИЧ-ЩЕРБО

ИБ № 2054

Сдано в набор 24.11.81. Подписано в печать 06.04.82. А 04733. Формат 70×100/32. Бумага для глубокой печати 75 г. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печатных листов 5,8. Учетно-издательских листов 6,34. Усл. краско-отт. 6,22. Тираж 50 000 экз. Заказ № 17315. Цена 20 к.

Издательство «Мысль».
117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография издательства «Калининградская правда», Калининград (обл.), ул. Карла Маркса, 18.

111
 :Клиентъ бодитъ Лоринасъ Когитъ (хъ рѣка Сагуна въ хѣтѣхъ рѣка Лоринасъ
 Маттаиниъ рѣка въ илгоуи Породимъ илгоуи Породимъ илгоуи Породимъ
 доволитъ едина Пидеиъ доволитъ рѣка Сагуна рѣка Сагуна бодитъ бодитъ бодитъ
 илгоуи; /

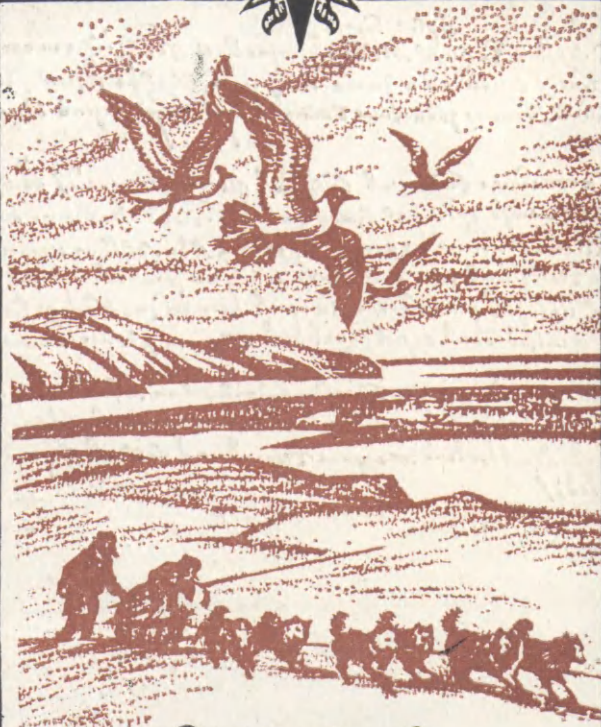
Орѣне Еуропа

рѣка Еуропа илгоуи Породимъ Маттаиниъ Породимъ бодитъ бодитъ бодитъ бодитъ
 Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ
 Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ

Породимъ рѣка Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ
 Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ
 Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ
 Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ

Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ
 Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ
 Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ Породимъ

«МЫСЛЬ»